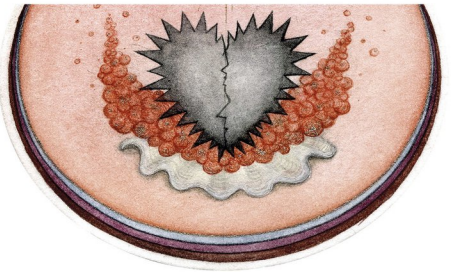
ПАТРИЦИЯ ХАЙСМИТ

ЦЕНА СОЛИ



18+

Цена соли
Патриция Хайсмит

Аннотация
Патриция Хайсмит. Цена соли
I
II
Послесловие

Аннотация

Патриция Хайсмит – известная американская писательница, работавшая с жанром рассказа, психологического нуарного детектива и романа. Ее произведения экранизировали Альфред Хичкок, Лилиана Кавани, Вим Вендерс, Рене Клеман и другие. «Цена соли» – культовый роман, новаторский для американской литературы 1950-х годов и актуальный поныне. Он рассказывает о нелегком пути, который пришлось преодолеть двум сильным и страстным женщинам – юной и бедной Терез, работающей продавщицей в универмаге, и домохозяйке Кэрол, вымотанной бракоразводным процессом.

Патриция Хайсмит
Цена соли

Эдне, Джорди и Джеффу

I

1

Обеденный час в кафетерии для сотрудников «Франкенберга» достиг своего пика.

Ни за одним из длинных столов места больше не было, а люди всё прибывали и прибывали и оставались ждать за деревянной перегородкой у кассы. Те, кто уже получили свои подносы с едой, бродили между столами в поисках зазора, куда можно было бы втиснуться, или освобождающегося места, но ничего не было. Грохот посуды, стульев, голоса, шарканье ног и *тр-р-реск* проворачивающихся турникетов в помещении с голыми стенами сливались в нестихающий гул единого громадного механизма.

Терез ела нервно, уткнувшись в прислонённую к сахарнице брошюру «Добро пожаловать во «Франкенберг». Эту пухлую книжицу она прочла от корки до корки ещё на прошлой неделе, в первый же учебный день, но ничего другого для чтения у неё с собой не было, а в этом служебном кафетерии, она чувствовала, ей необходимо на чём-то сосредоточиться. Поэтому она снова стала

читать об отпускных льготах, трехнедельном отпуске для проработавших во «Франкенберге» пятнадцать лет, и есть дежурное блюдо — сероватый кусок ростбифа с облитым коричневой подливой шариком картофельного пюре, горкой горошка и хреном в крошечном бумажном стаканчике. Она попыталась представить себе, каково это — проработать пятнадцать лет в универмаге «Франкенберг», — и не смогла. «Отработавшие двадцать пять лет получают четыре недели оплачиваемого отпуска», — говорилось в брошюре. «Франкенберг» также предоставлял лагерь для отпускников зимой и летом. Им бы следовало ещё завести свою церковь, подумала она, и больницу для рождения детей. Своим устройством магазин настолько напоминал тюрьму, что временами ей становилось страшно от осознания своей к нему причастности.

Терез быстро перевернула страницу и увидела напечатанное крупным чёрным рукописным шрифтом на весь разворот: «Годитесь ли *вы* для работы во "Франкенберге"?»

Она взглянула на окна в противоположном конце зала и попыталась подумать о чём-то другом. О красивом чёрно-красном норвежском свитере, который видела в «Саксе» и, возможно, купит

Ричарду на Рождество, если не найдёт кошелёк посимпатичнее тех, за двадцать долларов, что попались ей на глаза. О том, что сможет поехать в следующее воскресенье с супругами Келли в Вест-Пойнт на хоккей. Большущее квадратное окно в другом конце зала напоминало картину… чью же? Мондриана. Из маленькой квадратной форточки в углу открывался вид на белое небо. А птиц не было — ни одна не влетала и не вылетала. Какие декорации можно было бы сделать для пьесы, действие которой происходит в универмаге? Она вернулась к тому, от чего пыталась уйти.

— Но с тобой-то всё совсем иначе, Терри, — сказал Ричард. — Ты можешь быть абсолютно уверена в том, что через пару недель оттуда вырвешься, у других же этого нет.

Ричард сказал, что этим летом она сможет быть в Париже. Будет там. Ричард хотел, чтобы она поехала с ним, и ничто, на самом деле, не мешало ей это сделать. А друг Ричарда Фил Мак-Элрой написал ему, что в следующем месяце, возможно, сумеет устроить её на работу в театральную труппу. Терез пока ещё не была знакома с Филом, но очень слабо верила в то, что он сможет устроить её на работу. Она прочёсывала Нью-Йорк снова и снова, начиная с сентября, но так ничего и не

нашла. Да и кто посреди зимы станет нанимать подмастерье сценографа, к тому же ещё только начинающего? Столь же нереальной казалась ей и мысль о том, что следующим летом она сможет быть в Европе с Ричардом, сидеть в летних кафе, гулять по Арлю, отыскивать места, которые писал Ван Гог, вместе выбирать городки, где они будут на какое-то время останавливаться и рисовать. А в последние дни, с тех пор как она начала работать в магазине, всё это стало казаться ещё менее реальным.

Она знала, что ей досаждает в магазине. О таком она даже и не пыталась бы заговорить с Ричардом. Магазин усиливал то, что ей всегда, сколько она помнила, досаждало — пустые действия, бессмысленную рутину, которые, казалось, не дают ей заниматься тем, чем она хотела бы, чем могла бы заниматься. И вот пожалуйста, тут-то оно всё и было — мудрёные процедуры с инкассаторскими сумками, проверки верхней одежды, табельные часы… процедуры, не дававшие людям даже работу свою в магазине выполнять настолько продуктивно, насколько они могли бы. Было ощущение, что все находятся в изоляции друг от друга и живут в совершенно неправильной плоскости, и оттого смысл, идея,

любовь, да что угодно, из чего состоит каждая человеческая жизнь, не могут найти своего выражения. Ей это напоминало разговоры за столами, на диванах с людьми, чьи слова будто зависают над неживым, над вещами, которые невозможно расшевелить; эти люди никогда не прикасаются к звучащей струне. А если кто-то попытается этой живой струны коснуться, они посмотрят на него — вечные лица-маски — и отпустят реплику, настолько совершенную в своей банальности, что и не поверишь, что это может быть уловка. И ещё одиночество, усугублённое тем, что день за днём видишь внутри магазина одни и те же лица, совсем небольшое количество людей, с которыми можно было бы заговорить, да так и не захотелось. Или не смоглось. Это не то что лицо в проезжающем автобусе — лицо, которое, кажется, обращено именно к тебе… его ты, по крайней мере, видишь лишь раз, и оно исчезает навсегда.

Каждое утро, выстаивая в подвале очередь к табельным часам — в то время как её глаза бессознательно сортировали работников, отделяя постоянных от временных, — Терез задавалась вопросом, как это её угораздило здесь очутиться. Конечно, она откликнулась на объявление, но это не объясняло фатума. Она размышляла о том,

что ждёт её дальше вместо работы сценографа. Её жизнь представляла собой серию зигзагов. Ей было девятнадцать лет, и она тревожилась.

«Ты должна научиться доверять людям. Помни об этом, Терез», — часто повторяла ей сестра Алисия. И часто, очень часто Терез старалась этот совет применять.

— Сестра Алисия, — бережно прошептала Терез. Свистящие слоги её успокаивали.

Она снова выпрямилась и взяла в руки вилку — мальчик-уборщик двигался в её сторону.

Перед глазами возникло лицо сестры Алисии — костистое и красноватое, как розовый камень, когда на него падает солнечный свет, — и голубая крахмальная волна её бюста. Крупная костлявая фигура сестры Алисии, появляющаяся из-за угла в вестибюле, проходящая между эмалированными столами в трапезной. Сестра Алисия в тысяче мест; небольшие голубые глаза, всегда отыскивающие её среди других девочек, видящие её иначе — Терез это знала, — чем всех остальных, при этом тонкие розовые губы неизменно сложены в одну и ту же прямую линию. Вот сестра Алисия протягивает ей завёрнутые в папиросную бумагу вязаные зелёные перчатки, протягивает без улыбки, просто передаёт из рук в руки без

лишних слов в подарок на её восьмилетие. А вот сестра Алисия говорит ей — тот же прямой рот, — что она должна сдать арифметику. Кому ещё было дело до того, сдаст ли она арифметику? Терез хранила эти зелёные перчатки на дне жестяного шкафчика в школе ещё долгие годы после переезда сестры Алисии в Калифорнию. Белая бумага сделалась дряблой и больше не хрустела, она превратилась в древнюю тряпку, но перчатки Терез так и не надела. В конце концов они стали ей малы.

Кто-то сдвинул сахарницу, и брошюра шлёпнулась на стол.

Терез увидела напротив себя пару рук — пухлых, стареющих женских рук, размешивающих сахар в кофе, а теперь с дрожащим нетерпением разламывающих булочку, жадно макающих одну из половинок в коричневую подливу блюда, точь-в-точь такого же, как ела Терез. Кисти рук были потрескавшиеся, грязь в параллельных складках на сгибах пальцев, но на правой руке бросалось в глаза серебряное кольцо филигранной работы с прозрачно-зелёным камнем, на левой — золотое обручальное, а в уголках ногтей виднелись следы красного лака. Терез наблюдала, как рука подносит ко рту вилку с горкой горошка, и ей не нужно

было видеть лицо, чтобы знать, какое оно. Такое же, как у всех работающих во «Франкенберге» пятидесятилетних женщин, — поражённое вечным изнеможением и ужасом, с искажёнными за стёклами очков глазами, либо увеличенными, либо уменьшенными, со щеками в пятнах румян, ничуть не освежавших серость кожи. Терез не могла на это смотреть.

— Вы новенькая, да? — голос прозвенел в нестихающем гуле, почти мелодичный голос.

— Да, — ответила Терез и подняла глаза. Она вспомнила это лицо. То самое, изможденность которого заставила Терез увидеть все остальные лица. Как-то раз, примерно в полседьмого вечера, когда магазин был пуст, эта женщина еле-еле сползала по ведущим вниз из мезонина мраморным ступеням. Руки скользили на широких мраморных перилах, перенимая часть тяжести с шишковатых ступней. «Она не больна, она не нищенка, она просто здесь работает», — подумала тогда Терез.

— Справляетесь?

И вот она, эта женщина, — улыбается ей, и те же ужасные морщины лежат под глазами и вокруг рта. Впрочем, глаза её теперь были живыми и, пожалуй, даже ласковыми.

— Справляетесь? — повторила женщина, потому что вокруг стоял дикий галдёж и звон посуды.

Терез облизнула губы.

— Да, спасибо.

— Вам здесь нравится?

Терез кивнула.

— Закончили? — Молодой человек в белом фартуке ухватил тарелку властной рукой.

Женщина сделала отпускающий жест дрожащей ладонью. Она придвинула к себе блюдце с нарезанными консервированными персиками. Персики, как склизкие оранжевые рыбки, соскальзывали с ложки всякий раз, когда женщина её поднимала, и лишь одну дольку ей удавалось донести до рта и съесть.

— Я на третьем этаже в отделе джемперов. Если захотите о чём-либо попросить, — сказала женщина с нервной нерешительностью, будто пыталась донести до неё мысль, пока их не оборвали или не разлучили, — подходите как-нибудь, поговорим. Меня зовут миссис Робичек. Миссис Руби Робичек, номер пять сорок четыре.

— Спасибо большое! — ответила Терез. И внезапно уродливость женщины исчезла, потому что красновато-карие глаза за стёклами очков смотрели на Терез по-доброму и с интересом.

Сердце забилось, будто ожило. Терез смотрела, как женщина встаёт из-за стола, как её низенькая, плотная фигура удаляется, пока она совсем не пропала в ожидающей за перегородкой толпе.

Терез не стала заходить к миссис Робичек, но каждое утро высматривала её, когда работники магазина стекались в здание примерно без четверти девять, выглядывала её в лифтах и кафетерии. Ей так и не удавалось увидеть миссис Робичек, но было приятно знать, что есть кто-то, кого можно искать в магазине. Это полностью всё меняло.

Почти каждое утро, придя на работу и поднявшись на седьмой этаж, Терез на минутку останавливалась понаблюдать за одним игрушечным поездом. Поезд располагался обособленно на столе рядом с лифтами. Он был не таким шикарным и большим, как другой — тот, что катался по полу в глубине отдела игрушек. Но было в его крохотных, ходящих туда-сюда поршнях неистовство, каким не обладали большие поезда. Эта ярость и отчаянная безысходность на замкнутом овале рельс завораживали Терез.

«А-а-р-р-р-р-р!» — неслось из него, когда он слепо катил колёса в сделанный из папье-маше тоннель. И «у-р-р-р-р-р-р!» — когда вновь возни-

кал оттуда.

Маленький поезд всегда был в движении — и когда Терез по утрам выходила из лифта, и когда заканчивала работу по вечерам. Ей казалось, он проклинает руку, ежедневно переводящую его стрелку. В рывках носом на поворотах, в бешеных бросках по прямым участкам дороги ей виделась безумная и тщетная погоня за деспотичным властителем. Локомотив тянул за собой три пульмановских вагона, в окнах которых можно было разглядеть кремнистые профили крошечных человеческих фигурок. За этими тремя шёл открытый товарный вагон с настоящим миниатюрным строительным лесом, за ним — грузовой с ненастоящим углем, и наконец — служебный вагон, который подпрыгивал на поворотах, крепко держась за убегающий поезд, как ребёнок за материнскую юбку. Поезд был похож на существо, свихнувшееся в заточении, уже мёртвое, но чьи силы всё никак не иссякнут — как у тех изящных, на пружинящих лапах, лис в зоопарке Центрального парка, с их замысловатой траекторией бега, всё повторяющейся и повторяющейся, когда они кругами носятся по своим клеткам.

В это утро Терез быстро отвернулась от поезда и пошла дальше, к отделу кукол, в котором

работала.

В пять минут десятого большущий идеально квадратный отдел игрушек оживал. С длинных столов стягивались зелёные скатерти. Механические игрушки принимались подбрасывать в воздух и ловить мячи, в тирах выставлялись и начинали двигаться по кругу мишени. Стол с живностью скотного двора крякал, кудахтал и кричал «иа-иа». За спиной у Терез раздалось утомлённое «тра-та-та-та-та» — барабанная дробь гигантского оловянного солдатика, который воинственно встал лицом к лифту, чтобы весь день бить в барабан. От стола декоративно-прикладного искусства исходил запах свежей модельной глины, напоминающий о художественной комнате в школе, когда Терез была совсем маленькой, и ещё — о склепе на школьном дворе. О нём ходили слухи, будто это была чья-то настоящая могила, и Терез имела обыкновение просовывать внутрь нос сквозь железные прутья решётки.

Миссис Хендриксон, заведующая секцией кукольного отдела, тащила кукол со складских полок и рассаживала их с ногами враскоряку по стеклянным прилавкам.

Терез поздоровалась с мисс Мартуччи, которая стояла за прилавком, пересчитывая купюры и

монеты из инкассаторской сумки, и была так сосредоточена, что в ответ лишь чуть ниже опустила в кивке голову, продолжая кивать в такт своему счёту. Терез насчитала двадцать восемь пятьдесят в своей инкассаторской сумке, записала сумму на белой бумажной наклейке для конверта с квитанциями и переложила деньги, разделив их по достоинству, в ящик кассового аппарата.

К тому моменту из лифтов уже стали появляться первые покупатели. Они секунду медлили в нерешительности с растерянным, каким-то напуганным выражением лица, которое всегда бывало у людей, оказавшихся в отделе игрушек, затем начинали следовать каждый своим замысловатым курсом.

— У вас есть писающие куклы? — спросила женщина.

— Я бы хотела такую же, но в жёлтом платье, — сказала другая, подталкивая куклу к Терез. Терез повернулась и сняла с полки нужную куклу.

У женщины, заметила она, рот и щёки были как у её матери — рябоватые щёки под тёмно-розовыми румянами и разделяющий их тонкий красный рот, весь в вертикальных морщинках.

— А что, все куклы Дринкси-Ветси[1] — этого размера?

Искусство торговать тут не требовалось. Люди хотели куклу, любую куклу, для подарка на Рождество. Нужно было лишь нагибаться, выдвигать коробки в поисках куклы с карими глазами вместо голубых, звать миссис Хендриксон, чтобы та открыла ключом витрину, что она неохотно и делала, если была убеждена, что этой куклы не найти на складе. Нужно было лишь бочком пробираться через проход за прилавком, водружать куклу поверх горы коробок на упаковочном столе — а гора эта вечно росла, вечно готова была опрокинуться, сколь бы часто ребята-рабочие со склада ни подходили и ни уносили упаковки. Детей у прилавка почти никогда не было. Ведь кукол должен приносить Санта Клаус. Санта Клаус, представленный исступлёнными лицами и цепкими руками. И всё-таки должна же в них всех быть какая-то добрая воля, думала Терез, даже за неприветливыми напудренными лицами женщин в норке и соболях, женщин, которые обычно держались в высшей степени высокомерно и спешно скупали самых больших

---

[1] notes: 1
Кукла, которая «пьёт» из бутылочки и «мочит» подгузник.

и дорогих кукол, кукол с натуральными волосами и сменной одеждой. В бедных-то людях безусловно была любовь. В тех, что ждали своей очереди, тихо спрашивали, сколько стоит та или иная кукла, и, с сожалением покачав головой, отворачивались от прилавка. Тринадцать долларов и пятьдесят центов за куклу всего-то в десять дюймов ростом!

«Возьмите её, — хотела сказать им Терез. — Она и правда чрезмерно дорога, но я дарю вам эту куклу. "Франкенберг" её не хватится».

Но женщины в дешёвых пальто и робкие, ёжащиеся в своих поношенных кашне мужчины уходили обратно к лифтам, по пути бросая тоскливые взгляды на другие прилавки. Если человек приходил за куклой, он не хотел ничего другого. Кукла была рождественским подарком особого рода, практически живым, почти ребёнком.

Детей почти никогда не приводили, но время от времени кто-то появлялся — как правило, девочка (очень редко — мальчик), крепко держащаяся за родительскую руку. Терез показывала малышке кукол, которые, как она полагала, могли ей понравиться. Она была терпелива, и в конце концов одна из кукол вызывала ту метаморфозу в детском лице, тот отклик на вымысел, ради

которого всё и было задумано; обычно именно с этой куклой ребёнок и уходил.

И вот как-то вечером после работы Терез увидела миссис Робичек в кафе-пончиковой через дорогу. Терез частенько заходила туда выпить чашку кофе перед тем, как идти домой. Миссис Робичек была в глубине кафе, у конца длинной изгибающейся стойки, и макала пончик в кружку с кофе.

Терез стала проталкиваться и протискиваться к ней сквозь толпу девушек, кофейных кружек и пончиков.

— Здравствуйте! — выдохнула она, добравшись до локтя миссис Робичек, и повернулась к стойке, словно чашка кофе была единственной её целью.

— Здравствуйте, — ответила миссис Робичек с таким безразличием, что Терез почувствовала себя уничтоженной.

Она не осмеливалась снова посмотреть на миссис Робичек. И при этом плечи их вообще-то были прижаты друг к другу! Терез уже выпила половину своего кофе, когда миссис Робичек произнесла без выражения:

— Мне на метро «Индепендент». Интересно, выберемся ли мы когда-нибудь отсюда.

Голос её звучал вяло, не так, как в тот день в кафетерии. Сейчас она снова была сгорбленной, едва ползущей по лестнице старухой, такой, какой Терез её однажды увидела.

— Выберемся, — заверилаТерез.

Она с усилием проложила их путь к двери. Ей тоже нужно было на метро «Индепендент». Мало-помалу продвигались они в неповоротливой толпе ко входу в метро, пока их постепенно и неотвратимо не втянуло вниз по ступенькам, как частички отбросов в дренажную воронку. Оказалось, что обе они выходят на Лексингтон, хотя миссис Робичек жила на Пятьдесят пятой улице, чуть восточнее Третьей авеню. Терез зашла с ней в кулинарию, где миссис Робичек хотела купить себе что-нибудь на ужин. Терез бы самой тоже не помешало купить чего-нибудь для своего ужина, но почему-то в присутствии миссис Робичек она на это не решилась.

— У вас дома есть еда?

— Нет, я потом что-нибудь куплю.

— Почему бы вам не поужинать со мной? Я совершенно одна. Пойдёмте.

В заключение миссис Робичек пожала плечами, будто это было сделать легче, чем улыбнуться.

Желание вежливо запротестовать продержа-

лось у Терез всего секунду.

— Спасибо! С радостью.

Потом она увидела на прилавке торт в целлофане — фруктовый торт, похожий на большой коричневый кирпич с красными черешнями сверху, — и купила его в подарок миссис Робичек.

Дом был такой же, как у Терез, только из песчаника и гораздо темнее и мрачнее. В коридорах было совсем темно, и когда миссис Робичек включила свет на третьем этаже, Терез увидела, что дом не особенно чист. Комната миссис Робичек также не блистала чистотой, и постель была неубрана. «Интересно, — подумала Терез, — она встаёт по утрам такая же уставшая, как ложится спать?» Миссис Робичек оставила её стоять посреди комнаты, а сама двинулась в маленькую кухоньку, тяжело ступая и унося пакет с продуктами, который забрала из рук у Терез. Терез чувствовала, что теперь, оказавшись дома, где её никто не видит, миссис Робичек дала себе волю не скрывать усталости.

Терез так и не смогла вспомнить, как это началось. Она не помнила разговора, который этому прямо предшествовал, да разговор, конечно, и не имел значения. А случилось то, что миссис

Робичек стала постепенно отдаляться от неё, как-то странно, будто в трансе. Речь её внезапно превратилась в невнятное бормотание, и она легла навзничь на неприбранную постель. Из-за продолжающегося бормотания, слабой извиняющейся улыбки, жуткой, шокирующей уродливости короткого грузного тела с торчащим животом, из-за виновато склонённой головы, которая всё ещё вежливо была обращена к Терез, Терез не могла заставить себя слушать.

— У меня когда-то был свой магазин женской одежды в Квинсе. О, прекрасный, большой, — сказала миссис Робичек, и Терез уловила хвастливую нотку и невольно начала слушать, ненавидя себя за это. — Знаете, такие платья с талией углом и маленькими пуговками доверху. Знаете, года три-пять назад…

Миссис Робичек невразумительно расставила негнущиеся пальцы у себя на талии. Короткие пальцы и близко не могли охватить переднюю часть тела. Миссис Робичек казалась очень старой в тусклом свете лампы, от которого у неё под глазами залегли чёрные тени.

— Их называли платья «Катерина». Помните? Это я их моделировала. Они из моего магазина в Квинсе. Знаменитые очень даже!

Миссис Робичек встала из-за стола и прошла к маленькому сундучку у стены. Она открыла его и, продолжая говорить, стала вытаскивать оттуда прямо на пол платья тёмной, тяжёлой на вид материи. Она подняла гранатово-красное бархатное платье с белым воротничком и крошечными белыми пуговками, буквой «V» сбегавшими вниз по передней части узкого лифа.

— Видите, у меня их полно. Я их делала. Другие магазины копировали.

Уродливая голова миссис Робичек гротескно склонилась над белым воротничком платья, который она захватила подбородком.

— Вам нравится? Я вам одно дарю. Идите сюда. Идите сюда, примерьте.

Мысль о примерке платья вызвала у Терез отторжение. Если бы только миссис Робичек снова прилегла отдохнуть. Но Терез послушно встала, словно у неё не было своей собственной воли, и подошла.

Дрожащими и назойливыми руками миссис Робичек прижала к ней чёрное бархатное платье, и Терез вдруг представила, как она обслуживает покупателей в магазине, суматошно навязывая им джемперы, потому что никак иначе выполнить то же самое действие она не могла бы. Терез

вспомнила — миссис Робичек говорила, что работает во «Франкенберге» четыре года.

— Вам больше нравится зелёное? Примерьте его.

И в миг, пока Терез колебалась, миссис Робичек бросила это платье и взяла другое, тёмно-красное.

— Я пять их продавала девушкам в магазине, но вам я одно дарю. Остатки, но они до сих пор в моде. Это нравится больше?

Терез больше нравилось красное. Ей нравился красный цвет, особенно гранатово-красный, и она любила красный бархат. Миссис Робичек подтолкнула её к углу, где Терез смогла раздеться и положить одежду на кресло. Но она не хотела этого платья, не хотела, чтобы ей его дарили. Ей это напоминало о том, как в Доме она получала обноски после старших детей, потому что её считали практически одной из сирот, составлявших половину школы и никогда не получавших посылок извне. Терез скинула джемпер и почувствовала себя совершенно голой. Она обхватила себя за руки выше локтей — кожа там была холодной и нечувствительной.

— Я шила, — упоённо говорила сама с собой миссис Робичек. — Как я шила, с утра до ночи!

Под моим началом были четыре девушки. Но у меня стали плохие глаза. Один ослеп, вот этот. Надевайте платье.

Она рассказала Терез об операции на глазе. Он был не полностью слепым, только частично. Но было очень больно. Глаукома. Он и сейчас болел. Он и ещё спина. Ступни. Косточки.

Терез поняла — миссис Робичек рассказывает о всех своих неприятностях и невезенье, чтобы ей, Терез, стало ясно, почему она опустилась до работы в универмаге.

— Подходит? — уверенно спросила миссис Робичек.

Терез посмотрела в зеркало на двери шкафа. В нём отражалась длинная тонкая фигура с узковатой головой, будто сияющей пламенем по контуру — ярко-жёлтый огонь, сбегающий к ярко-красной планке на каждом плече. Платье ниспадало ровными складками почти до лодыжек. Это было платье королевы из сказок, цвета более насыщенного, чем цвет крови. Она сделала шаг назад, пальцами за спиной стянула свободно сидящее платье, так, что оно облегло рёбра и талию, и посмотрела в свои тёмные зеленовато-карие глаза в зеркале. Она знакомилась сама с собой. Вот это и была она, а не та девушка в

блёклой клетчатой юбке и бежевом джемпере, не та девушка, что работала в отделе кукол «Франкенберга».

— Вам нравится? — спросила миссис Робичек.

Терез изучала неожиданно спокойный рот, ей отчётливо была видна его лепка, хотя помады на нём было не больше, чем от чьего-то поцелуя. Ей так хотелось поцеловать эту особу в зеркале и пробудить её к жизни! Тем не менее она стояла абсолютно неподвижно, как на живописном портрете.

— Если оно вам нравится, берите, — нетерпеливо и настоятельно произнесла миссис Робичек, наблюдая со стороны, затаившись у шкафа, как это делают продавщицы в универмагах, пока женщины примеряют пальто и платья перед зеркалом.

Но Терез знала, что этот эффект не удержится. Стоит ей пошевелиться, и всё пропадёт. Даже если она оставит платье себе, всё пропадёт. Потому что это было нечто минутное, сиюминутное. Она не хотела платье. Она попыталась представить его у себя дома, в стенном шкафу, среди другой одежды, и не смогла. Она начала расстёгивать пуговицы и воротник.

— Оно вам нравится, да? — спросила миссис

Робичек так же уверенно.

— Да, — твёрдо признала Терез.

Она никак не могла отстегнуть крючок от петли сзади на вороте. Пришлось прибегнуть к помощи миссис Робичек, и Терез не могла дождаться, когда же та закончит. Ей казалось, что её душат. Что она здесь делает? Как её угораздило надеть на себя такое платье? Внезапно миссис Робичек и её квартира представились ей жутким сном, который — она только сейчас это поняла — ей снится. Миссис Робичек была горбуньей-смотрительницей подземной темницы. И она привела сюда Терез, чтобы подвергнуть её танталовым мукам.

— Что такое? Булавка колола?

Губы Терез разомкнулись, чтобы что-то сказать, но мысли её были слишком далеко. Мысли её находились в отдалённой точке, в отдалённом завихрении, которое образовалось прямо в тускло освещённой, вселяющей ужас комнате, где они двое, казалось, сошлись в отчаянной схватке. И там, в той точке завихрения, где находились её мысли, она знала, что ужасает её безнадёжность, и больше ничего. Это была безнадёжность хворого тела миссис Робичек и её работы в магазине, груды платьев в сундуке, её уродливости. Безнадёжность, из которой целиком состоял конечный

этап жизни этой женщины. И её собственная, Терез, безнадёжность когда-либо стать таким человеком, каким она хотела быть, и делать то, что стал бы делать этот человек. Что же выходит, вся её жизнь — лишь сон, а реальность — *вот это*? Ужас от этой безнадёжности вызвал у неё желание сбросить с себя платье и бежать, пока не поздно, пока оковы не сомкнулись вокруг неё.

А может быть, уже поздно. Как в кошмарном сне, Терез стояла посреди комнаты в белой комбинации и дрожала, не в силах сдвинуться с места.

— Что такое? Холодно? Тут жарко.

Было и в самом деле жарко. Шипел радиатор. В комнате пахло чесноком и затхлостью старости, лекарствами и ещё тем особым металлическим запахом, который принадлежал самой миссис Робичек. Терез хотелось рухнуть в кресло, где лежали её юбка и джемпер. Возможно, думала она, если она ляжет на свою собственную одежду, то оно будет и ничего. Но ложиться не следовало в любом случае. Если она ляжет, она пропала. Оковы сомкнутся, и она сама превратится в горбунью.

Её била жуткая дрожь. Внезапно она утратила способность владеть собой. Это был озноб, а не просто испуг или усталость.

— Сядьте, — голос миссис Робичек прозвучал издалека и с потрясающими безразличием и скукой, словно она вполне себе привыкла к девушкам, впадающим в предобморочное состояние у неё комнате. И так же издалека её сухие, с шершавыми кончиками, пальцы сдавили руки Терез.

Терез сражалась с креслом, зная, что всё равно сдастся, и даже отдавая себе отчёт в том, что именно этим оно её и притягивает. Она упала в кресло и почувствовала, как миссис Робичек тянет за юбку, пытаясь вытащить её из-под Терез, но не могла заставить себя пошевелиться. Между тем она по-прежнему находилась в той же точке осознанности, по-прежнему способна была свободно мыслить, хоть перед ней и выросли тёмные подлокотники кресла.

— Вы слишком много стоите на ногах в магазине, — говорила миссис Робичек. — С этими Рождествами тяжело. Я видела их четыре. Вы должны научиться немножко беречь себя.

Сползая вниз по ступенькам, цепляясь за перила. Беречь себя, обедая в кафетерии. Снимая обувь с шишковатых ног, наравне с другими женщинами, которые рядком примостились на радиаторе в женском туалете, как на насесте,

воюя за местечко на этом радиаторе, чтобы подстелить газету и посидеть пять минут.

Голова у Терез была очень ясной. Поразительно, насколько ясной она была, хотя Терез знала, что всего лишь смотрит в пространство перед собой и что она не смогла бы пошевелиться, если бы и захотела.

— Вы просто устали, ох, деточка, — сказала миссис Робичек, укрывая ей плечи шерстяным одеялом. — Вам надо отдохнуть. Весь день стояли на ногах, и сейчас тоже.

На ум Терез пришла строчка из Элиота, которого давал ей почитать Ричард: *«Это всё не то, в конце концов, совсем не то*[2]*»*. Она попыталась произнести это вслух, но не смогла пошевелить губами. Во рту было что-то сладкое и жгучее. Миссис Робичек стояла перед ней, наливая нечто из бутылки в ложку и потом проталкивая ложку ей в рот. Терез послушно глотала — ей было всё равно, если бы даже это оказался яд. Теперь она могла шевелить губами, могла встать с кресла, но ей не хотелось двигаться. В конце концов она откинулась на спинку кресла, позволила миссис Робичек укрыть себя одеялом и притво-

---

[2] notes: 2

Т. С. Элиот. «Любовная песнь Дж. Альфреда Пруфрока», из «Пруфрок и другие наблюдения» *(перевод А. Сергеева)*.

рилась уснувшей. Но всё это время она следила за сгорбленной фигурой, которая перемещалась по комнате, убирала со стола, раздевалась, чтобы лечь в постель. Она смотрела, как миссис Робичек снимает с себя большой корсет на шнуровке и вслед за ним — охватывающее плечи и частично спускающееся на спину приспособление с бретельками. Терез в ужасе закрыла глаза, крепко-накрепко их зажмурила и оставалась в таком положении, пока скрип пружин и длинный шумный вздох не подсказали ей, что миссис Робичек легла в постель. Но это было ещё не всё. Миссис Робичек потянулась к будильнику, завела его и, не отрывая головы от подушки, будильником пыталась нащупать стул с прямой спинкой возле кровати. В темноте, едва различая, Терез увидела, как четыре раза поднялась и опустилась её рука, прежде чем будильник оказался на стуле.

Подожду пятнадцать минут, пока она уснёт, и уйду, подумала Терез.

И, поскольку её одолевала усталость, она напрягла все силы, чтобы задержать спазм, этот внезапный приступ, который был как падение и приходил каждую ночь задолго до сна, но тем не менее был его предвестником. Он не пришёл. Поэтому, когда она решила, что пятнадцать ми-

нут истекли, она оделась и неслышно вышла за дверь. В конечном итоге это оказалось легко — просто открыть дверь и сбежать. Это было легко, подумала она, потому что никуда-то она на самом деле и не сбегала.

2

— Терри, помнишь этого малого, Фила Мак-Элроя, о котором я тебе рассказывал? Из репертуарной труппы. Так вот, он сейчас в городе и говорит, что через пару недель у тебя будет работа.

— Настоящая работа? Где?

— Спектакль в Виллидже. Фил хочет сегодня вечером с нами увидеться. Я всё расскажу тебе при встрече. Буду минут через двадцать. Сейчас только выхожу из училища.

Терез взбежала на три лестничных пролёта к себе в комнату. Звонок застиг её, когда она умывалась, и теперь мыло засохло на лице. Она устремила взгляд на оранжевую махровую мочалку в раковине.

— Работа! — прошептала она. Волшебное слово.

Она переоделась в платье, повесила на шею короткую серебряную цепочку с медальоном свя-

того Христофора — подарок от Ричарда на день рождения, расчесала волосы, слегка смочив их водой, чтобы выглядели аккуратнее. Потом уложила разрозненные эскизы и картонные макеты в стенном шкафу так, чтобы было легко достать, когда Фил Мак-Элрой попросит их посмотреть. «Нет, — придётся сказать, — настоящего опыта у меня не так много». И сердце упало в предчувствии краха. У неё за плечами не было даже стажа подмастерья, если не считать той двухдневной работы в Монклере — она тогда сделала макет, которым в конечном итоге воспользовалась любительская труппа. Если это можно назвать работой. Она прослушала два курса сценографии в Нью-Йорке и прочла уйму книг. Ей так и слышалось, как Фил Мак-Элрой, этот глубокий и весьма занятой молодой человек, вероятно, слегка раздражённый тем, что ему пришлось прийти впустую, говорит с сожалением, что всё же она им не подойдёт. Но в присутствии Ричарда, подумала Терез, это будет не так убийственно, как если бы она была одна. За время их с Ричардом знакомства он бросал работу и был уволен раз пять. Меньше всего Ричард беспокоился о потере работы и нахождении новой. Терез вспомнила своё увольнение из «Пеликан-Пресс» месяц назад,

и её передёрнуло. Ей даже не дали уведомления, и уволена она была исключительно потому — так она предполагала, — что её конкретное исследовательское задание было выполнено. Когда она зашла к мистеру Нуссбауму, директору, поговорить о том, что ей не дали уведомления, оказалось, что он не знает или делает вид, что не знает значения этого термина.

— Уведа?.. Вус[3]? — равнодушно произнёс он, и она развернулась и убежала, испугавшись, что сейчас расплачется прямо у него в кабинете. Ричарду было легко — он жил дома с родными, которые всегда могли поддержать его в бодром расположении духа. Ему легче было копить деньги. Он накопил тысячи две за два года службы в военно-морском флоте и ещё тысячу — за год после. А сколько времени уйдёт у неё, чтобы собрать полторы тысячи, необходимые для вступления в профсоюз театральных художников в качестве начинающего специалиста? Спустя почти два года жизни в Нью-Йорке у неё из этой суммы набралось всего пятьсот долларов.

— Молись за меня, — сказала она стоящей на книжной этажерке деревянной Мадонне. Это

---

[3] notes: 3
Что? *(идиш).*

была единственная красивая вещь в её квартире — деревянная Мадонна, которую она купила в свой первый месяц в Нью-Йорке. Хотела бы она, чтобы для Мадонны в комнате было место получше этой уродливой этажерки, которая выглядела как куча поставленных друг на друга и выкрашенных в красный цвет фруктовых лотков. Терез ужасно хотелось этажерку цвета натурального дерева, гладкую на ощупь и глянцево-вощёную.

Она спустилась в кулинарию и купила шесть банок пива и сыр с плесенью. Потом, вернувшись наверх, вспомнила, с какой целью изначально туда отправлялась — купить какого-нибудь мяса к ужину. Они с Ричардом планировали сегодня поужинать дома. Возможно, теперь всё это переиграется, но она не любила менять планы по своей инициативе, когда дело касалось Ричарда. Она уже хотела было снова бежать вниз за мясом, когда раздался длинный звонок — это был Ричард. Она нажала кнопку, чтобы отпереть дверь.

Ричард с улыбкой взбежал по лестнице.

— Фил звонил?

— Нет, — сказала она.

— Хорошо. Это значит, что он придёт.

— Когда?

— Через пару минут, надо полагать. Он, навер-

ное, недолго пробудет.

— Ты думаешь, я точно получу эту работу?

— Так говорит Фил.

— А что за пьеса, не знаешь?

— Я не знаю ничего, кроме того, что им нужен кто-то на декорации, так почему бы не ты? — Улыбаясь, Ричард смерил её критическим взглядом. — Ты сегодня шикарно выглядишь. Не нервничай, хорошо? Это всего лишь маленькая труппа в Виллидже, и у тебя, вероятно, таланта больше, чем у них у всех вместе взятых.

Она подобрала пальто, которое он бросил на стул, и повесила его в стенной шкаф. Под пальто лежал принесённый им из художественного училища рулон тонированной фактурной бумаги для рисования углем.

— Сделал сегодня что-нибудь хорошее? — спросила она.

— Так себе. Хочу над этим поработать дома, — ответил он беспечно. — У нас сегодня была рыжая натурщица, та, что мне нравится.

Терез хотелось посмотреть набросок, но она знала, что Ричард, вероятно, не считает его стоящим. Некоторые из его первых живописных работ были хороши — тот же маяк в сине-чёрных тонах, который висел у неё над кроватью и который

Ричард написал, когда служил во флоте и только начинал заниматься живописью. Но рисунки с натуры ему пока не давались, и Терез сомневалась, что когда-либо дадутся. На песочного цвета хлопковых штанах красовался размазанный по всему колену свежий след от угля. Под рубашкой в красно-чёрную клетку была майка, а на ногах — замшевые мокасины, в которых большие ступни Ричарда выглядели как бесформенные медвежьи лапы. Он больше походил на лесоруба или какого-нибудь профессионального спортсмена, подумала Терез. Ей легче было представить его с топором в руке, нежели с кистью. Однажды она видела его с топором — он колол дрова во дворе позади своего дома в Бруклине. Если он не сумеет доказать родным, что хоть как-то продвигается в живописи, летом ему, вероятно, придется подключиться к отцовской газобаллонной компании и открыть филиал в Лонг-Айленде, как того и хотел отец.

— Ты в эту субботу должен работать? — спросила она, по-прежнему боясь заговаривать о своей работе.

— Надеюсь, нет. А ты будешь свободна?

И тут она вспомнила, что не будет.

— Я свободна в пятницу, — обречённо сказала

она. — В субботу работаю допоздна.

Ричард улыбнулся.

— Это заговор.

Он взял её за руки и обвил ими свою талию, тем самым прекратив нескончаемое рысканье по комнате.

— Может, в воскресенье? Мои спрашивали, сможешь ли ты прийти на ужин, но нам не обязательно там задерживаться. Я могу взять машину, и мы куда-нибудь прокатимся.

— Хорошо.

Это она любила, и Ричард тоже — сидеть впереди большой пустой газовой цистерны и ехать куда угодно, свободно, словно путешествуешь на бабочке. Она отняла руки от Ричарда. Её смущала и заставляла чувствовать себя по-дурацки эта поза с руками вокруг Ричардовой талии — будто стоит и обнимает ствол дерева.

— А я ведь купила кусок мяса на вечер, но его украли в магазине.

— Украли? Откуда?

— С полки, где мы держим сумки. Тем, кого нанимают на Рождество, не полагаются запирающиеся шкафчики.

Сейчас она говорила об этом с улыбкой, но сегодня после обеда чуть не расплакалась. Волки,

подумала она, стая волков, крадущих окровавленный пакет мяса только потому, что это — еда, дармовая пища. Она спросила у всех продавщиц, не видели ли они пакет, и никто не признался. Приносить мясо в магазин не разрешается, возмущённо сказала миссис Хендриксон. Но что прикажете делать, если все мясные лавки закрываются в шесть?

Ричард прилёг на диван. Тонкие губы, линия рта неровная, наполовину скошенная вниз, что придавало лицу двусмысленное выражение — вид временами иронический, временами озлобленный, противоречие, никак не разрешаемое довольно-таки бессмысленным и бесхитростным взглядом голубых глаз. Он проговорил медленно и насмешливо:

— А ты спускалась в бюро находок? Потерялся фунт говядины на бифштекс. Отзывается на кличку Фрикаделька.

Терез улыбнулась, оглядывая полки в своей кухоньке.

— Думаешь, ты шутишь? А миссис Хендриксон и в самом деле сказала мне спуститься в бюро находок.

Ричард хохотнул и встал с дивана.

— У меня есть банка кукурузы и латук для сала-

та. Ещё — хлеб и масло. Пойти купить мороженой свинины на отбивные?

Ричард потянулся длинной рукой через её плечо и взял с полки буханку ржаного хлеба.

— Ты называешь это хлебом? Это же плесень. Посмотри на него — синий, как задница мандрила. Почему ты не ешь хлеб сразу, когда его покупаешь?

— Он помогает мне видеть в темноте. Но раз он тебе не нравится…

Она забрала у Ричарда буханку и бросила её в мусорный мешок.

— В любом случае я имела в виду не этот хлеб.

— Покажи мне хлеб, который ты имела в виду.

Дверной звонок взвизгнул у самого холодильника, и Терез подскочила к кнопке.

— Это они, — сказал Ричард.

Молодых людей было двое. Ричард представил их: Фил Мак-Элрой и его брат Дэнни. Фил оказался совсем не таким, как Терез себе представляла. Он не выглядел ни глубоким, ни серьёзным, ни даже особенно умным. И он едва удостоил её взглядом при знакомстве.

Дэнни стоял с перекинутым через руку пальто, пока Терез не забрала его. Для пальто Фила свободного крючка не нашлось, поэтому Фил

взял своё пальто у Терез и швырнул на стул так, что оно наполовину оказалось на полу. Это было старое грязное двубортное пальто. Терез подала пиво и сыр с крекерами. Она всё прислушивалась, когда же разговор Фила с Ричардом перейдёт на обсуждение работы. Но они разговаривали о том, что произошло с момента их последней встречи в Кингстоне, штат Нью-Йорк. Прошлым летом в течение двух недель Ричард делал фрески для тамошнего придорожного ресторана, в котором Фил подрабатывал официантом.

— Вы тоже работаете в театре? — обратилась она к Дэнни.

— Нет, — ответил тот. Он казался застенчивым, а может быть, ему было скучно и не терпелось уйти. Он был старше Фила и чуть плотнее сложён. Взгляд его тёмно-карих глаз задумчиво перемещался по комнате от предмета к предмету.

— У них пока ничего нет, кроме режиссёра и трёх актёров. — Фил откинулся на спинку дивана. Его слова были обращены к Ричарду. — Спектакль ставит мужик, с которым я когда-то работал в Филли. Раймонд Кортес. Если я вас порекомендую, дело будет в шляпе, — сказал он, бросив короткий взгляд на Терез. — Мне обещана роль второго брата в этой пьесе. Она называется

«Дождик».

— Комедия? — спросила Терез.

— Комедия. Три акта. Вы уже самостоятельно оформляли какие-нибудь спектакли?

— Сколько декораций потребуется? — спросил Ричард, как раз когда она собиралась ответить.

— От силы две, но, вероятно, обойдутся и одной. Джорджия Халлоран получила ведущую роль. Ты случайно не видел эту вещь Сартра, которую они там поставили осенью? Она в ней была занята.

— Джорджия? — улыбнулся Ричард. — Как у них с Руди?

К разочарованию Терез, разговор сосредоточился на Джорджии с Руди и других незнакомых ей людях. Джорджия — это, возможно, одна из тех девушек, с которыми у Ричарда был роман, предположила Терез. Он как-то говорил о пяти, что ли. Она не запомнила ни одного имени, кроме Силии.

— Это ваша декорация? — спросил Дэнни, глядя на свисающий со стены картонный макет. Терез кивнула, и он встал, чтобы получше его разглядеть.

Теперь Ричард с Филом говорили о человеке, который каким-то образом задолжал Ричарду деньги. Фил сказал, что видел его накануне ве-

чером в баре «Сан-Ремо». Продолговатое лицо Фила и аккуратно подстриженные волосы были как на картине Эль Греко, подумала Терез, в то время как те же черты у его брата напоминали американского индейца. Однако манера речи Фила совершенно разрушала иллюзию Эль Греко. Он говорил, как любой из тех, кого можно было встретить в барах Виллиджа — это были молодые люди, якобы писатели или актёры, на деле же обычно ничем не занимающиеся.

— Очень симпатично, — сказал Дэнни, заглядывая за одну из подвешенных фигурок.

— Это макет для «Петрушки». Сцена ярмарки, — ответила Терез, не зная, знаком ли он с этим балетом. Возможно, он адвокат, подумала она, или даже врач. На пальцах у него были желтоватые пятна, но не от сигарет.

Ричард сказал, что хочет есть, и Фил ответил, что умирает с голоду, но ни тот, ни другой даже не притронулись к лежащему перед ними сыру.

— Фил, мы должны быть на месте через полчаса, — в очередной раз сказал Дэнни.

Минуту спустя все были на ногах и одевались.

— Терри, давай сходим куда-нибудь поедим, — сказал Ричард. — Может быть, в тот чешский ресторан выше по Второй?

— Хорошо, — ответила она, стараясь произвести впечатление человека покладистого. Вот всё и закончилось, подумала она, а никакой определённости так и нет. Она хотела было задать Филу решающий вопрос, но не стала.

Выйдя же, они двинулись не вверх по улице, а вниз. Ричард шёл с Филом и только разок-другой оглянулся на неё, как будто проверить, на месте ли она. Дэнни придерживал её под руку на бордюрах и когда нужно было проходить через грязное скользкое месиво — не снега и не льда — того, что осталось от снегопада трёхнедельной давности.

— Вы врач? — спросила она.

— Физик, — ответил Дэнни. — Учусь в магистратуре Нью-Йоркского университета.

Он ей улыбнулся, но разговор на какое-то время замер.

Потом он сказал:

— Далеко от сценографии, да?

Она кивнула.

— Весьма далеко.

Она открыла было рот, чтобы спросить, не собирается ли он заниматься чем-нибудь связанным с атомной бомбой, но не стала, потому что какое это имеет значение?

— Вы знаете, куда мы идём? — спросила она.

Он широко улыбнулся, обнажив квадратные белые зубы.

— Да. К метро. Но Фил сначала хочет где-нибудь перекусить.

Они шли вниз по Третьей авеню, и Ричард говорил с Филом о предстоящей им этим летом поездке в Европу. Болтающимся привеском плетясь позади Ричарда, Терез почувствовала укол стыда, потому что, естественно, Фил и Дэнни думают, что она его любовница. Она не была его любовницей, и Ричард не рассчитывал на то, что она ею станет в Европе. Отношения у них, она полагала, были странные, и кто ж в это поверит? Потому что она видела — в Нью-Йорке все спали друг с другом после одного-двух свиданий. И те двое, с кем она встречалась до Ричарда, — Анджело и Гарри — явно бросили её, обнаружив, что с ней не завести интрижку. За тот год, что они были знакомы, Терез раза три или четыре пыталась вступить с Ричардом в любовную связь, однако с отрицательным результатом; Ричард сказал, что предпочитает подождать. То есть подождать, когда у неё появятся к нему более сильные чувства. Он хотел жениться на ней и сказал, что она первая девушка, которой он делает предложение. Терез знала, что он снова заведёт об этом речь

перед отъездом в Европу, но она не настолько сильно его любила, чтобы выходить замуж. И тем не менее, с привычным чувством вины подумала она, большую часть денег на поездку она примет от него. И тут перед ней предстал образ миссис Семко, матери Ричарда, одобрительно улыбающейся им, их женитьбе, и Терез непроизвольно мотнула головой.

— Что случилось? — спросил Дэнни.

— Ничего.

— Замёрзли?

— Нет. Совсем нет.

Но он всё равно теснее прижал её руку к себе. Ей в самом деле было холодно, и вообще она чувствовала себя несчастной. Она знала — это всё из-за её наполовину подвешенных в воздухе, наполовину зацементированных отношений с Ричардом. Они виделись всё чаще, но не становились друг другу ближе. Она по-прежнему не была в него влюблена, даже десять месяцев спустя, и, возможно, никогда не сможет влюбиться, но факт оставался фактом — он ей нравился больше, чем кто-либо, кого она когда-либо знала, уж точно больше любого другого мужчины. Иногда ей казалось, что она влюблена в него, — когда просыпалась по утрам и, бессмысленно глядя

в потолок, вдруг вспоминала, что он есть в её жизни, вдруг вспоминала его лицо, сияющее душевным расположением к ней в ответ на какой-нибудь знак душевного расположения с её стороны. Так бывало, пока сонная пустота в её голове не заполнялась осознанием времени, дня, того, что она должна делать, — солдатской сущностью, которая и составляет жизнь человека. Но это её чувство не имело ничего общего с тем, что она читала о любви. Предполагалось, что любовь — это некое блаженное безумие. Ричард, собственно, тоже не вёл себя как блаженный безумец.

— Ой, всё называется Сен-Жермен-де-Пре! — выкрикнул Фил, взмахнув рукой. — Я дам вам кое-какие адреса до вашего отъезда. Как долго вы думаете там пробыть?

Перед ними повернул бряцающий и хлопающий цепями грузовик, и Терез не расслышала, что ответил Ричард. Фил зашёл в магазин «Райкер» на углу Пятьдесят третьей улицы.

— Нам не обязательно здесь есть. Фил просто хочет заскочить на минутку.

Когда они проходили в дверь, Ричард сжал её плечо.

— Отличный день, да, Терри? Чувствуешь? Твоя

первая настоящая работа!

Ричард был в этом убеждён, и Терез честно попыталась проникнуться величием момента. Но она не могла даже вернуть того чувства определённости, которое испытала, глядя на оранжевую мочалку в раковине после его телефонного звонка. Она прислонилась к табуретке, соседней с той, на которой сидел Фил, и Ричард встал рядом, продолжая с Филом разговаривать. Ослепительный белый свет на белых кафельных стенах и полу казался ярче солнечного, потому что здесь не было теней. Ей видны были каждый блестящий чёрный волосок в бровях Фила и чередование шероховатых и гладких участков на неприкуренной трубке в руке Дэнни. Ей видны были мельчайшие подробности безвольно свисающей из рукава пальто Ричардовой руки, и в который раз она отметила, насколько несообразны кисти рук всей его гибкой, длинной фигуре. Они были мясистые, даже пухлые и двигались одинаково невразумительно, вслепую, неважно, брался он за солонку или за ручку чемодана. Или гладил её по волосам, подумала Терез. Ладони у него были чрезвычайно мягкие, как у девушки, и немного влажные. Хуже всего было то, что он, как правило, забывал почистить ногти, даже когда брал на

себя труд принарядиться. Через пару раз что-то сказала ему об этом, но теперь чувствовала, что больше не может, потому что его это будет только раздражать.

Дэнни наблюдал за ней. На секунду её взгляд встретился с его задумчивым взглядом, и она опустила глаза. Она вдруг поняла, почему ей не удаётся вернуть прежнее чувство: она просто не верила, что Фил Мак-Элрой сможет устроить её на работу по своей рекомендации.

— Вы волнуетесь из-за этой работы? — Дэнни стоял рядом с ней.

— Нет.

— Не волнуйтесь. Фил сможет дать вам кое-какие практические советы.

Он сунул трубку между губ и, казалось, хотел сказать что-то ещё, но отвернулся.

Она вполуха слушала разговор Фила с Ричардом. Они обсуждали бронирование билетов на корабль.

— Кстати, — сказал Дэнни, — театр «Чёрный кот» — всего в паре кварталов от улицы Мортон, где я живу. Фил тоже сейчас обретается у меня. Приходите как-нибудь, пообедаем вместе, хорошо?

— Большое спасибо. Буду рада. — Этого, вероят-

но, не случится, подумала она, но мило было с его стороны пригласить её.

— Как думаешь, Терри? — спросил Ричард. — Март — это не слишком рано, чтобы отправиться в Европу? Лучше выехать поскорее, не дожидаясь, когда там повсюду будут толпы народу.

— Март — думаю, нормально, — ответила она.

— Нас же ничего не останавливает, да? Мне всё равно, даже если я не закончу зимний семестр в училище.

— Нет, нас ничего не останавливает.

Это легко было сказать. Легко во всё это верить. Так же легко, как и не верить. Но если бы только всё это было правдой, если бы работа оказалась чем-то реальным, спектакль — успешным, и она могла бы отбыть во Францию, имея за плечами по крайней мере одно достижение… Терез вдруг потянулась к руке Ричарда, скользнула ладонью вниз, к пальцам. Ричард был так удивлён, что застыл на середине предложения.

На следующий день после обеда она позвонила по уоткинскому номеру[4], который дал ей Фил. Ответившая на звонок девушка держалась весьма деловито. Мистера Кортеса на месте не

---

[4] notes: 4

Телефонный номер, принадлежащий телефонной сети Гринвич Виллиджа.

оказалось, но они были о ней наслышаны от Фила Мак-Элроя. Работа закреплена за ней, и начинать нужно двадцать восьмого декабря с оплатой пятьдесят долларов в неделю. Она может прийти и раньше, показать мистеру Кортесу что-нибудь из своих работ, если хочет, но необходимости в этом нет, раз мистер Мак-Элрой столь настоятельно её рекомендовал.

Терез позвонила Филу поблагодарить, но никто не ответил. Она написала ему записку на адрес театра «Чёрный кот».

3

Роберта Уоллс, самая молодая из администраторов отдела игрушек, взяла паузу среди утреннего аврала, только чтобы успеть прошептать Терез:

— «Если мы сегодня не продадим этот чемодан за двадцать четыре девяносто пять, в понедельник его уценят, и отдел потеряет два доллара!» — Роберта кивком указала на картонный коричневый чемодан на прилавке, свалила свою поклажу — гору серых коробок — на руки мисс Мартуччи и поспешила дальше.

Терез видела, как вдоль длинного прохода между стеллажами продавщицы расступаются, освобождая путь Роберте. Роберта летала от

прилавка к прилавку и из угла в угол по этажу с девяти утра и до шести вечера. Терез слышала, что Роберта старается заработать себе очередное повышение. Она носила очки «кошачий глаз» в красной оправе и, в отличие от других девушек, всегда засучивала рукава своего зелёного рабочего халата выше локтя. Терез видела, как она порхнула через проход, остановила миссис Хендриксон и стала ей что-то возбуждённо говорить и жестикулировать. Миссис Хендриксон согласно кивнула, Роберта фамильярно коснулась её плеча, и Терез почувствовала слабый укол ревности. Ревности — при том, что она не испытывала к миссис Хендриксон ни малейшей симпатии. Наоборот, та была ей даже неприятна.

— У вас есть тряпичная кукла, которая плачет?

Терез о такой кукле ничего не знала, но женщина была совершенно уверена, что во «Франкенберге» она есть, потому что видела рекламу. Терез вытащила ещё одну коробку, из последнего возможного места, но куклы там не было.

— Чего ищеде? — спросила мисс Сантини. Мисс Сантини была простужена и говорила в нос.

— Тряпичную куклу, которая плачет, — ответила Терез. Мисс Сантини в последнее время была с ней особенно любезна. Терез вспомнила

украденное мясо. Но сейчас мисс Сантини лишь приподняла брови, выпятила ярко-красную нижнюю губу и, пожав плечами, пошла дальше.

— Тряпичная? С хвостиками? — мисс Мартуччи, худая, с всклокоченными волосами и длинным, как у волка, носом итальянка посмотрела на Терез. — Смотрите, чтоб Роберта вас не услышала, — проговорила мисс Мартуччи, оглянувшись вокруг. — Смотрите, чтоб никто вас не услышал, но эти куклы — в подвальном этаже.

— А-а-а… — Верхний отдел игрушек находился в состоянии войны с нижним, подвальным отделом игрушек. Тактика состояла в том, чтобы заставить посетителей покупать на седьмом этаже, где всё было дороже. Терез сказала женщине, что куклы в подвале.

— Постарайтесь сегодня это продать, — сказала ей мисс Дейвис, бочком пробираясь мимо и пошлёпав пальцами с красными ногтями по потрёпанному чемодану из искусственной крокодильей кожи.

Терез кивнула.

— У вас есть куклы на несгибающихся ногах? Такие, что стоят?

Терез увидела средних лет женщину на костылях, из-за которых её плечи были высоко

вздёрнуты. Лицо её было не похоже на все другие лица по ту сторону прилавка. Оно было доброе и с некой внимательной осознанностью во взгляде — она явно видела то, на что смотрела.

— Эта немного великовата, — сказала женщина, когда Терез показала ей куклу. — Простите. У вас есть поменьше?

— Думаю, да.

Терез пошла вглубь прохода. Она знала, что женщина следует за ней на костылях, огибая напирающую у прилавка толпу, чтобы избавить её от необходимости возвращаться с куклой в руках. Неожиданно Терез захотелось приложить безграничные усилия, только чтобы найти именно такую куклу, какую искала эта женщина. Но следующая кукла тоже оказалась не совсем такой, как надо. У неё были ненастоящие волосы. Терез поискала в другом месте и нашла точно такую же с настоящими. Кукла даже плакала, если её наклонить. Это было именно то, чего хотела женщина. Терез аккуратно уложила куклу в свежую, тонкую обёрточную бумагу в новенькой коробке.

— Просто идеально, — повторяла женщина. — Я пошлю её подруге в Австралию. Она медсестра. Мы вместе закончили медсестринскую школу,

и я сшила маленькую униформу, такую, как мы носили, чтобы одеть в неё куклу. Огромное вам спасибо! И желаю вам счастливого Рождества!

— И вам счастливого Рождества! — с улыбкой ответила Терез. Это было первое поздравление с Рождеством от покупательницы.

— Мисс Беливет, вы уже сходили облегчиться? — спросила миссис Хендриксон резко, словно выговаривая ей.

Терез ещё не сходила. С полки под упаковочным столом она достала сумочку и роман, который сейчас читала. Роман был джойсовский «Портрет художника в юности» — Ричарду непременно хотелось, чтобы она его прочла. Как может человек, читавший Гертруду Стайн, не прочесть ничего из Джойса, удивлялся Ричард. Ему это было непонятно. Она чувствовала себя слегка ущербной, когда Ричард заговаривал с ней о книгах. Она перерыла все книжные стеллажи в школе, но библиотека, собранная орденом святой Маргариты, была далеко не всеобъемлющей — сейчас-то Терез это понимала, — при том что там попадались такие неожиданные авторы, как Гертруда Стайн.

Коридор, ведущий в туалеты для сотрудников, был запружен большими перевозочными тележками с высоко громоздящимися на них

коробками. Терез остановилась их пропустить.

— Дюймовочка! — крикнул ей парень с тележки.

Терез сдержанно улыбнулась, потому что это было дурацкое ребячество. Даже в подвале, в гардеробе ей кричали «Дюймовочка!» и по утрам, и по вечерам.

— Дюймовочка, меня ждёшь? — снова рявкнул грубый голос, перекрывая тарарам и перестук складских тележек.

Она пробралась между ними и увернулась от несущейся на неё тележки с конторским служащим на борту.

— Здесь не курят! — проорал мужской голос. Это был самый что ни на есть начальственный рык, и успевшие закурить впереди Терез девушки выпустили дым в воздух и громко хором протянули, прежде чем укрыться в женском туалете: «Он что, думает, он мистер Франкенберг?»

— Э-ге-гей! Дюймовочка!

— Я лишь поджидаю удобного момента, дюймовочка! — услышала она колоритный южный выговор.

Одну тележку занесло вбок перед Терез, и Терез ударилась ногой о металлический угол. Она пошла дальше, не глядя на ногу, хотя боль там

начала расцветать, как медленный взрыв. Теперь она попала в другой хаос — женских голосов, женских фигур и запаха дезинфицирующих средств. Кровь стекала в туфлю, на чулке была рваная дыра. Терез попыталась натянуть кожу обратно на место, ей стало нехорошо, она прислонилась к стене и схватилась рукой за водопроводную трубу. Она постояла так несколько секунд, прислушиваясь к разнобою девичьих голосов перед зеркалом. Потом намочила кусок туалетной бумаги и стала промокать ею рану, пока красное не исчезло с чулка, но тут же оно снова набежало и продолжало набегать и набегать.

— Всё в порядке, спасибо, — сказала она девушке, которая на секунду к ней склонилась, и девушка ушла.

В конце концов ей не оставалось ничего другого, как купить гигиеническую прокладку в автомате. Она вытащила немного ваты из прокладки и марлей примотала её к ноге. А после этого пора было возвращаться к прилавку.

Их взгляды встретились в тот миг, когда Терез подняла глаза от коробки, которую открывала, а женщина как раз обернулась и посмотрела прямо на неё. Она была высокая, светловолосая и белокожая, с грациозной вытянутой фигурой в

просторной шубе, распахнутую полу которой она придерживала рукой на талии. Глаза у неё были серые, бесцветные, и в то же время они притягивали, как свет или огонь, и, захваченная ими, Терез не могла отвести взгляда. Она слышала, как покупательница перед ней повторяет какой-то вопрос, но стояла онемевшая. Женщина тоже смотрела на Терез, с сосредоточенно-отсутствующим выражением, как будто мысли её были отчасти заняты тем, что она собиралась здесь купить, и хотя между ними были ещё продавщицы, Терез точно знала, что женщина подойдёт к ней. И тут женщина медленно двинулась к прилавку. Сердце споткнулось, пытаясь наверстать пропущенный удар. Терез почувствовала, как у неё вспыхнуло лицо. Женщина подходила всё ближе.

— Можно взглянуть на какой-нибудь из этих чемоданчиков? — спросила она и прислонилась к прилавку, заглядывая вниз через стекло.

Дефектный чемоданчик лежал всего в ярде от них. Терез развернулась и вытащила самую нижнюю из поставленных друг на друга коробок, ту, которую никто никогда прежде не открывал. Когда она выпрямилась, женщина смотрела на неё спокойными серыми глазами, в которые

Терез не решалась ни взглянуть совсем прямо, ни отвести от них взгляда.

— Вот этот мне нравится, но я полагаю, его купить нельзя, да? — она кивнула в сторону коричневого чемоданчика в витрине позади Терез.

У неё были светлые брови, закругляющиеся по изгибу лба. Губы такие же мудрые, как и глаза, подумала Терез, а голос — как её шуба, глубокий и мягкий, и податливый, и, странным образом, полный тайн.

— Можно, — ответила Терез.

Она прошла в подсобку за ключом. Ключ висел прямо за дверью на гвозде, и прикасаться к нему не разрешалось никому, кроме миссис Хендриксон.

Мисс Дейвис увидела её и разинула в изумлении рот, но Терез сказала:

— Он мне нужен, — и вышла.

Она отперла витрину, вытащила чемодан и водрузила его на прилавок.

— Вы отдаёте мне чемодан с витрины? — женщина понимающе улыбнулась. Положив обе руки на прилавок и изучая содержимое чемоданчика, она сказала как бы походя:

— Их ведь хватит удар, а?

— Это неважно, — ответила Терез.

— Хорошо. Я бы хотела его купить. Наложенным платежом. А что одежда? Она прилагается?

В кармане на крышке чемодана была завёрнутая в целлофан одежда с ценниками.

— Нет, она идёт отдельно, — сказала Терез. — Если вы хотите одежду для куклы, то в отделе кукольной одежды по другую сторону прохода она лучше.

— Ага! Оно успеет прийти в Нью-Джерси до Рождества?

— Да, прибудет в понедельник. — А если нет, подумала Терез, она доставит его сама.

— Миссис Х. Ф. Эрд, — прозвучал негромкий внятный голос, и Терез начала выводить печатные буквы на зелёной квитанции наложенного платежа.

Имя, адрес, название города появлялись из-под кончика карандаша, как тайна, которую Терез никогда не забудет, как нечто само собой отпечатывающееся в её памяти навсегда.

— Вы ведь не наделаете ошибок, правда? — спросил голос.

Только сейчас до Терез донёсся запах её духов, и вместо ответа она сумела лишь помотать головой. Она опустила глаза на квитанцию, где старательно выводила необходимые цифры, и

пожелала со всей силой, с какой только могла чего-либо желать, чтобы женщина просто продолжила говорить и сказала: «Вы в самом деле так рады нашему знакомству? Тогда почему бы нам снова не увидеться? Почему бы нам даже сегодня вместе не пообедать?» У неё был такой непринуждённый голос, она запросто могла бы это сказать. Но после «правда?» ничего не последовало, ничего, что как-то смягчило бы стыд оттого, что в тебе распознали новенькую, продавщицу, нанятую на время рождественской гонки, неопытную и от которой следует ожидать ошибок. Терез пододвинула к ней на подпись книжку квитанций.

Затем женщина взяла с прилавка свои перчатки, повернулась и стала медленно удаляться, а Терез смотрела, как расстояние между ними всё расширяется и расширяется. Из-под меха шубы виднелись бледные тонкие щиколотки. На женщине были простые чёрные замшевые туфли на высоком каблуке.

— Это заказ с наложенным платежом?

Терез взглянула в некрасивое, бессмысленное лицо миссис Хендриксон.

— Да, миссис Хендриксон.

— Разве вы не знаете, что должны отдать по-

купательнице верхнюю часть квитанции? Как, по-вашему, она сможет получить покупку, когда та придёт? Где покупательница? Вы можете её догнать?

— Да.

Она была всего в десятке футов от Терез, по другую сторону прохода, у прилавка кукольной одежды. Терез секунду помедлила с зелёной квитанцией в руке, затем усилием воли заставила себя обогнуть прилавок и двинуться дальше, потому что ей вдруг стало ужасно неловко своего вида, старой синей юбки, хлопчатобумажной блузки (человек, распределявший зелёные рабочие халаты, её пропустил) и унизительных туфель на плоском ходу. И ещё этой жуткой повязки, на которой, наверное, снова проступила кровь.

— Я должна вам это отдать, — сказала она, положив несчастный клочок бумаги на край прилавка, рядом с рукой женщины, и развернулась.

Снова оказавшись на своём рабочем месте, Терез обратилась лицом к коробкам с товаром и стала задумчиво их двигать взад-вперёд, как будто что-то ища. Она ждала, когда женщина закончит у прилавка напротив и уйдёт. Её сознание отсчитывало мгновения, уходящие, как

безвозвратное время, безвозвратное счастье, потому что в те самые последние секунды она ещё могла обернуться и увидеть лицо, которого не увидит больше никогда. Также до её сознания доносились — сейчас смутно и вызывая другого рода ужас — прежние, нестихающие голоса покупателей у прилавка, просящие о помощи, взывающие к ней; и негромкое, гудящее «р-р-р-р-р» маленького поезда; всё это собиралось грозой, и подступало, и готово было разлучить её с женщиной.

Но когда она наконец обернулась, она снова взглянула прямо в серые глаза. Женщина шла к ней, и как будто время повернулось вспять, она снова прислонилась к прилавку, жестом указала на куклу и попросила её показать.

Терез достала куклу и с грохотом уронила её на стеклянный прилавок. Женщина бросила на Терез короткий взгляд.

— Эту, похоже, не сломаешь, — сказала она.

Терез улыбнулась.

— Да, возьму её тоже, — проговорила женщина тихим медленным голосом, и облако тишины окутало их посреди окружающего гомона и суматохи. Она снова продиктовала своё имя и адрес, и Терез записала их, медленно считывая с её губ,

как будто и так уже не помнила наизусть.

— Оно в самом деле придёт до Рождества?

— Самое позднее — в понедельник. Это два дня до Рождества.

— Хорошо. Я не хочу вас нервировать.

Терез затянула узел на тесёмке, которой обвила коробку с куклой, а он взял и таинственным образом развязался.

— Нет, — сказала она.

В смущении столь глубоком, что было уже не оправдаться, она завязала узел под взглядом женщины.

— Дрянная работа, да?

— Да. — Терез нацепила сложенные вдвое квитанции наложенного платежа на белую тесёмку и сколола их булавкой.

— Так вы уж простите, что я тут жалуюсь.

Терез бросила на неё быстрый взгляд, и к ней вернулось ощущение, что она её откуда-то знает, что женщина вот-вот откроется ей, и они вместе рассмеются и всё поймут.

— Вы не жалуетесь. Но я знаю, что оно придёт.

Терез посмотрела через проход, туда, где женщина стояла раньше, и увидела крошечный зелёный листок, по-прежнему лежащий на прилавке.

— Вам правда следует сохранить эту квитанцию.

Теперь, когда женщина улыбнулась, её глаза изменились — они засияли серым, бесцветным огнём, который Терез почти узнала, почти идентифицировала.

— Я получала посылки и без них. Я их вечно теряю. — Она склонилась, чтобы подписать вторую квитанцию.

Терез смотрела, как она уходит, шагом таким же медленным, каким пришла; проходя мимо другого прилавка, она взглянула на него, раза два или три шлёпнула чёрными перчатками о ладонь. Потом исчезла в лифте.

И Терез повернулась к следующему покупателю. Она работала с неутомимым терпением, но хвостики у цифр на товарных чеках выходили бледными там, где карандаш вдруг судорожно дёргался в руке. Она пошла в кабинет к мистеру Логану, где, как ей показалось, провела несколько часов, но когда посмотрела на циферблат, увидела, что прошло всего пятнадцать минут, и теперь пора было мыть руки и идти на обед. Она стояла, застыв, перед вращающимся полотенцем, вытирала руки и чувствовала себя не привязанной ни к чему и ни к кому, изолированной. Мистер Ло-

ган спросил, не желает ли она остаться работать после Рождества. Он мог бы предложить ей место внизу, в отделе косметики. Терез ответила нет.

В середине дня она спустилась на первый этаж и купила открытку в отделе поздравительных открыток. Открытка не отличалась ничем особенно интересным, но по крайней мере она была непретенциозной, просто синее с золотым. Терез стояла с занесённой над открыткой ручкой и думала, что бы написать: «Вы великолепны» или даже «Я люблю Вас», но в конце концов быстро черкнула убийственно сухое и безличное: «Особый привет из "Франкенберга"». Вместо подписи она поставила свой рабочий номер, 645-А. Потом спустилась в почтовое отделение в подвале, помедлила перед ящиком для писем, внезапно охваченная робостью при виде собственной руки с наполовину опущенным в щель письмом. Да что может произойти? Так или иначе, через несколько дней она покинет магазин. А миссис Х. Ф. Эрд, ей-то что? Светлые брови, возможно, чуть приподнимутся, она мельком глянет на открытку, потом забудет о ней. Терез бросила конверт в щель.

По дороге домой ей в голову пришла идея декорации — интерьер дома, больше уходящий вглубь, чем в ширину, с неким завихрением по

центру, от которого в обе стороны расходятся комнаты. Она хотела в тот же вечер начать работу над картонным макетом, но в результате сделала лишь подробный эскиз в карандаше. Ей захотелось с кем-нибудь повидаться. Не с Ричардом, не с Джеком и не с Элис Келли с первого этажа. Может быть, со Стеллой, Стеллой Овертон — художником-декоратором, с которой она познакомилась в первые свои недели в Нью-Йорке. Терез вдруг поняла, что не видела Стеллу с той самой коктейльной вечеринки, которую устроила перед выездом из прежней квартиры. Стелла была в числе тех, кто не знал, где она теперь живёт. Терез уже направилась было к телефону в холле, как вдруг услышала быстрые отрывистые звонки в свою дверь — это значило, что кто-то ждёт её на телефоне.

— Спасибо, — крикнула она сверху миссис Осборн.

Это был Ричард — он всегда звонил часов в девять. Ричард хотел знать, не желает ли она завтра вечером сходить в кино. Это был фильм в «Саттоне», который они до сих пор не посмотрели. Терез ответила, что у неё ничего не намечено, но она хочет закончить наволочку. Элис Келли разрешила ей зайти завтра вечером и восполь-

зоваться швейной машинкой. А кроме того, ей нужно вымыть голову.

— Вымой её сегодня, а завтра вечером давай встретимся, — сказал Ричард.

— Сейчас уже поздно. Я не могу спать с мокрой головой.

— Я тебе завтра вечером её вымою. Без ванны, парой вёдер воды обойдёмся.

Она улыбнулась.

— Думаю, лучше не надо. — Однажды, когда Ричард мыл ей голову, она свалилась в ванну. Ричард имитировал сливное отверстие, с бульканьем и хрюканьем, и она так сильно смеялась, что поскользнулась и упала.

— Хорошо, а как насчёт той художественной выставки в субботу? Она открывается после обеда.

— Но в субботу я работаю до девяти. Раньше половины десятого выбраться не смогу.

— Ага… Ну что ж, тогда я останусь в училище, и мы встретимся на углу часов в полдесятого. Сорок четвёртая и Пятая. Идёт?

— Идёт.

— Какие-нибудь новости?

— Нет. У тебя?

— Нет. Завтра иду узнавать о бронировании билетов на корабль. Звякну тебе вечером.

Терез так и не позвонила Стелле.

На следующий день была пятница, последняя пятница перед Рождеством и самый загруженный день за всё время работы Терез во «Франкенберге», хотя все говорили, что завтра будет ещё хуже. Люди напирали на стеклянные прилавки с пугающей силой. Покупателей, которых она начинала обслуживать, подхватывало и уносило вязким потоком, заполнившим проход. Невозможно было представить ещё большее количество народу на этаже, но лифты всё продолжали выпускать людей.

— Не понимаю, почему они не закроют внизу двери! — заметила Терез, обращаясь к мисс Мартуччи, когда они обе стояли наклонившись перед стеллажом с товаром.

— Что? — отозвалась мисс Мартуччи, которая ничего не слышала.

— Мисс Беливет! — прокричал кто-то, и раздался свисток.

Это была миссис Хендриксон. Сегодня она свистела в свисток, когда хотела привлечь чьё-нибудь внимание. Терез стала пробираться к ней через продавщиц и пустые коробки на полу.

— Вас к телефону, — сказала миссис Хендриксон, показывая на аппарат в стороне, где был

упаковочный стол.

Терез беспомощно развела руками, но этого миссис Хендриксон уже не увидела. Сейчас расслышать что-либо по телефону было немыслимо. И она знала, что это, наверное, Ричард дурачится. Однажды он ей уже так звонил.

— Аллё? — сказала она.

— Аллё, это сотрудница номер шестьсот сорок пять А Терез Беливет? — раздался голос оператора сквозь щёлканье и треск. — Говорите.

— Аллё? — повторила Терез и едва расслышала ответ. Она стянула телефон со стола и зашла с ним в подсобку рядом. Шнур не совсем дотягивался, и ей пришлось пригнуться к полу. — Аллё?

— Аллё, — произнёс голос. — Что же… я хотела поблагодарить вас за рождественскую открытку.

— Ой. Ой, пож…

— Это миссис Эрд, — сказала она. — Это вы послали открытку? Или не вы?

— Да, — ответила Терез, внезапно оцепеневшая от чувства вины, как будто её поймали на месте преступления. Она закрыла глаза и скрутила в руке телефонный шнур, снова увидев умные, улыбающиеся глаза так, как видела их вчера.

— Простите, пожалуйста, если вам это было неприятно, — проговорила Терез механически,

голосом, каким она говорила с покупателями.

Женщина рассмеялась.

— Это очень забавно, — сказала она непринуждённым тоном, и Терез уловила ту же лёгкую манеру смазывать звуки, которую заметила вчера, которая ей так вчера понравилась, и она сама улыбнулась.

— Да? Почему?

— Вы, должно быть, девушка из отдела игрушек.

— Да.

— Это было исключительно любезно с вашей стороны — послать мне открытку, — вежливо сказала женщина.

И тут до Терез дошло. Она думала, что открытка — от мужчины, какого-то другого работника, который её обслуживал.

— Было очень приятно вас обслужить, — ответила Терез.

— Да? Почему? — Она её передразнивает, что ли? — Ладно… поскольку сейчас Рождество, может быть, встретимся и выпьем хотя бы по чашке кофе? Или чего-нибудь крепче.

Терез отпрянула от внезапно распахнувшейся двери. В комнату вошла девушка и встала прямо перед ней.

— Да, с радостью.

— Когда? — спросила женщина. — Я буду в Нью-Йорке завтра утром. Давайте пообедаем вместе? У вас завтра есть хоть сколько-нибудь времени?

— Конечно. У меня есть час, с двенадцати до часу дня, — ответила Терез, неотрывно глядя перед собой на девушкины ступни в плоских мокасинах с отворотами, на заднюю часть её толстых, обтянутых фильдеперсовыми чулками лодыжек и голеней, которые переступали туда-сюда, как ноги слона.

— Встретимся у входа на Тридцать четвёртой улице часов в двенадцать?

— Хорошо. Я… — Сейчас Терез вспомнила, что завтра ей на работу ровно к часу дня. Утро было свободно. Она вскинула руку, чтобы удержать лавину летящих с полки коробок, за которые потянула девушка. Сама девушка спиной качнулась в её сторону.

— Аллё? — прокричала Терез, пытаясь перекрыть шум рухнувших коробок.

— Извини-и-ите, — раздражённо сказала миссис Забриски, снова пихнув дверь так, что она раскрылась нараспашку.

— Аллё? — повторила Терез.

В трубке была тишина.

4

— Здравствуйте, — сказала женщина с улыбкой.

— Здравствуйте!

— Что случилось?

— Ничего.

По крайней мере женщина её узнала, подумала Терез.

— У вас есть какие-нибудь предпочтения в смысле ресторанов? — спросила женщина, когда они пошли по тротуару.

— Нет. Неплохо было бы найти тихий, но таких в этом районе нет.

— На Ист-Сайд у вас нет времени? Нет, раз только час в запасе. Мне кажется, я знаю одно место в паре кварталов отсюда, по этой улице на запад. Как думаете, туда успеем?

— Да, несомненно. — Было уже четверть первого. Терез знала, что ужасно опоздает, и ей это было совершенно неважно.

По пути они даже не пытались разговаривать. Время от времени толпа их разделяла, и один раз женщина взглянула на Терез с улыбкой поверх наполненной платьями тележки. Они зашли в ресторан с деревянными стропилами и белыми

скатертями — там чудом оказалось тихо и довольно малолюдно. Они сели в отгороженном закутке с большими деревянными скамьями, женщина заказала коктейль «Олд-фешен» без сахара и предложила Терез его же или херес, а когда Терез в нерешительности замешкалась, услала официанта с заказом.

Она сняла шляпу, провела пальцами по белокурым волосам, по разу с каждой стороны, и посмотрела на Терез.

— И как же вам пришла в голову эта милая идея послать мне рождественскую открытку?

— Я вас запомнила, — ответила Терез. Она посмотрела на маленькие жемчужные серёжки, которые странным образом были не светлее самих волос женщины. Или глаз. Терез находила её красивой, хотя сейчас её лицо выглядело расплывшимся пятном, потому что у Терез не доставало храбрости прямо на него посмотреть. Женщина кое-что вытащила из сумки — это была помада и компактная пудра, — и Терез обратила внимание на пенал для помады: золотистый, как ювелирная вещь, и в форме матросского сундучка. Она хотела посмотреть на губы женщины, но серые глаза, мерцающие, как огонь, так близко, не дали ей этого сделать.

— Вы ведь там не так давно работаете?

— Нет. Всего недели две.

— И надолго не останетесь, наверное. — Она предложила Терез сигарету.

Терез её взяла.

— Нет, у меня будет другая работа. — Она склонилась к протянутой зажигалке, к изящной кисти с овальными красными ногтями и рассыпанными по тыльной стороне веснушками.

— И часто вас посещает вдохновение на рассылку открыток?

— Открыток?

— Рождественских открыток. — Она улыбнулась про себя.

— Нет, конечно, — ответила Терез.

— Что ж, за Рождество! — женщина коснулась своим бокалом бокала Терез и выпила. — Где вы живёте? В Манхэттене?

Терез ответила. На Шестьдесят третьей улице. Родители умерли, сказала она. Она живёт в Нью-Йорке последние два года, а до этого жила в школе в Нью-Джерси. Терез не сказала ей, что школа была полурелигиозной, епископальной. Она ни словом не обмолвилась о сестре Алисии, которую обожала и о которой так часто думала, о сестре Алисии с её бледно-голубыми глазами,

некрасивым носом и нежной строгостью. Потому что со вчерашнего утра сестру Алисию отбросило далеко назад, далеко вниз, не разглядеть за женщиной, сидящей напротив.

— А чем вы занимаетесь в свободное время? — От горящей на столе лампы её глаза сделались серебристыми, полными жидкого света. Даже жемчужина на мочке уха казалась живой, как капля воды, которую можно разрушить прикосновением.

— Я… — Сказать, что она обычно работает над сценическими макетами? Иногда рисует эскизы и пишет картины, вырезает всякое вроде кошачьих голов и крошечных фигурок для балетных декораций, но что больше всего любит долгие прогулки практически куда угодно, больше всего любит просто мечтать? Терез чувствовала, что нет нужды рассказывать. Она чувствовала — на что ни посмотрят глаза женщины, они тут же всё до конца понимают. Терез отхлебнула ещё коктейля, он ей нравился, хотя, подумала она, это было всё равно что пить глотками саму женщину — жутко и хмельно.

Женщина кивнула официанту, и перед ними возникли ещё два коктейля.

— Мне это нравится.

— Что? — спросила Терез.

— Мне нравится, что кто-то послал мне открытку, кто-то незнакомый. Так и должно быть в Рождество. А в этом году мне это особенно нравится.

— Я рада. — Терез улыбнулась, пытаясь понять, серьёзно ли она говорит.

— Вы очень хорошенькая, — сказала женщина. — И ещё очень чувствительная, верно?

Точно так же она могла бы говорить о кукле, подумала Терез, настолько непринуждённо женщина назвала её хорошенькой.

— Я считаю, что вы великолепны, — произнесла Терез со всем мужеством второго бокала, не заботясь о том, как это может прозвучать, потому что знала, что женщина и так знает.

Женщина рассмеялась, запрокинув голову. Эти звуки были прекраснее музыки. От смеха в уголках её глаз появилось по морщинке, и красные губы сжались, когда она затягивалась сигаретой. Минуту она смотрела куда-то мимо Терез: локти на столе, подбородок — на держащей сигарету кисти руки. Длинная линия очерчивала её фигуру от талии облегающего чёрного костюма вверх к расширяющемуся плечу и от него — к высоко поднятой белокурой голове с тонкими,

непослушными волосами. Ей было лет тридцать — тридцать два, как представлялось Терез, а дочери, для которой она купила чемоданчик и куклу, возможно, лет шесть-восемь. Терез могла себе вообразить этого ребёнка — светловолосая, лицо золотистое от загара и счастливое, тоненькая и ладненькая, и всегда за игрой. Но лицо ребёнка, в отличие от лица женщины с его небольшими скулами и пожалуй что нордической лаконичностью, было размыто и невыразительно. А муж? Его Терез совсем не могла себе нарисовать.

— Вы наверняка подумали, что это мужчина послал вам рождественскую открытку, да? — спросила Терез.

— Да, — ответила она сквозь улыбку. — Я подумала, что это, может быть, мужчина из лыжного отдела.

— Извините.

— Нет, я ужасно рада. — Она откинулась на спинку скамьи. — Очень сомневаюсь, что я пошла бы с ним на обед. Нет, я ужасно рада.

Туманный и чуть сладковатый запах её духов снова донёсся до Терез — запах, от которого веяло тёмно-зелёным шёлком, принадлежащий только ей и больше никому, как запах необыкновенного цветка. Терез потянулась ближе к нему, опустив

взгляд на бокал. Ей хотелось оттолкнуть стол и броситься к женщине в объятия, уткнуться носом в туго повязанный вокруг шеи зелёно-золотистый платок. Один раз кисти их рук случайно соприкоснулись тыльными сторонами на столе, и теперь Терез чувствовала, как кожа в этом месте живёт отдельной жизнью и довольно ощутимо горит. Терез не понимала, что происходит, но так оно было. Она взглянула на чуть отвёрнутое от неё лицо женщины и снова испытала этот миг полуузнавания. Но она также знала, что ему не следует верить. Она никогда прежде не видела этой женщины. Если бы она её видела, неужели могла бы забыть? В тишине Терез казалось, что каждая из них ждёт, когда заговорит другая, но при этом тишина не тяготила. Прибыла их еда. Они заказали шпинат со сливками и яйцом. От тарелок исходил пар и аромат сливочного масла.

— Как так случилось, что вы живёте одна? — спросила женщина, и, не успев опомниться, Терез рассказала ей всю историю своей жизни.

Но без утомительных подробностей. В шести предложениях, словно для неё всё это значило меньше, чем вычитанная где-нибудь история. Да и какое, в конце концов, значение имеют факты — была её мать француженкой, англичанкой или

венгеркой, был отец ирландским художником или чешским адвокатом, преуспел он или нет; вручила её мать ордену святой Маргариты, когда Терез была трудным, вечно орущим младенцем или трудной, меланхоличной восьмилеткой? И была ли она там счастлива. Потому что она была счастлива сейчас, начиная с сегодняшнего дня. Она не нуждалась в родителях или биографии.

— Что может быть скучнее прошедшей истории! — произнесла Терез с улыбкой.

— Возможно, будущее, у которого нет никакой истории.

Терез не стала это глубоко обдумывать. Всё верно. Она по-прежнему улыбалась, как будто только что научилась это делать и не умела остановиться. Женщина улыбалась вместе с ней, позабавленная, и, возможно, смеялась над ней, подумала Терез.

— Что это за фамилия — Беливет? — спросила она.

— Чешская. Она изменена, — неловко стала объяснять Терез. — В оригинале…

— Она очень оригинальна.

— А ваше имя? — спросила Терез. — Как вас зовут?

— Меня? Кэрол. Пожалуйста, никогда не назы-

вайте меня Кароль.

— Пожалуйста, никогда не называйте меня Тереза, — сказала Терез, сделав упор на «а» в конце.

— А как вам нравится, чтобы вас называли? Терез?

— Да, вот так, как вы сказали, — ответила она.

Кэрол произнесла её имя на французский манер — *Thérèse*. Терез привыкла к дюжине разных вариаций и сама, бывало, произносила своё имя по-разному. Ей нравилось, как выговаривала его Кэрол, и нравились её губы, произносящие имя. Неясное томление, которое она лишь смутно и временами ощущала прежде, теперь превратилось в различимое желание. Желание это было настолько абсурдное, настолько стыдное, что Терез вытолкнула его из своего сознания.

— Чем вы занимаетесь по воскресеньям? — спросила Кэрол.

— Не всегда знаю заранее. Ничем особенным. А вы?

— Ничем… в последнее время. Если как-нибудь захотите приехать в гости, буду рада. По крайней мере, там, где я живу, есть какая-то природа. Хотите в это воскресенье?

Теперь серые глаза откровенно её разглядывали, и Терез впервые прямо в них посмотрела. Она

увидела в них долю юмора. А ещё что? Любопытство, и ещё вызов.

— Да, — ответила Терез.

— Какая же вы странная девушка.

— Почему?

— Заброшенная из космоса, — сказала Кэрол.

5

Ричард стоял на углу, поджидая её и от холода переминаясь с ноги на ногу. Терез вдруг поняла, что ей сейчас совсем не холодно, и это при том, что другие люди на улице зябко жались в своих пальто. Она взяла Ричарда под руку, ласково и крепко её сжала.

— Ты не заходил внутрь? — спросила она. Она опоздала на десять минут.

— Нет, конечно. Я ждал. — Он прижался холодными губами и носом к её щеке. — Тяжёлый день?

— Нет.

Вечер был чернющий, несмотря на рождественские огни, красовавшиеся на некоторых фонарных столбах. Она взглянула на освещённое пламенем спички лицо Ричарда. Лоб гладким срезом нависал над прищуренными глазами, крепкий на вид, как голова кита, подумала она,

настолько крепкий, что может и проломить что-нибудь. Его лицо было будто вырезано из дерева, гладко и аскетично выстроганное. Она увидела, как его глаза раскрылись, словно неожиданные лоскутки голубого неба в темноте.

Он ей улыбнулся.

— Ты сегодня в хорошем настроении. Хочешь пройтись по кварталу? Внутри нельзя курить. Дать сигарету?

— Нет, спасибо.

Они пошли. Галерея располагалась в шаге от них: ряд освещённых окон, в каждом по рождественскому венку, на втором этаже большого здания. Завтра она увидит Кэрол, подумала Терез, завтра утром в одиннадцать. Они встретятся всего в десяти кварталах отсюда, через каких-нибудь двенадцать с небольшим часов. Она хотела было снова взять Ричарда под руку, но внезапно смутилась этого. К востоку, дальше над Сорок третьей улицей, она увидела Орион, раскинувшийся точно по центру неба между зданиями. Когда-то она смотрела на него из школьных окон, из окна своей первой нью-йоркской квартиры.

— Я сегодня забронировал билеты, — сказал Ричард. — «Президент Тейлор», отчаливает седьмого марта. Поговорил с кассиром — думаю, он

сможет организовать нам наружные каюты, если к нему приставать с напоминаниями.

— Седьмого марта? — Она услышала мгновенную радость в своём голосе, хотя сейчас ей вовсе не хотелось ехать в Европу.

— Примерно через десять недель, — сказал Ричард, беря её за руку.

— Ты сможешь отменить бронь, если мне не удастся поехать? — В сущности, можно было бы уже сейчас сказать, что она не хочет ехать, подумала она, но он только станет спорить, как делал это и раньше, когда она колебалась.

— Само… само собой, Терри! — И он рассмеялся.

Ричард размахивал её рукой в такт шагам. Как будто они влюбленные, подумала Терез. То, что она чувствовала к Кэрол, было бы почти как любовь, с той лишь разницей, что Кэрол — женщина. Это было не вполне безумие, но оно было определённо блаженным. Дурацкое слово, но неужели возможно быть счастливее, чем она была сейчас и с самого четверга?

— Эх, если бы мы могли быть вместе в одной, — сказал Ричард.

— В чём в одной?

— В каюте! — Ричард разразился гулким сме-

хом, и Терез заметила, как двое людей на тротуаре обернулись, чтобы посмотреть на них. — Пойдём куда-нибудь выпьем, просто отпраздновать? Можно зайти в «Мансфильд» за углом.

— Мне не хочется сидеть на месте. Давай потом.

Они попали на выставку за полцены по льготным билетам Ричарда от художественного училища. Галерея представляла собой череду залов с высокими потолками и плюшевыми коврами — финансовое изобилие как фон для рекламных объявлений, рисунков, литографий, иллюстраций и всего остального, что теснилось в ряд на стенах. Ричард внимательно по нескольку минут изучал некоторые из них, но на Терез они производили впечатление несколько гнетущее.

— Ты это видела? — спросил Ричард, показывая на замысловатый рисунок, изображавший линейного монтёра за ремонтом телефонного кабеля. Терез уже где-то раньше видела этот рисунок, и сейчас вообще-то ей больно было на него смотреть.

— Да, — ответила она. Мысли её были заняты другим. Если она перестанет урезать себя во всём, пытаясь скопить денег на Европу — что в любом случае было глупой затеей, так как она не соби-

ралась ехать, — она сможет купить себе новое пальто. Сразу после Рождества будут распродажи. Пальто, в котором она ходила сейчас, было чёрное двубортное с хлястиком, и она всегда чувствовала себя в нём блеклой.

Ричард взял её под руку.

— Нет в тебе достаточного почтения к художественной технике, девчонка.

Она притворно нахмурилась в ответ и сама снова взяла его под руку. Внезапно у неё возникло сильное чувство близости к нему, ей стало с ним так тепло и радостно, как в первый день их знакомства, на вечеринке на Кристофер-стрит, куда привела её Франсес Коттер. Ричард был немножко навеселе — таким она его с тех пор никогда не видела — и отзывался о книгах, политике и людях тоже лучше, чем когда-либо после. Они проговорили весь вечер, и он так понравился ей своей увлечённостью, своими честолюбивыми устремлениями, симпатиями и антипатиями, и ещё тем, что это была её первая настоящая вечеринка, и благодаря ему она удалась.

— Ты не смотришь, — сказал Ричард.

— Это изнурительно. С меня хватит. Скажи, когда тебе тоже надоест.

В дверях они столкнулись со знакомыми Ри-

чарда по Лиге — молодым человеком, девушкой и чернокожим молодым человеком. Ричард представил им Терез. Было очевидно, что они ему не близкие друзья, тем не менее он объявил во всеуслышанье:

— А мы в марте едем в Европу.

И все трое посмотрели на них с завистью.

Снаружи Пятая авеню показалась пустынной и застывшей, как театральная декорация в ожидании некоего драматического действия. Терез шла быстрым шагом рядом с Ричардом, руки в карманах. Где-то она сегодня посеяла перчатки. Она думала о завтрашнем дне, об одиннадцати часах. Интересно, думала она, может ли так случиться, что завтра в это же время она всё ещё будет с Кэрол?

— Что насчёт завтра? — спросил Ричард.

— Завтра?

— Ну, ты знаешь. Мои спрашивали, сможешь ли ты прийти в это воскресенье на обед.

Терез помедлила, припоминая. Она была в гостях у Семко четыре или пять раз по воскресеньям. Там бывал большой обед часа в два, а потом мистер Семко, низенький лысоголовый мужчина, желал танцевать с ней под польки и русскую народную музыку, которую крутили на

патефоне.

— Слушай, а ты знаешь, что мама хочет сшить тебе платье? — продолжал Ричард. — У неё уже есть ткань. Она хочет снять с тебя мерки.

— Платье… Но это столько работы. — В памяти у Терез возникли вышитые блузки миссис Семко, белые блузки, простроченные рядами и рядами стежков. Миссис Семко гордилась своим рукоделием. Терез чувствовала, что ей не следует принимать подарок, требующий такого колоссального труда.

— Она это любит, — ответил Ричард. — Ну так как насчёт завтра? Хочешь прийти часов в двенадцать?

— Нет, вряд ли в это воскресенье. Они ведь ничего грандиозного не запланировали, а?

— Нет, — Ричард был разочарован. — Ты просто хочешь завтра поработать или что?

— Да. Надо бы. — Она не хотела, чтобы Ричард знал о Кэрол, равно как и вообще с ней когда-либо познакомился.

— И даже проехаться никуда не хочешь?

— Думаю, нет. Спасибо. — Сейчас Терез не нравилось, что он держит её за руку. Его ладонь была влажной и из-за этого холодной, как ледышка.

— Точно не передумаешь?

Терез помотала головой.

— Нет. — Она могла бы как-то всё смягчить, придумать какую-нибудь отговорку, но ей и лгать о завтрашнем дне тоже не хотелось — сверх того, что она уже солгала. Ричард вздохнул, и некоторое время они шли молча.

— Мама хочет сшить тебе белое платье с кружевной каймой. Она с ума сходит оттого, что в семье нет девушек, кроме Эстер.

Эстер была женой его двоюродного брата, и Терез видела её всего один-два раза.

— Как Эстер?

— Всё так же.

Терез высвободила пальцы из ладони Ричарда. Внезапно она почувствовала голод.

Час, отведённый на ужин, она провела за написанием чего-то вроде письма Кэрол, которое не отослала, да и не думала отсылать. На Третьей авеню они заскочили в автобус, идущий в верхний город, а потом прошлись пешком на восток, к дому Терез. Она не хотела приглашать Ричарда наверх, но всё равно это сделала.

— Нет, спасибо, я потопаю, — ответил Ричард. Он поставил ногу на нижнюю ступеньку. — У тебя сегодня чудное настроение. Ты где-то совсем далеко.

— Нет, — сказала она, чувствуя собственное косноязычие и негодуя на него.

— Да. Я это вижу. В конце концов, разве ты…

— Что? — нетерпеливо произнесла она.

— Мы ведь никуда особенно не продвигаемся, правда? — сказал Ричард, вдруг посерьёзнев. — Если ты даже не хочешь проводить со мной воскресенья, как мы будем вместе несколько месяцев в Европе?

— Что ж… Если ты хочешь всё отменить, Ричард…

— Терри, я люблю тебя. — В крайнем раздражении он провёл ладонью по волосам. — Разумеется, я не хочу всё отменять, но… — Он снова прервал себя на полуслове.

Она знала, что он собирался сказать — что не получает от неё практически ничего в смысле проявлений любви, но он не стал этого говорить, поскольку прекрасно знал, что она в него не влюблена, так с чего бы в самом деле ему ждать проявлений? Вместе с тем, из-за одного простого факта, что она не была в него влюблена, Терез чувствовала себя виноватой, виноватой в том, что принимает от него что бы то ни было — подарок ко дню рождения, приглашение на ужин с родными, даже его время. Терез крепко сдавила

каменные перила кончиками пальцев.

— Хорошо, я знаю. Я в тебя не влюблена, — сказала она.

— Я не это имел в виду, Терри.

— Если ты хочешь вообще всё прекратить — я имею в виду перестать со мной встречаться, — так перестань. — И это тоже она не впервые ему говорила.

— Терри, ты знаешь, что я лучше буду с тобой, чем с кем-либо ещё в мире. В этом-то вся чертовщина.

— Ну, если это чертовщина…

— Ты хоть сколько-нибудь меня любишь, Терри? Как ты меня любишь?

«Позволь мне перечесть[5]», — подумала она.

— Я не люблю тебя, но ты мне нравишься. Я сегодня почувствовала, пару минут назад, — сказала она, твёрдо и отчётливо произнося слова, не заботясь о том, как они прозвучат, потому что она говорила правду, — что чувствую к тебе такую близость, как никогда прежде, на самом деле.

Ричард посмотрел на неё с некоторым недоверием.

— Да?

---

[5] notes: 5

Отсылка к сонету № 43 из цикла «Сонеты с португальского» Элизабет Баррет Браунинг («Как я люблю тебя? Позволь мне перечесть…»).

Медленно, с улыбкой он начал подниматься по ступенькам и остановился чуть ниже её.

— Тогда… может быть, разрешишь мне остаться сегодня у тебя, Терри? Давай просто попробуем, а?

С первого же его шага к ней она знала, что он об этом попросит. Теперь она чувствовала себя несчастной, и ей было стыдно, и жалко себя и его, потому что это было настолько невозможно и так досадно и неловко, потому что она этого не хотела. Всегда оставался этот громадный барьер её нежелания даже попытаться, что сводило всё к некоему жалкому конфузу и ничему больше, всякий раз, когда он её просил. Она вспомнила первую ночь, в которую позволила ему остаться, и её снова внутренне передёрнуло. Это было что угодно, но не удовольствие, и она спросила его прямо посреди всего: «Так правильно?» Как это может быть правильно и при этом настолько неприятно, подумала она. И Ричард расхохотался, и смеялся долго, и громко, и так от души, что она рассердилась. А второй раз оказался ещё хуже — вероятно, оттого, что Ричард решил, будто все сложности уже позади. Ей было так больно, что она заплакала, и Ричард сокрушённо извинялся и говорил, что теперь чувствует себя бездушной

скотиной. И тогда она запротестовала и уверила его, что это не так. Она прекрасно знала, что это не так, и что он ведёт себя ангельски в сравнении с тем, например, как мог бы себя повести Анджело Росси, переспи она с ним в ту ночь, когда он стоял здесь, на этих же ступеньках, и задавал тот же вопрос.

— Терри, дорогая…

— Нет, — сказала Терез, наконец обретя дар речи. — Не могу я сегодня. И поехать с тобой в Европу тоже не могу, — закончила она с покорной и безнадёжной прямотой.

Ричард от изумления раскрыл рот. Терез не могла вынести его хмурого взгляда.

— Почему?

— Потому. Потому что не могу, — сказала она, с мукой выговаривая каждое слово. — Потому что я не хочу с тобой спать.

— О, Терри! — рассмеялся Ричард. — Прости, что я спросил. Забудь об этом, лапочка, хорошо? И в Европе тоже?

Терез отвела взгляд, снова заметила Орион, теперь уже под чуть иным углом, и опять посмотрела на Ричарда. «Но я не могу забыть, — подумала она. — Мне приходится время от времени об этом думать, потому что об этом думаешь ты». Ей

казалось, что она произнесла эти слова вслух, и что они повисли в воздухе между ними, материальные, словно вырубленные из дерева, хотя она ничего не услышала. Она раньше уже говорила ему эти слова, у себя в комнате наверху и один раз в Проспект-парке, запуская воздушного змея. Но он не хотел принимать их в расчёт, и что ей теперь было делать, снова их повторять?

— Хочешь всё равно подняться ненадолго? — спросила она, мучая саму себя, мучимая стыдом, которого она и объяснить-то толком не могла.

— Нет, — сказал Ричард, тихо усмехнувшись, и ей стало ещё стыднее от снисходительности и понимания, которые были в этой усмешке. — Нет, я пойду. Спокойной ночи, лапочка. Я люблю тебя, Терри.

И в последний раз взглянув на неё, он ушёл.

6

Терез вышла на улицу и поискала глазами, но улицы были пусты пустотой воскресного утра. Ветер кидался на высокий цементный угол «Франкенберга», словно в ярости оттого, что не находит человеческой фигуры, с которой можно было бы схватиться в противостоянии. Ни одной, кроме неё, подумала Терез и вдруг ухмыльнулась

сама себе. Могла бы придумать место для встречи и поприятнее. Ветер на зубах был как лёд. Кэрол опаздывала на четверть часа. Если Кэрол не придёт, подумала Терез, она, вероятно, так и останется ждать, весь день и до глубокой ночи. Одна фигура возникла из подземки — худая, как щепка, торопливая женская фигура в длинном чёрном пальто, из-под которого выглядывали ступни, двигавшиеся так быстро, будто их было четыре и они вращали колесо.

Потом Терез обернулась и увидела Кэрол — в машине, подогнанной к бордюру на противоположной стороне улицы. Терез пошла к ней.

— Добрый день! — воскликнула Кэрол и потянулась через сиденье, чтобы открыть ей дверь.

— Здравствуйте! Я думала, вы не приедете.

— Простите, ради бога, за опоздание. Ужасно замёрзли?

— Нет. — Терез села в машину и захлопнула дверцу. В машине — длинном тёмно-зелёном автомобиле с кожаными, в тон, сиденьями — было тепло. Кэрол медленно повела машину на запад.

— Поедем ко мне? Куда бы вам хотелось поехать?

— Всё равно, — сказала Терез. Ей были видны веснушки на переносице Кэрол. Короткие свет-

лые волосы, вызывавшие мысль о поднесённых к свету духах, были перехвачены зелёно-золотистым платком, повязанным вокруг головы, как головная повязка.

— Поехали ко мне. Там красиво.

Они направились в верхнюю часть города. Это было как если бы они ехали внутри пологой горы, которая могла смести что угодно на своём пути, но при этом беспрекословно повиновалась Кэрол.

— Вам нравится ездить на машине? — спросила она, не глядя на Терез. Во рту у неё была сигарета. Она вела, легко положив руки на руль, как будто для неё это был сущий пустяк, словно она сидела себе где-нибудь расслабленно в кресле и курила.

— Почему вы так молчаливы?

Они с рёвом въехали в тоннель Линкольна. Терез во все глаза смотрела сквозь лобовое стекло, и в ней поднималось дикое, необъяснимое возбуждение. Ей захотелось, чтобы тоннель обрушился и убил их обеих, чтобы их тела вместе выволокли наружу. Она чувствовала, как Кэрол время от времени на неё поглядывает.

— Вы завтракали?

— Нет, — ответила Терез. Наверное, она была бледна. Она собиралась было позавтракать, но

уронила бутылку с молоком в раковину и после этого махнула на всё рукой.

— Вам бы выпить кофе. Он там, в термосе.

Они выехали из тоннеля. Кэрол остановила машину у обочины.

— Вот. — Кэрол кивнула на термос, примостившийся между ними на сиденье. Затем сама взяла его в руки и налила в стаканчик кофе — дымящийся, светло-коричневый.

Терез посмотрела на кофе с благодарностью.

— Откуда он?

Кэрол улыбнулась.

— Вам всегда хочется знать, откуда что берётся?

Кофе был очень крепкий и чуть сладковатый. Он придал ей сил. Когда половина стакана была выпита, Кэрол завела двигатель. Терез молчала. О чём было говорить? О свисающем со связки ключей на приборной панели золотом клевере-четырёхлистнике с именем и адресом Кэрол? О придорожном ёлочном базаре, который они проехали? О птице, одиноко пролетающей над затопленной болотистой равниной? Нет. Говорить следовало лишь о том, что она написала Кэрол в неотправленном письме, но это было невозможно.

— Вы любите бывать за городом? — спросила Кэрол, когда они свернули на дорогу поуже.

Только что они въехали в маленький городок и тут же из него выехали. Теперь по изогнутой большущим полукругом подъездной аллее они приблизились к белому двухэтажному дому с выступающими боковыми крыльями, похожими на лапы отдыхающего льва.

Там был металлический половик, большой сияющий латунью почтовый ящик, собака, глухо лающая с той стороны дома, где за деревьями виднелся белый гараж. Терез показалось, что в доме пахнет какой-то пряностью, и этот аромат смешивался с отдельным сладковатым запахом, и ни то, ни другое не было духами Кэрол. За ней с лёгким, уверенным двойным щелчком закрылась дверь. Терез обернулась и увидела Кэрол — та смотрела на неё озадаченно, рот слегка приоткрыт, как будто в удивлении; Терез чувствовала, что ещё мгновение, и Кэрол спросит: «А вы что здесь делаете?», словно она забыла или вовсе не собиралась её сюда привозить.

— Здесь никого нет, кроме домработницы. И она далеко, — сказала Кэрол, будто в ответ на какой-то её вопрос.

— Прелестный дом, — сказала Терез и увидела

лёгкую, с тенью нетерпения улыбку Кэрол.

— Снимайте пальто. — Кэрол стянула с головы платок и пробежала пальцами по волосам. — Не хотите слегка позавтракать? Уже почти полдень.

— Нет, спасибо.

Кэрол обвела глазами гостиную, и на её лице снова появилось то выражение озадаченной неудовлетворённости.

— Пойдёмте наверх. Там удобнее.

Терез стала подниматься за Кэрол по широкой деревянной лестнице, мимо выполненного в масле портрета маленькой девочки с жёлтыми волосами и квадратным, как у Кэрол, подбородком, мимо окна, в котором возникли на миг и пропали сад с извилистой дорожкой и фонтан со статуей цвета морской волны. Наверху был короткий холл с четырьмя или пятью комнатами по сторонам. Кэрол вошла в комнату с зелёным ковром и такими же зелёными стенами и взяла сигарету из сигаретницы на столе. Прикуривая, она взглянула на Терез. Терез не знала, что делать или говорить, но чувствовала — Кэрол ждёт, чтобы она сделала или сказала хоть что-нибудь, что угодно. Терез изучала простого вида комнату с тёмно-зелёным ковром и длинной, в зелёных подушках, скамьёй вдоль одной из стен. В центре

стоял гладкий стол светлого дерева. Игровая, подумала Терез, хотя комната больше походила на кабинет — со всеми её книгами, музыкальными альбомами и при отсутствии фотографий.

— Моя любимая комната, — сказала Кэрол, выходя из неё. — Но собственно моя — вон та.

Терез заглянула в комнату напротив. Там была мебель, обитая хлопком с цветочным узором, гладкого светлого дерева, как стол в той, другой комнате. Над туалетным столиком висело длинное простое зеркало, и вся комната была как будто залита солнечным светом, при том, что солнечного света там не было. Кровать была двуспальная. А на тёмном бюро в противоположном конце комнаты лежали овальные мужские щётки для волос. Терез тщетно пыталась высмотреть его фото. На туалетном столике стояла фотография Кэрол с маленькой белокурой девочкой на руках. И фотография женщины с тёмными кудрявыми волосами и широкой улыбкой, в серебряной рамке.

— У вас девочка, да? — спросила Терез.

Кэрол открыла стенную панель в холле.

— Да, — сказала она. — Хотите колы?

Гудение холодильника теперь стало слышнее. Во всём доме царила тишина, которую нарушали

только они. Терез не хотела пить холодное, но она взяла бутылку и спустилась с ней вслед за Кэрол через кухню в сад позади дома, тот самый, который прежде видела из окна. За фонтаном обнаружилось большое количество растений с метр ростом и укутанных в джутовые мешки. Они стояли там, как отряд, подумала Терез, только непонятно кого. Кэрол затянула потуже ослабленную ветром бечёвку. Её склонённая фигура в тяжёлой шерстяной юбке и синей кофте казалась монолитной и сильной, так же как и лицо, но совсем иначе выглядели изящные щиколотки. Кэрол, казалось, забыла о ней на несколько минут — она медленно бродила, твёрдо ступая ногами в мокасинах, словно в стылом, отцветшем саду наконец почувствовала себя уютно. Без пальто было жутко холодно, но поскольку Кэрол, похоже, и этого не замечала, Терез пыталась ей подражать.

— Чем бы вы хотели заняться? — спросила Кэрол. — Погулять? Послушать музыку?

— Мне и так очень хорошо, — ответила Терез.

Она чувствовала, что Кэрол чем-то озабочена и всё же жалеет, что пригласила её к себе. Они направились обратно к двери в конце садовой дорожки.

— И как вам ваша работа? — спросила Кэрол

уже в кухне, всё ещё с этим своим отстранённым видом. Она смотрела внутрь большого холодильника. Потом извлекла оттуда две накрытые вощёной бумагой тарелки. — Я бы не отказалась пообедать. А вы?

Терез хотела рассказать ей о работе в театре «Чёрный кот». Это было бы уже что-то, подумала она, — то единственно важное, что она могла бы о себе рассказать. Но сейчас было не время. Сейчас она ответила медленно, стараясь говорить так же отстранённо, как Кэрол, хотя застенчивость в голосе перекрывала всё, и она это слышала:

— Познавательная, пожалуй. Учусь быть воровкой, лгуньей и поэтом одновременно.

Терез откинулась на спинку стула, так, чтобы её голова оказалась в тёплом квадрате солнечного света. И любить, хотела сказать она. Она никого не любила до Кэрол, даже сестру Алисию.

Кэрол посмотрела на неё.

— Как становятся поэтом?

— Чувствуя всякие вещи — слишком много чувствуя, я полагаю, — добросовестно ответила Терез.

— А воровкой? — Кэрол слизнула что-то с большого пальца и нахмурилась. — Не хотите карамельного пудинга?

— Нет, спасибо. Я пока ещё не воровала, но уверена, что там это легко. Кругом сумки, и можно просто взять себе что-то. Крадут мясо, которое ты покупаешь на ужин. — Терез рассмеялась. С Кэрол можно над этим смеяться. С Кэрол можно смеяться над чем угодно.

Они нарезали ломтиками холодную курицу, клюквенное пюре, зелёные оливки и хрустящие стебли белого сельдерея. Но Кэрол оставила свой обед и вышла в гостиную. Она вернулась с бокалом виски и добавила в него воды из-под крана. Терез наблюдала. Потом был долгий миг, когда они смотрели друг на друга — Кэрол, стоя в дверях, а Терез за столом, обернувшись и глядя через плечо, не притрагиваясь к еде.

Кэрол тихо спросила:

— Со многими по ту сторону прилавка вы так вот знакомитесь? Разве не следует проявлять осторожность, выбирая, с кем заговариваешь?

— О да. — Терез улыбнулась.

— Или идёшь на обед. — В глазах у Кэрол вспыхнула искра. — Так можно наткнуться и на похитителя.

Она поболтала напиток в бокале без льда, потом выпила его весь, бряцая тонкими серебряными браслетами на своём запястье о стекло.

— Так всё же, со многими людьми вы таким образом знакомитесь?

— Нет, — ответила Терез.

— Не со многими? Всего с тремя-четырьмя?

— Как вы? — Терез встретила её взгляд, не отводя глаз.

И Кэрол посмотрела на неё пристально, будто ей непременно нужно было услышать ещё слово, ещё фразу от Терез. Но потом она поставила бокал на плиту и отвернулась.

— Вы играете на фортепиано?

— Немного.

— Пойдёмте, сыграйте что-нибудь.

И когда Терез стала отказываться, она произнесла не терпящим возражений тоном:

— О, мне всё равно, как вы играете. Просто сыграйте что-нибудь.

Она стала играть Скарлатти, то, что когда-то выучила в Доме. Кэрол сидела в кресле с другой стороны комнаты и слушала, расслабленно и неподвижно, даже не прикасаясь к виски с водой во вновь наполненном бокале. Терез играла сонату до мажор, небыструю и довольно простую, полную ломаных октав, но музыка вдруг показалась ей безжизненной, а потом, в части с трелями, претенциозной, и Терез остановилась.

Внезапно всего этого оказалось через край — её руки на клавиатуре, которой, она знала, касались руки Кэрол; Кэрол, наблюдающая за ней из-под полуприкрытых век; весь дом Кэрол вокруг неё и музыка, заставившая её забыть себя, сделавшая её беззащитной. С судорожным вздохом она уронила руки на колени.

— Устали? — спокойно спросила Кэрол.

Терез показалось, что она имеет в виду не данный момент, а вообще.

— Да.

Кэрол подошла сзади и положила руки ей на плечи. Терез мысленно, в памяти, увидела её руки — гибкие и сильные, с проступающими тонкими сухожилиями, сжимающие её плечи. Целую вечность, кажется, они двигались к её шее и под подбородок, вечность смятения настолько сильного, что оно стёрло блаженство в миг, когда Кэрол запрокинула ей голову и легонько поцеловала в кромку волос. Терез совсем не почувствовала поцелуя.

— Пойдём со мной, — сказала Кэрол.

Терез снова пошла с ней наверх. Она одолевала ступеньки с усилием, держась за перила, и это неожиданно напомнило ей о миссис Робичек.

— Думаю, тебе не помешает вздремнуть, — ска-

зала Кэрол, откидывая хлопковое покрывало с цветочным узором и одеяло под ним.

— Спасибо, я вообще-то не…

— Скидывай туфли, — сказала Кэрол мягким, но располагающим к послушанию тоном.

Терез посмотрела на кровать. Она почти не спала прошлой ночью.

— Вряд ли я усну, но если усну…

— Я разбужу тебя через полчаса.

Кэрол укрыла её одеялом, когда она легла. Кэрол присела на краешек кровати.

— Сколько тебе лет, Терез?

Терез подняла на неё глаза, сейчас не в силах стерпеть её взгляд и тем не менее терпя его, и ей было всё равно, умрёт ли она в этот самый миг, задушит ли Кэрол её, бессильно распростёртую и незащищённую в её постели, незваную гостью.

— Девятнадцать. — Это прозвучало такой большой цифрой. Больше, чем девяносто один.

Кэрол нахмурила брови, но при этом чуть улыбнулась.

Она, судя по всему, задумалась о чём-то так глубоко, что мысль повисла в воздухе между ними, хоть дотронься. Затем она просунула руки под плечи Терез и склонилась к её шее, и Терез почувствовала, как напряжение уходит из тела

Кэрол со вздохом, и шее стало жарко, и повеяло духами от её волос.

— Ты ребёнок, — сказала Кэрол, как будто с укором. Она подняла голову. — Чего бы тебе хотелось?

Терез вспомнила, о чём она думала в ресторане, и от стыда стиснула зубы.

— Чего бы тебе хотелось? — повторила Кэрол.

— Ничего, спасибо.

Кэрол встала, прошла к туалетному столику и закурила. Терез наблюдала за ней из-под полуприкрытых век — её тревожило неспокойство Кэрол и вместе с тем ужасно нравилась сигарета, ужасно нравилось, как Кэрол курит.

— Чего бы тебе хотелось? Выпить чего-нибудь?

Терез знала, что она имеет в виду воду. Знала, потому что в голосе Кэрол были нежность и забота — Кэрол говорила с ней, как с больным ребёнком, у которого температура. И тогда Терез сказала:

— Кажется, я бы хотела горячего молока.

Кэрол улыбнулась одним уголком рта.

— Горячего молока, — передразнила она. И вышла из комнаты.

А Терез осталась лежать, балансируя на зыбкой грани тревоги и полусна, всё то долгое время до

момента, когда Кэрол вновь появилась с молоком в белой прямой чашке на блюдце. Она придерживала блюдце и ручку чашки руками, а дверь закрыла ногой.

— Я не уследила, оно закипело, и теперь на нём пенка, — с досадой сказала Кэрол. — Извини.

Но Терез ужасно умилилась, потому что она знала, что именно этого и следует ожидать от Кэрол — вечно закипающего молока, пока она думает о чём-то другом.

— Ты так любишь? Просто, без всего?

Терез кивнула.

— Фу, — сказала Кэрол, села на подлокотник кресла и стала за ней наблюдать.

Терез полулежала, приподнявшись на локте. Молоко было таким горячим, что она сначала едва могла прикоснуться к нему губами. Крошечные глотки растекались внутри рта и наполняли его смешением органических привкусов и ароматов. В молоке ей чудился вкус кости и крови, тёплой плоти или волос, оно было пресное, как мел, но вместе с тем живое, как растущий эмбрион. Оно было насквозь горячим, сверху и до самого донышка чашки, и Терез выпила его залпом, как в сказках пьют волшебное зелье, чтобы преобразиться, или как ни о чём не подозрева-

ющий воин выпивает кубок с ядом, который его убьёт. Потом подошла Кэрол и забрала чашку, и сквозь дрёму сознание Терез зафиксировало три вопроса, которые задала ей Кэрол: один — о счастье, другой — о магазине, и третий — о будущем. Терез слышала, как отвечает на них. Она также услышала, как её речь вдруг превратилась в бормотание, словно это был журчащий родник, над которым она не имеет власти, и она поняла, что заливается слезами. Она рассказывала Кэрол обо всём, чего страшилась и не любила, о своём одиночестве, о Ричарде и о гигантских разочарованиях. И о родителях. Её мать не умерла. Но Терез не видела её с четырнадцати лет.

Кэрол расспрашивала, и она отвечала, хотя о матери ей говорить не хотелось. Мать не так уж была важна, она даже не составляла разочарования. Вот отец — да. С отцом — совсем другое дело. Он умер, когда ей было шесть лет, — адвокат, выходец из Чехословакии, всю свою жизнь хотевший быть художником. Он был совершенно другим — мягким, отзывчивым, никогда не повышал в гневе голоса на женщину, которая пилила его за то, что он так и не стал ни хорошим адвокатом, ни хорошим художником. Он никогда не был сильным, умер от воспаления лёгких, но

Терез считала, что это мать убила его. Кэрол всё расспрашивала и расспрашивала, и Терез рассказала, как мать привезла её, восьмилетнюю, в школу в Монклере, как нечасто потом её там навещала, потому что очень много ездила по стране. Она была пианисткой, нет, не первого класса, какое там, но она всегда находила работу, потому что была пробивной. А когда Терез было лет десять, мать повторно вышла замуж. Терез приехала погостить к ней домой в Лонг-Айленд на рождественские каникулы, и они предлагали ей остаться, но так, будто на самом деле этого не хотели. И Терез не понравился её муж, Ник, потому что он был в точности такой же, как мать, крупный и темноволосый, с громким голосом и яростной и жаркой жестикуляцией. Терез была уверена, что это будет идеальный брак. Уже тогда мать была беременна, а теперь там двое детей. Пробыв с ними неделю, Терез вернулась в Дом. После этого мать навестила её ещё раза три-четыре, всегда приезжала с подарком — блузкой, книгой, а однажды привезла косметический набор, который Терез возненавидела лишь потому, что он напоминал ей о ломких, покрытых тушью ресницах матери; подарки эти мать смущённо совала ей в руки, словно в лицемерной попыт-

ке задобрить. Однажды мать привезла с собой маленького мальчика, её единоутробного брата, и тогда Терез поняла, что она — чужая. Мать не любила её отца, предпочла оставить её в школе, когда ей было восемь лет, и с какой стати сейчас она взялась её навещать и вообще притязать на неё? Терез была бы счастливее, если бы у неё вовсе не было родителей, как у половины девочек в школе. В конце концов она сказала матери, что больше не хочет этих визитов, и мать больше не приезжала, и пристыженно-негодующее выражение лица, нервный, искоса, быстрый взгляд карих глаз, судорожная кривая улыбка и молчание — вот что стало последним её воспоминанием о матери. А потом ей исполнилось пятнадцать лет. Сёстры в школе знали, что мать ей не пишет. Они попросили её написать дочери, и она это сделала, но Терез не ответила. Потом, когда приблизилось окончание школы, — ей было семнадцать — администрация попросила у матери двести долларов. Терез не хотела от неё никаких денег, да и мало верила в то, что мать даст хоть сколько-нибудь, но та прислала деньги, и Терез их приняла.

— Я жалею, что взяла их. Никому никогда об этом не рассказывала, кроме вас. Когда-нибудь я

хочу их вернуть.

— Глупости, — мягко сказала Кэрол. Она сидела на подлокотнике кресла, опершись подбородком на руку, не сводя с Терез глаз и улыбаясь. — Ты была ребёнком. Когда ты забудешь о желании их вернуть, это будет означать, что ты стала взрослой.

Терез ничего не ответила.

— Думаешь, ты больше никогда не захочешь её снова увидеть? Может быть, через несколько лет?

Терез помотала головой. Она улыбнулась, но слёзы всё ещё сочились из глаз.

— Я больше не хочу об этом говорить.

— Ричард всё знает?

— Нет. Только то, что она жива. Разве это имеет значение? Не это важно.

Ей казалось, что если как следует выплакаться, всё это из неё уйдёт — усталость, одиночество, разочарование, словно они обретались в самих её слезах. И она была рада, что Кэрол сейчас давала ей возможность это сделать. Кэрол стояла у туалетного столика, спиной к ней. Терез застыла в постели, лёжа, опершись на локоть, истерзанная всхлипами, которые пыталась подавлять.

— Я больше никогда не буду плакать, — ска-

зала она.

— Будешь. — И чиркнула спичка.

Терез взяла с прикроватной тумбочки очередную салфетку и высморкалась.

— Кто ещё в твоей жизни есть, кроме Ричарда? — спросила Кэрол.

Она ото всех сбежала. В первом её нью-йоркском доме были Лили и мистер и миссис Андерсон. Франсес Коттер и Тим — в «Пеликан-Пресс». Лоис Ваврика, девочка, которая тоже жила в Доме в Монклере. А теперь кто остался? Супруги Келли со второго этажа у миссис Осборн. И Ричард.

— Когда меня в прошлом месяце уволили с работы, — сказала Терез, — мне было стыдно, и я переехала… — Она замолкла.

— Куда переехала?

— Я никому не сказала куда, кроме Ричарда. Просто исчезла. Видимо, так я себе представляла начало новой жизни, но, главным образом, мне было стыдно. Я не хотела, чтобы кто-либо знал, где я.

Кэрол улыбнулась.

— Исчезла! Мне это нравится. Какая же ты счастливая, что можешь себе такое позволить. Ты свободна. Ты это понимаешь?

Терез ничего не сказала.

— Нет, — ответила сама себе Кэрол.

Рядом с Кэрол на туалетном столике едва слышно тикали серые квадратные часы, и Терез — как она уже тысячу раз делала это в магазине — прочла время на циферблате и приложила к нему значение. Было четыре пятнадцать и ещё чуть-чуть, и она вдруг затревожилась, не слишком ли долго тут лежит, не ждёт ли Кэрол кого-нибудь в гости.

И тут в холле раздался телефонный звонок, внезапный и длинный, как визг истеричной женщины, и они обе от неожиданности вздрогнули, посмотрев друг на друга.

Кэрол встала и дважды чем-то шлёпнула о ладонь, как тогда перчатками в магазине. Телефон снова пронзительно заверещал, и Терез была уверена, что Кэрол сейчас швырнёт то, что держит в руках, запустит им через всю комнату в стену. Но Кэрол лишь повернулась, тихо положила предмет и вышла из комнаты.

Из холла до Терез донёсся голос Кэрол. Терез не хотела знать, что Кэрол говорит. Она встала, надела юбку и туфли. Теперь она увидела, что Кэрол держала в руке — деревянный, песочного цвета обувной рожок. «Любой другой на месте Кэрол швырнул бы его», — подумала Терез. И тут она

поняла, каким одним словом можно обозначить то, что она чувствовала в Кэрол: гордость. Голос Кэрол звучал с повторяющимися интонациями, и теперь, открыв дверь, чтобы выйти, Терез расслышала слова: «У меня гостья» — в третий раз подряд спокойно выставленные как барьер.

— По-моему, это превосходная причина. Что лучше?.. А чем плохо завтра? Если ты…

И дальше всё смолкло, до первого шага Кэрол по лестнице, и тогда Терез поняла, что человек, с которым говорила Кэрол, бросил трубку. «Кто посмел?» — подумала она.

— Может быть, мне лучше уйти? — спросила Терез.

Кэрол посмотрела на неё так же, как тогда, когда они только вошли в дом.

— Нет, разве что ты сама хочешь. Нет. Мы потом поедем на машине, если захочешь.

Терез знала, что у Кэрол нет желания снова садиться за руль. Она начала застилать постель.

— Оставь постель. — Кэрол наблюдала за ней из холла. — Просто закрой дверь, и всё.

— Кто сюда едет?

Кэрол развернулась и пошла в зелёную комнату.

— Мой муж, — сказала она. — Харджесс.

И тут снизу раздались два звонка в дверь и в то же мгновение щёлкнул замок.

— Сегодня отбоя не будет, — пробормотала Кэрол. — Спускайся, Терез.

Терез вдруг стало не по себе от страха — не самого мужчины, а недовольства, которое вызвал у Кэрол его приход.

Он поднимался по ступенькам. Увидев Терез, он замедлил шаг, едва уловимое удивление пробежало по его лицу, и затем он посмотрел на Кэрол.

— Хардж, это мисс Беливет, — сказала Кэрол. — Мистер Эрд.

— Здравствуйте, — сказала Терез.

Хардж лишь мельком взглянул на неё, но его нервные голубые глаза успели изучить её с головы до пят. Он был плотного сложения, с красноватым лицом. Одна бровь была выше другой и вздымалась настороженным клином посередине, будто изломанная шрамом.

— Здравствуйте!

И тут же — к Кэрол:

— Извини, что беспокою. Я только хотел забрать пару-тройку вещей.

Он прошёл мимо неё и открыл дверь в комнату, которой Терез ещё не видела.

— Для Ринди, — добавил он.

— Фотографии со стены? — спросила Кэрол.

Он молчал.

Кэрол и Терез сошли вниз. В гостиной Кэрол села, но Терез — нет.

— Поиграй ещё, если хочешь, — сказала Кэрол.

Терез помотала головой.

— Поиграй, — твёрдо сказала Кэрол.

Терез испугалась её взгляда — глаза Кэрол внезапно побелели от гнева.

— Не могу, — с ослиным упрямством ответила она.

И Кэрол отступила. Кэрол даже улыбнулась.

Они слышали, как Хардж быстрыми шагами прошёл через холл и остановился, затем стал медленно спускаться по лестнице. Терез увидела его облачённую в тёмное фигуру и следом — розовато-русую голову.

— Не могу найти этот акварельный набор. Я думал, он в моей комнате, — жалобно произнёс Хардж.

— Я знаю, где он. — Кэрол встала и направилась к лестнице.

— Я полагаю, ты хочешь, чтобы я что-то взял для неё к Рождеству, — сказал Хардж.

— Спасибо, я сама ей всё отдам. — Кэрол пошла

наверх.

Они только развелись, подумала Терез, или разводятся.

Хардж посмотрел на неё. У него было напряжённое выражение лица, в котором причудливо смешались встревоженность и скука. Твёрдая мясистая складка закруглялась в линию рта, отчего лицо казалось безгубым.

— Вы из Нью-Йорка? — спросил он.

Терез уловила в вопросе презрение и бесцеремонность, словно пощёчина её обожгла.

— Да, из Нью-Йорка, — ответила она.

Он готов был задать следующий вопрос, когда по ступенькам спустилась Кэрол. Терез зажала себя в стальные тиски, чтобы продержаться эти несколько минут наедине с ним. Теперь же, расслабившись, она вздрогнула и поняла, что он это заметил.

— Спасибо, — сказал Хардж, забирая у Кэрол коробку. Он прошёл к своему пальто, которое валялось распахнутое на двухместном диванчике, с чёрными рукавами, раскинутыми, будто в драке за владение домом.

— До свидания, — сказал ей Хардж. Он надел пальто на пути к двери. — Подруга Абби? — пробормотал он, обращаясь к Кэрол.

— Моя подруга, — ответила Кэрол.

— Ты собираешься отвезти подарки Ринди? Когда?

— А что, если я ей ничего не подарю, Хардж?

— Кэрол… — Он остановился на крыльце, и Терез едва разобрала произносимые им слова — что-то о создании неприятной ситуации. И вслед за этим: — Я сейчас встречаюсь с Синтией. Можно мне заехать на обратном пути? Это будет раньше восьми.

— Хардж, с какой целью? — устало произнесла Кэрол. — Особенно когда ты так неприветливо настроен.

— Потому что это касается Ринди.

После этого расслышать, что он говорит, было уже невозможно.

Мгновение спустя Кэрол вернулась одна и закрыла за собой дверь. Она прислонилась к двери с руками за спиной, и они услышали звук отъезжающего автомобиля. Кэрол, должно быть, согласилась принять его вечером, подумала Терез.

— Я пойду, — сказала она. Кэрол ничего не ответила. Теперь в тишине между ними была мертвенность, и Терез стало ещё более не по себе. — Мне лучше уйти, да?

— Да. Прости. Прости за Харджа. Он не всегда так невежлив. Это была ошибка — вообще сказать ему, что у меня кто-то в гостях.

— Это неважно.

На лбу у Кэрол собрались морщины, и она с трудом проговорила:

— Ты не будешь возражать, если я посажу тебя сегодня на поезд вместо того, чтобы везти домой?

— Нет. — Ей была невыносима мысль о том, что Кэрол повезёт её домой, а потом будет возвращаться одна, в темноте.

В машине они тоже молчали. Терез открыла дверцу, как только машина остановилась на станции.

— Поезд будет минуты через четыре, — сказала Кэрол.

— Я вас ещё увижу? — вдруг выпалила Терез.

Кэрол лишь улыбнулась, немного укоризненно, когда оконное стекло между ними поползло вверх.

— Aurevoir, — сказала она.

Конечно, конечно же, она её ещё увидит, подумала Терез. Идиотский вопрос.

Машина быстро сдала назад и унеслась в темноту.

Терез жаждала магазина, жаждала понедельника, потому что Кэрол могла снова прийти туда в понедельник. Хоть это было и маловероятно. Вторник был кануном Рождества. Она безусловно может ко вторнику позвонить Кэрол, хотя бы для того, чтобы пожелать счастливого Рождества.

Но не было ни секунды, когда бы она мысленно не видела Кэрол, и всё, что попадалось ей на глаза, она, казалось, видела сквозь Кэрол. В тот вечер тёмные прямые улицы Нью-Йорка, завтрашний день на работе, упавшая и разбитая молочная бутылка в раковине — всё стало неважным. Она бросилась на кровать и карандашом провела линию на листе бумаги. И ещё одну, аккуратно, и ещё. Мир рождался вокруг неё, словно залитый солнцем лес с миллионом переливающихся листьев.

7

Мужчина посмотрел на вещицу, небрежно зажав её большим и указательным пальцами. Он был лыс, если не считать длинных чёрных прядей, растущих оттуда, где когда-то пролегала линия лба, прядей, потно прилипших к обнажённому черепу. Нижняя губа его была оттопырена в знак крайней неприязни и отрицания, которые

застыли на его лице, как только Терез подошла к прилавку и произнесла первые слова.

— Нет, — в конце концов проговорил он.

— Неужели вы не можете мне дать за неё хоть что-нибудь? — спросила Терез.

Губа выпятилась ещё больше.

— Может быть, пятьдесят центов.

И он швырнул вещицу обратно на прилавок. Пальцы Терез украдкой и ревниво её обхватили.

— Ладно, а это? — Из кармана пальто она вытащила серебряную цепочку с медальоном святого Христофора.

Большой и указательный пальцы вновь согнулись в картинном презрениии и стали вертеть кругляшок медальона, как какую-то гадость.

— Два пятьдесят.

Но она стоит минимум двадцать долларов, хотела было сказать Терез, однако не стала, потому что так говорит каждый.

— Спасибо. — Она подобрала цепочку и вышла.

Кто все эти счастливчики, хотела бы она знать, которые умудряются продать свои старые складные ножи, сломанные наручные часы и рубанки, гроздьями висящие в наружной витрине? Не удержавшись, она обернулась и посмотрела

сквозь окно внутрь. Там она снова увидела лицо мужчины под развешанными в ряд охотничьими ножами. Он тоже смотрел на неё и улыбался. Терез казалось, он понимает каждое её движение. Она заторопилась вниз по тротуару.

Через десять минут она вернулась и заложила серебряный медальон за два доллара и пятьдесят центов.

Торопливым шагом она пошла по улице на запад, перебежала Лексингтон-авеню, потом — Парк-авеню и свернула вниз на Мэдисон. Она крепко сжимала в кармане маленькую шкатулочку, пока острые края не стали врезаться в пальцы. Сестра Беатрис подарила ей эту шкатулочку. Она была инкрустирована перламутровой мозаикой в шахматную клетку по бурому дереву. Терез не знала, сколько может стоить шкатулка в денежном выражении, но предполагала, что она довольно дорогая. Что ж, теперь ей было известно, что это не так. Она вошла в магазин кожаных изделий.

— Я бы хотела посмотреть чёрную, ту, что в витрине, с ремешком и золотыми пряжками, — обратилась Терез к продавщице.

Это была сумка, которую она приметила утром в прошлую субботу, когда шла на обед с Кэрол.

С первого же взгляда было ясно, что сумка — в стиле Кэрол. Терез тогда подумала, что даже если Кэрол не придёт на встречу, если они никогда больше не увидятся, она всё равно должна купить эту сумку и послать ей.

— Я её возьму, — сказала Терез.

— Семьдесят один восемнадцать, включая налог, — сказала продавщица. — Завернуть вам её в подарочную упаковку?

— Да, пожалуйста. — Терез отсчитала и выложила на прилавок шесть новеньких хрустящих десятидолларовых купюр, остальное — долларовыми банкнотами. — Могу я оставить её здесь примерно до половины седьмого вечера?

Терез вышла из магазина с квитанцией в бумажнике. Не стоило рисковать и нести сумку с собой в магазин. Её могли украсть, даже и в канун Рождества. Терез улыбнулась. Это был её последний рабочий день в магазине. А ещё через четыре дня она начнёт работать в «Чёрном коте». Фил собирался принести ей экземпляр пьесы на следующий после Рождества день.

Она прошла мимо «Брентано». Оконная витрина его была полна атласных лент, книг в кожаных переплётах и изображений рыцарей в доспехах. Терез развернулась и зашла в магазин, не для

того, чтобы что-то купить, а просто посмотреть, только на минуточку, проверить, нет ли там чего-нибудь ещё более прекрасного, чем сумка.

В глаза ей бросилась иллюстрация на настольной витрине одного из прилавков. Это был юный рыцарь на белом коне, едущий по пышному, как букет, цветистому лесу, а за ним — строй пажей, и замыкающий несёт золотое кольцо на подушечке. Она взяла переплетённую кожей книгу в руки. Цена, обозначенная на внутренней стороне обложки, была двадцать пять долларов. Если она просто пойдёт сейчас в банк и снимет со счёта ещё двадцать пять долларов, она сможет её купить. Что такое двадцать пять долларов? Не было нужды закладывать серебряный медальон. Она знала, что сделала это лишь потому, что медальон был от Ричарда и она его больше не хотела. Она закрыла книгу и посмотрела на обрез страниц — как вогнутый слиток золота. Но понравится ли она в действительности Кэрол — книга любовной лирики средних веков? Терез не знала. Она не могла припомнить ничего, что дало бы ей хоть малейшую подсказку относительно литературных вкусов Кэрол. Она поскорее вернула книгу на место и вышла.

Наверху, в отделе игрушек, мисс Сантини расха-

живала за прилавком, предлагая всем карамель из большой коробки.

— Возьмите две, — обратилась она к Терез. — Это карамельный отдел их сюда прислал.

— Не откажусь. — «Вообразить только, — думала она, надкусывая нугу, — рождественское настроение настигло карамельный отдел». Сегодня в магазине царила странная атмосфера. Прежде всего, было непривычно тихо. Посетителей было множество, но казалось, что они никуда не торопятся, несмотря на канун Рождества. Терез беглым взглядом окинула лифты, в надежде увидеть Кэрол. Если Кэрол не придёт — а она, вероятно, не придёт — Терез решила, что позвонит ей в полседьмого, просто пожелать счастливого Рождества. Терез знала её номер — он был написан на телефонном аппарате в доме Кэрол.

— Мисс Беливет! — раздался голос миссис Хендриксон, и Терез тут же вытянулась по стойке «смирно». Но миссис Хендриксон лишь подала знак рукой посыльному «Вестерн Юнион», и тот положил перед Терез телеграмму.

Терез подписалась небрежным росчерком и вскрыла телеграмму. В ней говорилось:

ЖДУ ТЕБЯ ВНИЗУ В 5 ВЕЧЕРА. КЭРОЛ.

Терез смяла телеграмму в руке. Она с силой

вжала её большим пальцем в ладонь и стала смотреть, как мальчик-посыльный, который на самом деле был вовсе не мальчик, а пожилой человек, возвращается к лифтам. Он ступал тяжело, сутулясь, отчего колени оказывались далеко впереди всего тела; краги сидели свободно и болтались на ногах.

— У вас счастливый вид, — проходя мимо, мрачно произнесла миссис Забриски.

Терез улыбнулась.

— Да, я счастлива.

У миссис Забриски, по её рассказам, был двухмесячный ребёнок, а муж сейчас сидел без работы. Терез стало любопытно, влюблены ли друг в друга миссис Забриски и её муж и по-настоящему ли счастливы. Возможно, да, но ничто в невыразительном лице миссис Забриски и её волочащейся походке на это не указывало. Возможно, когда-то миссис Забриски была так же счастлива, как Терез. Возможно, это ушло. Она вспомнила, как где-то прочла — и даже Ричард однажды это сказал, — что любовь обычно умирает после двух лет супружества. Это была жестокость, злая шутка. Она попыталась представить лицо Кэрол, запах её духов, переставшие что-либо для неё значить. Но может ли она вообще сказать, что влюблена в

Кэрол? Она пришла к вопросу, на который у неё не было ответа.

Без четверти пять Терез отправилась к миссис Хендриксон и попросила разрешения уйти на полчаса раньше. Возможно, миссис Хендриксон и подумала, что это каким-то образом связано с телеграммой, но она отпустила Терез даже без недовольного взгляда, и это тоже прибавило дню странности.

Кэрол ждала её в фойе, там, где они встречались раньше.

— Здравствуй! — сказала Терез. — Всё, покончено.

— С чем покончено?

— С работой. Здесь.

Но у Кэрол был подавленный вид, и это мгновенно обескуражило Терез. Тем не менее она сказала:

— Я ужасно рада была получить телеграмму.

— Я не знала, будешь ли ты свободна. Ты сегодня свободна?

— Конечно.

И они пошли дальше, медленно, в людской толчее. Кэрол была в своих изящных замшевых туфлях на каблуке, отчего казалась на пару дюймов выше Терез. Примерно за час до того пошёл

снег, но сейчас уже почти перестал. Он лежал под ногами плёнкой, как тонкая белая шерсть, расстеленная через всю улицу — по проезжей части и тротуару.

— Я думала, нам вечером удастся встретиться с Абби, но она занята, — сказала Кэрол. — В любом случае мы можем куда-нибудь проехаться, если хочешь. Я рада тебя видеть. Ты ангел, что оказалась сегодня свободна. Ты об этом знаешь?

— Нет, — ответила Терез, по-прежнему счастливая, несмотря ни на что, хоть настроение Кэрол её и беспокоило. Терез чувствовала, что что-то стряслось.

— Как думаешь, здесь где-нибудь можно выпить чашку кофе?

— Да. Чуть дальше на восток.

Терез имела в виду бутербродную между Пятой и Мэдисон, но Кэрол остановила выбор на маленьком баре с козырьком над входом. Официант поначалу не горел желанием их обслуживать и сказал, что сейчас время коктейлей, но когда Кэрол собралась уходить, он удалился и вернулся с кофе. Терез тревожилась из-за сумки, которую нужно было забрать из магазина. Она не хотела этого делать в присутствии Кэрол, хоть сумка и была упакована.

— Что-то случилось? — спросила Терез.

— Долго объяснять. — Кэрол улыбнулась, но улыбка была усталой, и за ней последовала тишина, пустая тишина, словно они двигались в космосе, вдали друг от друга.

Наверное, Кэрол пришлось отменить что-то запланированное, что-то, чего она ждала с нетерпением, подумала Терез. Понятно ведь, что у неё не могло не быть планов на канун Рождества.

— Я тебя сейчас ни от чего не отрываю? — спросила Кэрол.

Терез беспомощно почувствовала, как внутри растёт напряжение.

— Я должна забрать пакет с Мэдисон-авеню. Это недалеко. Я могу это сделать сейчас, если ты меня подождёшь.

— Хорошо.

Терез встала.

— Я смогу обернуться за три минуты на такси. Но ты, наверное, не станешь меня ждать, да?

Кэрол улыбнулась и потянулась к её руке. Безразлично сжала её руку и отпустила.

— Нет, я подожду.

Скучающий голос Кэрол звучал у неё в ушах, пока она нетерпеливо сидела на краешке сиденья в такси. На обратном пути движение было таким

медленным, что она выскочила из автомобиля и пробежала последний квартал бегом.

Кэрол была на месте, кофе выпит всего наполовину.

— Я не хочу кофе, — сказала Терез, потому что ей показалось, что Кэрол была бы рада оттуда уйти.

— Моя машина — в даунтауне. Поедем туда на такси.

Они проехали в деловой квартал, недалеко от Бэттери. Машину им подогнали из подземного гаража. Кэрол повела на запад, к Вестсайдскому шоссе.

— Так-то лучше. — Кэрол скинула с себя пальто, не выпуская из рук руля. — Брось его, пожалуйста, назад.

И они снова замолчали. Кэрол прибавила скорость, она меняла полосы, чтобы обгонять другие автомобили, как будто у них был точный пункт назначения. Терез решительно настроилась сказать что-нибудь, что угодно, к моменту, когда они доберутся до моста Джорджа Вашингтона. Внезапно ей в голову пришла мысль, что если Кэрол и её муж разводятся, то она сегодня в даунтауне встречалась с адвокатом. В том районе полно адвокатских контор. И что-то пошло не так. Поче-

му они разводятся? Потому что у Харджа роман с женщиной по имени Синтия? Терез замёрзла. Оконное стекло рядом с Кэрол было опущено, и всякий раз, когда машина разгонялась, ветер врывался внутрь и охватывал Терез своими холодными руками.

— Вот здесь живёт Абби, — сказала Кэрол, кивнув за реку.

Терез не увидела даже никаких особенных огней.

— Кто такая Абби?

— Абби? Моя лучшая подруга. — Тут Кэрол посмотрела на неё. — Тебе не холодно с открытым окном?

— Нет.

— Должно быть холодно.

Они остановились на красный свет, и Кэрол подняла стекло. Кэрол посмотрела на неё так, будто впервые за этот вечер по-настоящему увидела, и под её взглядом, скользнувшим с лица к сложенным на коленях рукам, Терез почувствовала себя щенком, которого Кэрол купила в придорожном питомнике и только сейчас вспомнила, что он едет рядом.

— Что случилось, Кэрол? Ты разводишься?

Кэрол вздохнула.

— Развожусь, — сказала она совсем спокойно, и машина тронулась с места.

— А ребёнок у него?

— Только сегодня.

Терез готова уже была задать следующий вопрос, как Кэрол сказала:

— Давай поговорим о чём-нибудь другом.

Их обогнала машина, в которой по радио звучала рождественская музыка, и все пели.

А они с Кэрол молчали. Они проехали Йонкерс, и Терез казалось, что всякий шанс дальнейшего разговора с Кэрол она оставила где-то позади на дороге. Неожиданно Кэрол настояла на том, что Терез нужно что-нибудь съесть, так как время уже шло к восьми, поэтому они остановились у маленького придорожного ресторанчика, где продавались бутерброды с жареными моллюсками. Они сели за стойку и заказали бутерброды и кофе, но Кэрол есть не стала. Кэрол задавала вопросы о Ричарде, не озабоченно, как в воскресенье, а как будто ради того, чтобы не дать Терез дальше расспрашивать о ней самой. Вопросы были личные, при этом Терез отвечала на них механически и безлично. Тихий голос Кэрол всё звучал и звучал, гораздо тише, чем голос буфетчика, разговаривавшего с кем-то в трёх метрах

от них.

— Ты с ним спишь?

— Спала. Пару-тройку раз. — Терез рассказала ей об этих разах, первом и трёх последующих. Она говорила без смущения. Никогда ещё не казалось ей это настолько заурядным и неважным. Она чувствовала, что Кэрол может себе представить те ночи поминутно. Она ощущала на себе беспристрастный, оценивающий взгляд Кэрол и знала: сейчас Кэрол скажет, что она вовсе не производит впечатления холодной или, может быть, лишённой эмоций. Но Кэрол молчала, и Терез от неловкости уставилась на список песен на стоявшем перед ней маленьком музыкальном автомате. Она вспомнила, как кто-то ей однажды сказал, что у неё страстный рот, не могла вспомнить кто.

— Иногда это требует времени, — сказала Кэрол. — Ты не сторонница вторых шансов?

— Но… зачем? Приятного в этом ничего нет. И я в него не влюблена.

— А ты не думаешь, что могла бы влюбиться, если бы тебе удалось разрешить эту проблему?

— Это таким вот образом влюбляются?

Кэрол подняла взгляд на висевшую за стойкой на стене оленью голову.

— Нет, — сказала она с улыбкой. — Что тебе нравится в Ричарде?

— Ну, в нём есть… — Но она не была уверена, искренность ли это на самом деле. Она чувствовала, что он неискренен в своём стремлении стать художником. — Мне нравится его отношение… больше, чем большинства мужчин. Он и правда обращается со мной, как с человеком, а не просто девушкой, с которой можно себе что-то позволить или не позволить. И мне нравится его семья… тот факт, что у него есть семья.

— Семьи много у кого есть.

Терез предприняла ещё одну попытку:

— Он умеет быть гибким. Он меняется. Он не такой, как большинство мужчин, к которым можно прилепить ярлык — доктор или… или страховой агент.

— Мне кажется, ты знаешь его лучше, чем я знала Харджа после долгих месяцев семейной жизни. Во всяком случае, ты не повторишь моей ошибки, выйдя замуж только потому, что так принято в твоём кругу среди двадцатилетних.

— Ты хочешь сказать, что не была влюблена?

— Нет, была, очень даже. И Хардж тоже. И он был из тех мужчин, что за неделю могут упаковать твою жизнь и положить себе в карман. А ты

когда-нибудь была влюблена, Терез?

Она помедлила, пока слово — ниоткуда, фальшивое, виноватое — не разомкнуло ей губы:

— Нет.

— Но хотела бы. — Кэрол улыбалась.

— А Хардж и сейчас ещё в тебя влюблён?

Кэрол нетерпеливо опустила взгляд на колени, и возможно, подумала Терез, она шокирована её прямолинейностью, но когда Кэрол заговорила, голос её звучал так же, как и прежде:

— Даже мне это неизвестно. В некотором роде, относительно чувств он тот же, что был всегда. Просто сейчас я вижу его по-настоящему. Он говорил, что я первая на свете женщина, в которую он влюблён. Я полагаю, так оно и есть, но думаю, что влюблён он в меня был — в обычном смысле слова — не дольше нескольких месяцев. Он больше никем не интересовался, это правда. Может быть, как раз более по-человечески было бы, если бы интересовался. Это я могла бы понять и простить.

— А к Ринди он хорошо относится?

— Надышаться не может. — Кэрол взглянула на неё с улыбкой. — Если он в кого и влюблён, так это в Ринди.

— А что это за имя?

— Неринда. Имя дал ей Хардж. Он хотел сына, но мне кажется, ему даже приятнее, что у него дочь. Я хотела девочку. Я хотела двоих или троих детей.

— А… Хардж не захотел?

— Я не захотела. — Она снова посмотрела на Терез. — Это подходящая тема для разговора в сочельник?

Кэрол потянулась за сигаретой, Терез предложила ей «Филип Моррис», и она взяла.

— Мне хочется всё о тебе знать, — сказала Терез.

— Я не хотела больше детей, потому что чувствовала, что наш брак в любом случае движется к краху, даже при наличии Ринди. Так ты хочешь влюбиться? Наверное, скоро влюбишься, и если это случится, наслаждайся, потом будет труднее.

— Любить кого-то?

— Влюбиться. Или даже иметь желание заниматься любовью. Я думаю, сексуальное влечение циркулирует в нас более вяло, чем нам всем хочется верить, особенно мужчинам. Первые приключения — это всего лишь, как правило, удовлетворение любопытства, а после человек всё повторяет и повторяет одни и те же действия в попытках найти… кого?

— Кого? — спросила Терез.

— А есть ли для этого слово? Друга, компаньона или, может быть, просто того, с кем можно делиться. Что толку в словах? То есть, по-моему, люди часто пытаются обрести через секс то, что гораздо проще обрести другими путями.

То, что Кэрол сказала о любопытстве, — правда, Терез это знала.

— Какими другими? — спросила она.

Кэрол смерила её взглядом.

— Я думаю, каждый должен это выяснить сам. Интересно, можно ли здесь выпить чего-нибудь крепкого.

Но в ресторане подавали только пиво и вино, поэтому они ушли. На обратном пути в Нью-Йорк Кэрол так нигде и не остановилась выпить. Она спросила Терез, куда той хочется — домой или на некоторое время заехать к ней. Терез ответила — к Кэрол. Она вспомнила, что Келли звали её сегодня вечером к себе на вечеринку с вином и фруктовым кексом и она обещала заскочить, но сейчас подумала, что они обойдутся и без неё.

— Достаётся же тебе со мной, — вдруг сказала Кэрол. — Воскресенье, теперь это… Плохой из меня сегодня компаньон. Чем бы ты хотела заняться? Хочешь, поедем в Ньюарк, в ресторан — у

них там сейчас огни и рождественская музыка. Это не ночной клуб. Мы там сможем и поужинать прилично.

— Ради меня точно никуда не надо ехать.

— Ты весь день провела в этом дрянном магазине, и мы совсем ничего не сделали, чтобы отпраздновать твоё освобождение.

— Мне просто нравится быть здесь с тобой. — И, уловив разъясняющую нотку в своём голосе, Терез улыбнулась.

Кэрол покачала головой, не глядя на неё.

— Дитя, дитя, где ты бродишь — совсем одна?[6]

Потом, минуту спустя, на Нью-Джерсийском шоссе, Кэрол сказала:

— Я знаю! — И свернула с дороги на крытый гравием участок, и остановилась. — Пойдём со мной.

Они оказались перед освещённой площадкой, на которой горой высились сложенные друг на друга рождественские ёлки. Кэрол велела ей выбрать одну, не слишком большую и не слишком маленькую. Они уложили ёлку на заднее сиденье автомобиля, и Терез села впереди рядом с Кэрол, держа в руках громадную охапку еловых лапок

---

[6] notes: 6

Перефразированная цитата из песни в стиле госпел «Дитя, дитя» (Child, Child): «Дитя, дитя, почему ты бредёшь в темноте…»

и веток падуба. Терез прижалась к ним лицом и вдохнула тёмно-зелёную остроту их аромата, чистую пряность, в которой был дикий лес и вся изобретательная атрибутика Рождества — ёлочные игрушки, подарки, снег, рождественская музыка, каникулы. С магазином было покончено, и она была рядом с Кэрол. Было ровное урчание двигателя и иголки на еловых ветках, которых она могла касаться пальцами. «Я счастлива, я счастлива», — думала Терез.

— Давай ставить ёлку, — сказала Кэрол, как только они вошли в дом.

Она включила в гостиной радио и сделала им обеим по коктейлю. Радио передавало рождественские песни, гулко били колокола — как в огромной церкви. Кэрол принесла белое ватное покрытие, чтобы уложить как снег вокруг ёлки, а Терез посыпала его сахаром для блеска. Потом она вырезала продолговатого ангела из какой-то золотистой ленты и прицепила его к верхушке ёлки, и сложила гармошкой тонкую бумагу, и вырезала цепочку ангелов, чтобы бусами развесить по ветвям.

— У тебя очень здорово получается, — сказала Кэрол, осматривая ёлку со стороны, от камина. — Бесподобно. Есть всё, кроме подарков.

Подарок для Кэрол лежал на диване рядом с пальто Терез. Однако открытка, которую она к нему сделала, осталась дома, а без неё Терез не хотела вручать подарок. Она посмотрела на ёлку.

— Что ещё нам нужно?

— Ничего. Ты знаешь, который час?

Передачи по радио закончились. Терез увидела каминные часы. Был второй час ночи.

— Уже Рождество, — сказала она.

— Тебе лучше остаться переночевать.

— Хорошо.

— Что ты завтра делаешь?

— Ничего.

Кэрол взяла стоявший на радио бокал с коктейлем.

— Ты не должна встречаться с Ричардом?

Да, она должна была встретиться с Ричардом, в двенадцать дня. Они договорились, что она проведёт день у него дома. Но она могла придумать какую-нибудь отговорку.

— Нет. Я сказала, что, возможно, с ним увижусь. Это неважно.

— Я могу отвезти тебя пораньше.

— А ты завтра занята?

Кэрол допила последний глоток.

— Да, — сказала она.

Терез начала устранять беспорядок, который наделала, — обрезки бумаги, лоскутки ленты. Она терпеть не могла убирать после того, как что-то мастерила.

— Твой друг Ричард, судя по всему, из тех мужчин, которым рядом нужна женщина, чтобы её добиваться. Независимо от того, женится он на ней или нет, — проговорила Кэрол. — Он ведь такой, да?

К чему сейчас говорить о Ричарде, раздражённо подумала Терез. Она чувствовала, что Кэрол симпатизирует Ричарду — в чём виновата могла быть только она сама, — и она ощутила отдалённый укол ревности, острый, как булавка.

— На самом деле у меня это вызывает большее уважение, чем когда мужчина живёт один или воображает, что он один, и в конце концов совершает глупейшие промахи в отношении женщин.

Терез уставила взгляд на пачку сигарет Кэрол на кофейном столике. Ей было абсолютно нечего сказать по теме. Она различала запах духов Кэрол, словно тонкую нить в более сильном благоухании хвои, и ей хотелось пойти за этой нитью и обвить Кэрол руками.

— Это никак не связано с тем, женится ли человек, верно?

— Что? — Терез посмотрела на неё и увидела, что она едва заметно улыбается.

— Хардж — из тех мужчин, что не впускают женщину в свою жизнь. И в то же время твой друг Ричард может так никогда и не жениться. Но удовольствие, которое он испытает от одной только мысли о том, что хочет жениться…

Кэрол оглядела Терез с головы до ног.

— На неправильных девушках, — добавила она. — Ты танцуешь, Терез? Любишь танцевать?

Внезапно Кэрол показалась ей холодной и желчной, и Терез чуть не расплакалась.

— Нет, — ответила она. Не надо было ей вообще ничего говорить о Ричарде, подумала Терез, но теперь уж дело было сделано.

— Ты устала. Пойдём спать.

Кэрол привела её в комнату, куда в воскресенье заходил Хардж, и откинула покрывало на одной из двух односпальных кроватей. Возможно, это комната Харджа, подумала Терез. В ней определённо ничего не указывало на то, что это детская. Она подумала о вещах Ринди, которые Хардж забрал отсюда, и представила, как он сначала переселился сюда из их общей с Кэрол спальни, потом позволил Ринди принести свои пожитки, держал их здесь, отсекая себя и Ринди от Кэрол.

Кэрол положила в изножье кровати пижаму.

— Ну спокойной ночи, — сказала она в дверях. — С Рождеством! Что ты хочешь на Рождество?

Терез вдруг улыбнулась.

— Ничего.

В ту ночь ей снились птицы, длинные, ярко-красные птицы, похожие на фламинго; они проносились, мелькая в чаще чёрного леса, рисуя в воздухе волнообразные траектории, красные дуги, которые изгибались вместе с их криками. Потом её глаза открылись, и она услышала это наяву — тихий свист, изгибающийся, устремляющийся вверх и опять ниспадающий, с дополнительной нотой в конце, а за ним — настоящий и более тонкий птичий щебет. Окно было наполнено ярким серым светом. Свист возобновился прямо под ним, и Терез встала с постели. На подъездной аллее расположился длинный автомобиль с открытым верхом, в нём стояла женщина и свистела. Это было как сон, на который она смотрела из окна, сцена без красок, затуманенная по краям.

И тут она услышала шёпот Кэрол, настолько отчётливый, будто они все трое находились в одной комнате:

— Ты собираешься в постель или только что встала?

Женщина в машине — нога на сиденье — так же тихо ответила:

— И то и другое.

И Терез услышала, как её голос дрогнул на этих словах в подавленном смехе, и женщина тут же ей понравилась.

— Прокатимся? — спросила женщина. Она смотрела вверх, на окно Кэрол, с широкой улыбкой, которую Терез только сейчас разглядела.

— Вот бестолочь, — прошептала Кэрол.

— Ты одна?

— Нет.

— Ой-ой.

— Всё в порядке. Хочешь зайти?

Женщина выбралась из машины.

Терез прошла к двери своей комнаты и открыла её. Кэрол как раз выходила в холл, завязывая пояс на халате.

— Извини, что разбудила. Возвращайся в постель.

— Ничего. Можно мне спуститься?

— Ну конечно! — Кэрол вдруг улыбнулась. — Возьми халат в стенном шкафу.

Терез взяла халат, наверное, халат Харджа,

подумала она, и спустилась вниз.

— Кто нарядил ёлку? — спросила женщина.

Они были в гостиной.

— Она. — Кэрол повернулась к Терез. — Это Абби. Абби Герхард, Терез Беливет.

— Здравствуйте, — сказала Абби.

— Очень приятно. — Терез так и надеялась, что это Абби. Сейчас Абби смотрела на неё с тем же выражением ясных, несколько вытаращенных в позабавленном удивлении глаз, которое Терез заметила, когда Абби стояла внутри автомобиля.

— Искусная работа, — сказала ей Абби.

— Может быть, все уже перестанут шептать? — спросила Кэрол.

Потирая руки, Абби прошла за ней в кухню.

— Кофе есть, Кэрол?

Терез стояла у кухонного стола, наблюдала за ними, чувствуя себя легко, потому что Абби больше не обращала на неё внимания — она только сняла пальто и стала помогать Кэрол с кофе. Её талия и бёдра под сиреневым трикотажным костюмом были идеальной цилиндрической формы, что спереди, что сзади, откуда ни посмотри. Руки были несколько неуклюжие, отметила Терез, а ступни напрочь лишены той грациозности, какой обладали ступни Кэрол. Она выглядела

старше Кэрол, и её лоб пересекали две морщины, которые глубоко врезались, когда она смеялась, вскидывая сильные, изогнутые дугой брови. Вот и сейчас они с Кэрол всё смеялись, готовя кофе, выжимая апельсиновый сок и перебрасываясь короткими фразами ни о чём, ну или ни о чём таком важном, к чему стоило бы прислушаться.

Кроме неожиданного:

— Так что, — которое произнесла Абби, вылавливая косточку из последнего стакана с апельсиновым соком и беспечно вытирая палец о собственную одежду, — как там старина Хардж?

— Всё так же, — ответила Кэрол.

Кэрол что-то искала в холодильнике, и, наблюдая за ней, Терез расслышала не всё, что сказала Абби после, а может быть, это была очередная обрывочная фраза, понятная только Кэрол, но в ответ Кэрол выпрямилась и расхохоталась, неожиданно и громко, и всё её лицо преобразилось, и Терез подумала с неожиданной завистью, что она бы не смогла вот так рассмешить Кэрол, а Абби может.

— Я это ему скажу, — проговорила Кэрол. — Не удержусь.

Это было что-то о бойскаутском карманном приспособлении для Харджа.

— И скажи, кто тебя надоумил, — откликнулась Абби, глядя на Терез с широкой улыбкой, как будто Терез тоже должна была поучаствовать в шутке.

— Откуда вы? — спросила её Абби, когда они уселись за стол в боковой нише кухни.

— Она из Нью-Йорка, — ответила за неё Кэрол, и Терез подумала, что Абби сейчас скажет: «Надо же, как необычно» или что-нибудь ещё дурашливое, но Абби совсем ничего не сказала, только посмотрела на Терез с той же предвкушающей улыбкой, словно ждала от неё следующей реплики.

Столько суеты было вокруг завтрака, а кончилось всё лишь апельсиновым соком, кофе и каким-то гренком без масла, которого никто не пожелал. Абби закурила, прежде чем к чему-либо прикоснуться.

— Вам уже можно курить? — спросила она Терез, протягивая красную пачку с надписью Craven A's.

Кэрол опустила ложку.

— Абби, что это? — спросила она со смущением, которого Терез прежде у неё никогда не видела.

— Спасибо, с удовольствием, — сказала Терез, беря сигарету.

Абби поставила локти на стол.

— Ну, и что — что? — обратилась она к Кэрол.

— Я подозреваю, что ты слегка навеселе.

— После нескольких часов за рулём на открытом воздухе? Я выехала из Нью-Рошели в два, приехала домой, обнаружила твоё сообщение, и вот я здесь.

У неё, вероятно, уйма времени, подумала Терез, она, наверное, ничего не делает целыми днями кроме того, что ей хочется.

— Ну? — спросила Абби.

— Ну… первый раунд я не выиграла, — ответила Кэрол.

Абби затянулась сигаретой, не выказав никакого удивления.

— На сколько?

— На три месяца.

— Начиная с какого момента?

— Начиная с этого момента. Точнее, со вчерашнего вечера. — Кэрол глянула на Терез, затем опустила взгляд на чашку с кофе, и Терез поняла, что при ней она больше ничего не скажет.

— Но ведь это ещё не окончательно, да?

— Боюсь, окончательно, — небрежно, будто плечами пожала, ответила Кэрол. — Только устно, но оно будет иметь силу. Что ты делаешь

сегодня вечером? Поздним вечером.

— Ранним ничего не делаю. Ужин сегодня в два.

— Позвони мне.

— Само собой.

Кэрол не поднимала глаз от стакана с апельсиновым соком в своей руке, и сейчас Терез увидела, что углы её губ печально опущены, и это была печаль не мудрости, а поражения.

— Я бы уехала, — сказала Абби. — Съезди куда-нибудь ненадолго.

И Абби посмотрела на Терез — очередной смышлёный, не к месту, дружелюбный взгляд, будто для того, чтобы вовлечь её во что-то, во что она никак не могла быть вовлечена, и вообще её охватило оцепенение при мысли о том, что Кэрол может куда-то от неё уехать.

— Я не особенно в настроении, — ответила Кэрол, но в её тоне Терез услышала, что она допускает такую возможность.

Абби слегка поёжилась и огляделась вокруг.

— Тут мрачно, как в угольной шахте по утрам, нет?

Терез чуть улыбнулась. Угольная шахта с солнцем, начинающим желтить подоконник, и вечнозелёным деревом по другую его сторону?

Кэрол смотрела на Абби ласково, прикуривая сигарету из её пачки. Как же хорошо они должны знать друг друга, подумала Терез, — настолько хорошо, что что бы каждая из них ни сказала или ни сделала, это никогда не вызовет у другой удивления или недопонимания.

— Хорошая была вечеринка? — спросила Кэрол.

— М-м… — безразлично ответила Абби. — Ты знаешь человека по имени Боб Хавершэм?

— Нет.

— Он там сегодня был. Я познакомилась с ним где-то раньше в Нью-Йорке. Забавно — он сказал, что собирается работать в «Раттнер и Эрд» в брокерском отделе.

— Надо же.

— Я не призналась, что знакома с одним из боссов.

— Который час? — спросила Кэрол секунду спустя.

Абби посмотрела на свои часы — маленькие, угнездившиеся в пирамидке из золотых панелей.

— Семь тридцать. Примерно. Тебе это важно?

— Хочешь ещё поспать, Терез?

— Нет. Не хочу.

— Я тебя отвезу, когда тебе будет пора, — сказала Кэрол.

Но повезла её в конечном итоге Абби, часов в десять, потому что ей больше нечем было заняться, сказала она, и ей это будет в радость.

Абби — ещё одна любительница холодного воздуха, подумала Терез, когда они набрали скорость на шоссе. Ну кто ездит в машине с откинутым верхом в декабре?

— Где вы с Кэрол познакомились? — прокричала Абби.

Терез почувствовала, что может сказать ей правду, не совсем, но почти правду.

— В магазине! — крикнула она в ответ.

— Вон как! — Абби вела беспорядочно, юркая громоздкой машиной на виражах, разгоняясь в самые неожиданные моменты. — Она тебе нравится?

— Разумеется! — Что за вопрос? Всё равно что спросить, верит ли она в бога.

Терез указала Абби на свой дом, когда они свернули в её квартал.

— Тебе не трудно будет кое-что для меня сделать? — спросила Терез. — Можешь подождать минутку? Я хочу тебе что-то дать для Кэрол.

— Само собой, — сказала Абби.

Терез побежала наверх, взяла сделанную ранее открытку и засунула её под ленту, которой был перевязан подарок Кэрол. Она отнесла всё это вниз к Абби.

— Ты ведь с ней увидишься сегодня вечером, да?

Абби кивнула, медленно, и Терез ощутила едва уловимый вызов в пытливых чёрных глазах, потому что она увидится с Кэрол, а Терез — нет, и что Терез может с этим поделать?

— И спасибо, что подвезла.

Абби улыбнулась.

— Точно не хочешь, чтобы я отвезла тебя куда-нибудь ещё?

— Нет, спасибо, — ответила Терез, тоже улыбаясь, потому что Абби явно была бы рада махнуть с ней хоть бы и в Бруклин Хайтс.

Она поднялась на крыльцо и открыла почтовый ящик. В нём были два-три письма, рождественские открытки, одна — от «Франкенберга». Когда она снова посмотрела на улицу, большого кремового автомобиля и след простыл, словно он был всего лишь плодом её воображения, как птица из сна.

8

— А теперь ты загадывай желание, — сказал Ричард.

Терез загадала. Она загадала Кэрол.

Ричард положил ладони ей на руки. Они стояли под штуковиной, свисавшей с потолка в прихожей, что-то вроде вышитого бисером полумесяца или луча морской звезды. Штуковина эта была уродлива, но семья Семко приписывала ей чуть ли не волшебную силу и вывешивала по особым случаям. Дедушка Ричарда привёз её из России.

— Что ты загадала? — он собственнически улыбался, глядя на неё с высоты своего роста. Это был его дом, и он только что поцеловал её, хотя дверь в гостиную была открыта и там было полно людей.

— Нельзя говорить, — ответила Терез.

— В России можно.

— Так я не в России.

Радио неожиданно взревело громче прежнего, голосами, поющими рождественский гимн. Терез допила розовый яичный коктейль из своего бокала.

— Я хочу пойти в твою комнату, — сказала она.

Ричард взял её за руку, и они начали подни-

маться по лестнице.

— Ри…чард? — Тётушка с мундштуком звала его, стоя в дверях гостиной.

Ричард произнёс слово, которого Терез не поняла, и махнул ей рукой. Даже второй этаж дома сотрясался от безумных танцев внизу, танцев, идущих совершенно вразнобой с музыкой. Терез услышала звон очередного разбитого бокала и представила, как розовый пенистый коктейль растекается по полу. И это ещё была спокойная вечеринка по сравнению с настоящим русским Рождеством, которое они когда-то праздновали в первую неделю января, сказал Ричард. Он улыбнулся, закрывая дверь в свою комнату.

— Мне нравится мой свитер, — сказал он.

— Я рада. — Терез подобрала широкую юбку, перекинув её дугой, и присела на краешек кровати. Толстый норвежский свитер, который она подарила Ричарду, лежал у неё за спиной, поверх подарочной магазинной коробки. Ричард подарил ей юбку из ост-индской лавки — длинную вышитую юбку в зелёную и золотистую поперечную полоску. Юбка была прелестна, но Терез не представляла, куда её можно было бы надеть.

— Как насчёт выпить чего-нибудь настоящего? От того, чем угощают внизу, тошнит. — Ричард

достал стоявшую на полу в стенном шкафу бутылку виски.

Терез покачала головой.

— Нет, спасибо.

— Тебе это пойдёт на пользу.

Она снова покачала головой и оглядела пространство вокруг — почти квадратную, с высоким потолком, комнату, обои с едва различимым узором в виде розовых роз, два безмятежных, занавешенных чуть пожелтевшим белым муслином окна. От двери по зелёному ковру пролегла пара бледных протоптанных дорожек: одна — к бюро, другая — к письменному столу в углу. Банка кистей да портфолио на полу у стола — это всё, что указывало на занятия Ричарда живописью. Так же как и сама живопись занимала лишь уголок его сознания, такое у неё было чувство, и ей стало интересно, как долго он ещё так протянет, прежде чем бросить это и взяться за что-нибудь другое. И она подумала о том, о чём и раньше часто думала: не потому ли только она нравится ему, что более всех других его нынешних знакомых поддерживает его в его устремлениях, и не потому ли, что он считает её критику полезной? Терез встала, не в состоянии усидеть на месте, и отошла к окну. Ей очень нравилась эта комната

— тем, что она всегда оставалась той же и на том же месте — но при этом сегодня у неё было импульсивное желание вырваться оттуда. Она была теперь другим человеком — не той Терез, что стояла здесь три недели назад. Сегодня утром она проснулась в доме Кэрол. Кэрол была как тайна, пронизавшая её, пронизавшая и этот дом тоже — как свет, невидимый никому, кроме неё.

— Ты сегодня другая, — сказал Ричард настолько неожиданно, что острое ощущение опасности пронеслось по её телу.

— Может быть, это из-за платья, — сказала она.

На ней было синее платье из тафты, бог знает какое старое. Она не надевала его с самых первых своих месяцев в Нью-Йорке. Снова сев на кровать, Терез посмотрела на Ричарда. Он стоял посредине комнаты с маленькой рюмкой неразбавленного виски в руке, взгляд ясных голубых глаз перемещался от её лица к ногам в новых чёрных туфлях на высоком каблуке и снова к лицу.

— Терри… — Ричард взял её ладони в свои, с силой прижал их к кровати с обеих сторон. Гладкие тонкие губы внезапно и крепко захватили её рот; она почувствовала толчок языка между губ и аромат свежего виски. — Терри, ты ангел, — услышала она низкий голос Ричарда и вспомнила, как

то же самое сказала Кэрол.

Она смотрела, как он поднимает с пола свою рюмку и ставит её вместе с бутылкой в стенной шкаф. Она вдруг ощутила колоссальное превосходство над ним, над всеми людьми, которые были там, внизу. Она была счастливее любого из них. Счастье — это немного как полёт, подумала она, как будто ты воздушный змей. Зависит от того, насколько размотаешь нить…

— Недурён? — спросил Ричард.

Терез выпрямилась, сидя на кровати.

— Красавец!

— Закончил прошлой ночью. Я подумал, если будет погожий день, пойдём в парк и запустим его. — Ричард расплылся в улыбке, как мальчишка, гордый творением своих рук. — Глянь на обратную сторону.

Это был русский змей, прямоугольный и выгнутый, как щит, тонкий каркас с насечками по углам и привязанной к нему уздечкой. На лицевой стороне Ричард нарисовал собор с закручивающимися спиралью куполами и красным небом позади.

— Пойдём запустим его сейчас, — предложила Терез.

Они снесли змея вниз. И тут все их увидели и

вышли в прихожую — дядюшки, тётушки, кузены с кузинами, — пока прихожая не превратилась в галдящий базар, и Ричарду не пришлось поднять змея высоко над головой, чтобы защитить его. Терез раздражал шум, но Ричарду всё это страшно нравилось.

— Ричард, останьтесь, выпейте шампанского! — прокричала одна из тётушек, с таким толстым, плотно обтянутым тканью животом, будто это был второй бюст под атласным платьем.

— Не можем, — ответил Ричард, потом добавил что-то по-русски, и у Терез возникло чувство, которое часто возникало, когда она видела Ричарда с родными, — что это какая-то ошибка, что Ричард, возможно, сам-то сирота, подкидыш, оставленный на пороге дома и воспитанный в этой семье как сын. Но в дверях стоял брат Ричарда, Стивен, — те же голубые глаза, хотя Стивен был ещё выше и худее.

— С какой крыши? — взвизгнула мать Ричарда. — С этой крыши?

Кто-то перед этим поинтересовался, не с крыши ли они собираются запускать змея, и, поскольку на крыше этого дома стоять было невозможно, мать Ричарда разразилась безудержным хохотом. Вслед за этим залаял пёс.

— Я тебе пошью это платье! — обратилась мать Ричарда к Терез, упреждающе погрозив пальцем. — У меня есть твои мерки!

Мерки с неё сняли сантиметром прямо посреди гостиной, под всё это пение и открывание подарков, ещё и несколько мужчин пытались помогать. Миссис Семко обхватила Терез рукой за талию, и Терез вдруг обняла её и крепко поцеловала, утопив губы в мягкой напудренной щеке. В одну эту секунду, в этом поцелуе и судорожном объятии излилась привязанность, которую она на самом деле испытывала к миссис Семко и которая — Терез знала — скроется, будто её и не было, в миг, когда она опустит руки.

После этого они с Ричардом оказались одни и на свободе, шагая по дорожке прочь от дома. Всё было бы точно так же, подумала Терез, если бы они были женаты и пришли навестить родных на Рождество. Ричард продолжал бы запускать змеев, даже уже будучи стариком, как это делал его дед, который, по рассказам Ричарда, запускал их в Проспект-парке до последнего года своей жизни.

Поездом метро они доехали до парка и поднялись на безлесый холм, где бывали уже раз десять до этого. Терез огляделась. Внизу, на глад-

ком поле, где заканчивались деревья, какие-то мальчики играли с продолговатым футбольным мячом, в остальном же парк был тих и недвижен. Было не очень ветрено, недостаточно вообще-то, сказал Ричард, и небо было густо-белое, будто напитанное снегом.

Ричард застонал — у него снова не получилось. Он пытался запустить змея на бегу.

Терез, сидя на земле и обхватив руками колени, наблюдала, как он задирает голову и вертится во все стороны, будто что-то потерял в воздухе.

— Вот он! — она встала на ноги, показывая пальцем.

— Да, но неустойчивый.

И всё равно Ричард побежал туда со змеем, и змей осел на длинной нити, потом вскинулся вверх, словно что-то его поддёрнуло. Он изогнулся большой дугой и затем начал набирать высоту в другом направлении.

— Он нашёл свой собственный ветер! — воскликнула Терез.

— Да, но слабенький.

— Вот же брюзга! Можно мне подержать?

— Погоди, пусть поднимется повыше.

Ричард стал нагнетать в него воздух, широко размахивая руками, но змей застыл на одном

месте в холодном неповоротливом пространстве. Золотые купола собора раскачивались из стороны в сторону, так, словно весь змей тряс головой в знак несогласия, и длинный дряблый хвост, как дурак, вслед за ним повторял это «нет».

— Это всё, что мы можем, — сказал Ричард. — Более длинную нить он не потянет.

Терез не сводила со змея глаз. И тут он пришёл в равновесие и замер, будто изображение собора наклеили на плотное белое небо. «Вряд ли бы Кэрол понравились воздушные змеи, — подумала Терез. — Она бы не сочла их занимательными. Глянула бы мельком и сказала, что это бессмыслица».

— Возьмёшь?

Ричард сунул ей в руки катушку, и Терез встала на ноги. Он мастерил змея вчера вечером, подумала она, когда она была с Кэрол, и поэтому не позвонил ей и не знал, что её нет дома. Если бы он звонил, он бы об этом сказал. Первая ложь была на подходе.

Внезапно змей сорвался со швартовых в небе и резко потянул вверх в попытке удрать. Терез позволила катушке быстро вертеться у себя в руках — так долго, насколько она могла осмелиться под взглядом Ричарда, — потому что змей всё ещё

был невысоко. И сейчас он снова застыл в одной точке, упрямо неподвижный.

— Дёргай! — сказал Ричард. — Подстёгивай его всё время.

И она стала дёргать. Как будто играла с длинной резинкой. Но нить теперь настолько размоталась и провисла, что это был единственный способ расшевелить змея. Она дёргала, и дёргала, и дёргала… Потом подошёл Ричард, забрал у неё катушку, и Терез бессильно опустила руки. Она запыхалась, слабые мышцы дрожали. Она села на землю. Ей не удалось победить змея. Он не стал делать то, чего она от него добивалась.

— Может быть, нить слишком тяжёлая, — сказала она. Это была новая нить — мягкая, и белая, и толстая, как червяк.

— Нить очень лёгкая. Сейчас посмотри. Вот сейчас он пошёл!

Теперь змей взбирался вверх короткими, вертикальными рывками, словно вдруг понял, чего хочет, и обнаружил в себе волю к побегу.

— Размотай ещё! — крикнула Терез.

Она поднялась с земли. Под змеем пролетела птица. Терез во все глаза смотрела на прямоугольник, который всё уменьшался и уменьшался — отпрянул раз, другой, и ещё, как надутый парус

идущего задом наперёд корабля. Она чувствовала, что этот воздушный змей таит в себе какой-то смысл, вот этот конкретный змей, в эту минуту.

— Ричард?

— Что?

Она видела его краем глаза — он пригнулся с выставленными вперёд руками, как на доске для сёрфинга.

— Сколько раз ты был влюблён? — спросила она.

Ричард рассмеялся — коротким, хриплым смехом.

— До тебя ни разу.

— Нет, был. Ты мне рассказывал о двух случаях.

— Если считать их, с тем же успехом можно насчитать и ещё двенадцать, — ответил Ричард быстро и с прямолинейностью человека, чьи мысли заняты другим.

Змей начал снижаться дугообразными скачками.

Не меняя тона, Терез спросила:

— А в парня ты когда-нибудь был влюблён?

— В парня? — удивлённо переспросил Ричард.

— Да.

Прошло секунд пять, прежде чем он ответил:

— Нет, — абсолютно уверенным и окончательным тоном.

«По крайней мере, он взял на себя труд ответить», — подумала Терез. «А что бы ты делал, если бы влюбился?» — чуть не спросила она, но этот вопрос едва ли был целесообразен. Она не сводила глаз со змея. Они оба смотрели на одного и того же воздушного змея, но с какими же разными мыслями в голове!

— А ты когда-нибудь о таком слышал? — спросила она.

— Слышал ли я о таком? Ты имеешь в виду о таких людях? Конечно.

Ричард теперь стоял прямо и сматывал нить, вертя катушку восьмёркой.

Терез произнесла, аккуратно выбирая слова, потому что он слушал:

— Я не имею в виду «о таких людях». Я имею в виду о двух людях, которые влюбились друг в друга внезапно, ни с того ни с сего. Скажем, двое мужчин или две девушки.

Выражение лица у Ричарда было такое, как если бы они говорили о политике.

— Был ли я когда-либо знаком с кем-нибудь из них? Нет.

Терез помедлила, пока он снова не занялся

змеем, пытаясь запустить его повыше. И тогда заметила:

— Но я думаю, это может случиться почти с кем угодно, разве нет?

Он продолжал разматывать трос.

— Ну нет, такое не случается просто так. Для этого всегда есть какие-то предпосылки в прошлом.

— Да, — покладисто сказала Терез. Она задумалась о предпосылках в своём прошлом. Самое близкое к «влюблённости», что она могла припомнить, было её чувство к мальчику, которого она видела несколько раз в городе Монклере, когда ездила на школьном автобусе. У него были кудрявые чёрные волосы и красивое, серьёзное лицо, и ему было, возможно, лет двенадцать, он был старше её. Она вспомнила короткий период, когда думала о нём каждый день. Но это было совсем, совсем не то, что она испытывала к Кэрол. Любовь это или нет — то, что она чувствует к Кэрол? До чего же абсурдно, что она даже этого не знает. Она слышала о девушках, которые влюбляются друг в друга, и знала, что это за люди и как они выглядят. Ни она, ни Кэрол на них не были похожи. И вместе с тем то, что она испытывала к Кэрол, обладало всеми признаками любви и подходило под все описания.

— А я, думаешь, могла бы? — просто спросила Терез, не успев взвесить, насколько рискован вопрос.

— Что?! — Ричард улыбнулся. — Влюбиться в девушку? Конечно, нет. О боже, ты ведь не влюбилась, а?

— Нет, — ответила Терез неестественным, неубедительным тоном, но Ричард, похоже, тона не заметил.

— Опять пошёл. Смотри, Терри!

Вихляя, змей тянулся прямо вверх, всё быстрее и быстрее, и катушка кружилась в руках у Ричарда. Как бы то ни было, подумала Терез, сейчас она счастливее, чем была когда-либо раньше. Так к чему же беспокоиться, пытаясь всему дать определение?

— Эй! — Ричард рванул за катушкой, которая скакала, как безумная, по земле, словно тоже хотела её покинуть.

— Хочешь подержать? — спросил он, поймав катушку. — Практически отрывает от земли!

Терез взяла катушку в руки. Нити осталось совсем немного, и змей теперь едва был виден. Поддавшись ему и полностью вытянув руки вверх, она почувствовала, как змей слегка её приподнял — дивное чувство парения, — как будто и

в самом деле он мог бы унести её в небо, если бы собрал все силы.

— Трави! — закричал Ричард, размахивая руками. Рот его был раскрыт, а на щеках проступили два красных пятна. — Трави!

— Нитки больше нет!

— Я её обрежу!

Терез не поверила своим ушам, но оглянувшись, она увидела, как он достаёт из-под полы пальто нож.

— Нет, — сказала она.

Ричард со смехом подбежал к ней.

— Нет! — негодующе воскликнула она. — Ты с ума сошёл?

Руки устали, но она ещё сильнее вцепилась в катушку.

— Давай обрежем! Так интереснее! — И Ричард врезался в Терез со всего маху, потому что смотрел вверх.

Терез отдёрнула катушку в сторону, так, чтобы он не дотянулся. От гнева и изумления она не могла говорить. В какой-то момент она испугалась, подумав, что Ричард, возможно, и в самом деле потерял рассудок, и тут её качнуло назад — натяжение пропало, в её руках была пустая катушка.

— Ты сумасшедший! — закричала она на

него. — Ты ненормальный!

— Это всего лишь воздушный змей! — смеялся Ричард, вытягивая шею и вглядываясь вверх, в пустоту.

Терез тщетно искала глазами, пытаясь увидеть хотя бы болтающуюся нить.

— Зачем ты это сделал? — В её голосе звенели слёзы. — Это был такой прекрасный змей!

— Это всего лишь воздушный змей, — повторил Ричард. — Я могу сделать ещё одного.

9

Терез начала одеваться, потом передумала. Она до сих пор была в халате и читала принесённый Филом текст «Дождика» — листы теперь валялись разбросанные по всему дивану. Кэрол сказала, что она на Сорок восьмой и Мэдисон. Она может быть здесь уже через десять минут. Терез оглядела комнату, потом — своё лицо в зеркале, и решила оставить всё как есть.

Она отнесла в раковину несколько пепельниц и вымыла их. Аккуратно стопкой сложила текст пьесы на рабочем столе. Ей было интересно, придёт ли Кэрол с новой сумкой. Накануне вечером Кэрол позвонила откуда-то из Нью-Джерси, где она была с Абби, и сказала, что сумка прекрас-

на, но подарок этот чересчур шикарен. Терез улыбнулась, вспоминая, как Кэрол предлагала его вернуть. По крайней мере, сумка ей понравилась.

Раздались три коротких звонка в дверь.

Терез заглянула вглубь лестничного пролёта и увидела, что Кэрол что-то несёт в руках. Она сбежала вниз.

— Он пустой. Для тебя, — улыбнулась Кэрол.

Это был обёрнутый упаковочной бумагой чемодан. Кэрол высвободила пальцы из-под ручки чемодана и дала Терез его нести. В комнате Терез водрузила чемодан на диван и аккуратно разрезала коричневую бумагу. Чемодан был толстой светло-коричневой кожи, совершенно гладкий и однотонный.

— Он ужасно красивый! — воскликнула Терез.

— Нравится? Я даже не знаю, нужен ли тебе чемодан.

— Конечно, нравится. — Это был совершенно её чемодан, именно этот и никакой другой. На нём красовались маленькие золотые буквы её инициалов: Т.М.Б. Она вспомнила, как Кэрол в канун Рождества спросила её второе имя.

— Разберись с замком и посмотри, нравится ли он тебе изнутри.

Терез так и сделала.

— Запах мне тоже нравится, — сказала она.

— Ты занята? Если занята, я уйду.

— Нет. Садись. Я ничего не делаю, просто читаю пьесу.

— Какую пьесу?

— Для которой я должна делать декорации. — Она вдруг поняла, что никогда в разговорах с Кэрол не упоминала сценографию.

— Декорации?

— Да… Я театральный художник. — Она забрала у Кэрол пальто.

На лице Кэрол появилась изумлённая улыбка.

— Какого чёрта ты мне не сказала раньше? — тихо спросила она. — Скольких ещё кроликов ты собираешься вытащить из шляпы?

— Это моя первая настоящая работа. И это не бродвейский спектакль. Его ставят в Виллидже. Комедия. У меня пока ещё нет членства в профсоюзе. Для этого мне придётся дождаться работы на Бродвее.

Кэрол расспросила её о профсоюзе, о членстве низшей и высшей категорий, которые соответственно стоили полторы и две тысячи долларов. Кэрол спросила, достаточно ли у неё накоплено денег.

— Нет, всего несколько сотен. Но если я получу работу, мне дадут рассрочку.

Кэрол сидела на стуле — том самом, на котором часто сидел Ричард, — и наблюдала за ней. По выражению её лица Терез поняла, что вдруг возвысилась в её глазах. Она в толк не могла взять, почему раньше не сказала Кэрол, что она сценограф и что у неё в действительности уже есть работа.

— Что ж, — проговорила Кэрол, — если это поможет тебе получить работу на Бродвее, ты согласишься взять у меня взаймы остаток суммы? Просто в качестве коммерческой ссуды.

— Спасибо. Я…

— Мне хочется это для тебя сделать. В твоём возрасте тебя не должна беспокоить выплата двух тысяч долларов.

— Спасибо. Но я ещё пару лет не буду к этому готова.

Кэрол подняла голову и тонкой струйкой выпустила изо рта дым.

— Ой, ну они же не отслеживают стажировки?

Терез улыбнулась.

— Нет. Конечно, нет. Хочешь выпить? У меня есть бутылка ржаного виски.

— Как славно. С большим удовольствием,

Терез. — Кэрол встала со стула и принялась разглядывать полки в кухоньке, пока Терез возилась с виски. — Ты хорошо готовишь?

— Да. У меня лучше получается, когда есть для кого. Я делаю вкусные омлеты. Ты их любишь?

— Нет, — решительно ответила Кэрол, и Терез рассмеялась. — Может, покажешь мне что-нибудь из своих работ?

Терез достала из стенного шкафа портфолио. Кэрол села на диван и стала внимательно всё рассматривать, но из её комментариев и вопросов Терез заключила, что она считает эскизы слишком экстравагантными, чтобы их можно было использовать, и к тому же, возможно, не особенно хорошо выполненными. Кэрол сказала, что ей больше всего нравится декорация к «Петрушке» на стене.

— Но ведь это то же самое, — сказала Терез. — То же, что рисунки, только в форме макета.

— Ну, возможно, дело в твоих рисунках. Так или иначе, они очень жизнерадостные. Мне это в них нравится. — Кэрол взяла в руки стоявший на полу бокал с виски и откинулась на спинку дивана. — Ты видишь, я не ошиблась, а?

— В чём?

— В тебе.

Терез не знала, что именно она имеет в виду. Кэрол улыбалась ей сквозь сигаретный дым, и это приводило её в замешательство.

— А ты думала, что ошиблась?

— Нет, — ответила Кэрол. — Сколько приходится платить за такую квартиру?

— Пятьдесят в месяц.

Кэрол прищёлкнула языком.

— Мало что остаётся от зарплаты, да?

Терез склонилась над папкой с эскизами, завязывая тесёмки.

— Да. Но скоро я начну зарабатывать больше. Да и здесь я тоже навсегда жить не останусь.

— Конечно, не останешься. А ещё ты будешь путешествовать, так же, как делаешь это в своём воображении. Увидишь дом в Италии и влюбишься в него. А может быть, тебе понравится Франция. Или Калифорния, или Аризона.

Терез улыбнулась. У неё, вероятно, не будет на всё это денег, когда настанет час.

— Люди всегда влюбляются в то, чего не могут иметь?

— Всегда, — ответила Кэрол, тоже с улыбкой. Она провела пальцами по волосам. — Кажется, я всё-таки отправлюсь в поездку.

— Надолго?

— На месяц или вроде того.

Терез положила портфолио в стенной шкаф.

— Как скоро ты едешь?

— Прямо сразу. Видимо, как только всё улажу. А улаживать там мало что есть.

Терез обернулась. Кэрол водила сигаретой по пепельнице. Для неё ничего не значит, подумала Терез, что они месяц не увидятся.

— Почему бы тебе не поехать куда-нибудь с Абби?

Кэрол подняла глаза на Терез, потом — на потолок.

— Во-первых, не думаю, что она свободна.

Терез пристально на неё посмотрела. Она что-то затронула, сказав об Абби. Но сейчас лицо Кэрол было непроницаемо.

— Это очень мило с твоей стороны, что ты позволяешь мне так часто с тобой встречаться, — сказала Кэрол. — Знаешь, у меня нет сейчас желания общаться с теми, с кем я обычно общаюсь. Да это, в принципе, и невозможно. Всё рассчитано на пары.

Какая же она хрупкая, вдруг подумала Терез, как не похожа на себя в день их первого обеда. И тут, словно услышав её мысли, Кэрол встала и прошла так близко, что их руки соприкоснулись,

и в её высоко поднятой голове, в её улыбке Терез ощутила браваду.

— А почему бы нам чем-нибудь сегодня вечером не заняться? — предложила Терез. — Ты можешь побыть здесь, пока я дочитаю пьесу, если хочешь. Мы можем провести вечер вместе.

Кэрол не ответила. Она разглядывала цветочный лоток на книжной этажерке.

— Что это за растения?

— Не знаю.

— Не знаешь?

Они все были разные: кактус с мясистыми листьями, ни чуточки не подросший с тех пор, как она его купила год назад; ещё одно растение — что-то вроде миниатюрной пальмы; и обвисшее красно-зелёное нечто, которое приходилось подпирать палочкой.

— Просто растения.

Кэрол обернулась к ней с улыбкой.

— Просто растения, — повторила она.

— Так как насчёт вечера?

— Хорошо. Но я не останусь здесь ждать. Сейчас только три. Я позвоню тебе часов в шесть. — Кэрол бросила зажигалку в сумку. Это была не та сумка, которую подарила ей Терез. — Мне сейчас хочется посмотреть мебель.

— Мебель? В магазинах?

— В магазинах или в «Парк-Бернет». Мебель хорошо на меня действует.

Кэрол потянулась за лежащим на кресле пальто, и Терез снова отметила длинную линию, тянущуюся от плеча к широкому кожаному ремню и дальше — вниз, по ноге. Это было прекрасно, как музыкальный аккорд или целый балет. Она была прекрасна, так почему же, размышляла Терез, ей должны доставаться сейчас такие пустые дни, в то время как она создана для того, чтобы жить с людьми, которые её любят, ходить по прекрасному дому, по прекрасным городам, вдоль синих взморий, с широким горизонтом и голубым небом на заднем плане.

— Пока! — сказала Кэрол и продолжением движения, каким надевала пальто, обняла Терез за талию. Это было лишь мгновение, слишком смятенное — с рукой Кэрол, вдруг её обвившей, — чтобы стать облегчением, или концом, или началом, когда дверной звонок грянул им в уши так, будто лопнула медная стена[7]. Кэрол улыбнулась.

— Кто это? — спросила она.

---

[7] notes: 7

Аллюзия на известный библейский образ из книги Иеремии (Иеремия, 15:20): «И сделаю тебя для этого народа крепкою медною стеною…»

Терез почувствовала, как ноготь большого пальца Кэрол царапнул ей запястье, когда та высвобождала её из объятий.

— Ричард, наверное.

Это мог быть только Ричард — она узнала его длинный звонок.

— Хорошо. Я бы хотела с ним познакомиться.

Терез нажала кнопку, затем услышала, как Ричард уверенными шагами перескакивает по ступенькам. Она открыла дверь.

— Здравствуй, — сказал Ричард. — Я решил…

— Ричард, это миссис Эрд, — сказала Терез. — Ричард Семко.

— Очень приятно, — произнесла Кэрол.

Ричард кивнул, почти с поклоном.

— Очень приятно, — проговорил он, широко раскрыв свои голубые глаза.

Они разглядывали друг друга, Ричард — с квадратной коробкой в руках, словно вот-вот готовый вручить её Кэрол, и Кэрол — стоя на пороге, не уходя и не возвращаясь в квартиру. Ричард поставил коробку на столик у дивана.

— Я был так близко, что подумал — дай-ка зайду, — сказал Ричард, и за разъясняющим тоном Терез уловила неосознанное заявление своего права, так же как в любопытно-изучающем взгля-

де Ричарда — спонтанное недоверие к Кэрол. — Я должен был отнести подарок маминой подруге. Это лебкухен[8]. — Он кивнул на коробку и обезоруживающе улыбнулся. — Кто-нибудь сейчас хочет?

Кэрол и Терез отказались. Кэрол наблюдала за Ричардом, пока он вскрывал коробку карманным ножом. Ей понравилась его улыбка, подумала Терез. Ей по душе этот долговязый юноша с непослушной светлой шевелюрой, широкими худощавыми плечами и крупными смешными ступнями в мокасинах.

— Сядь, пожалуйста, — сказала Терез.

— Нет, я пойду, — ответила Кэрол.

— Терри, я отдам тебе половину и тоже пойду, — сказал он.

Терез посмотрела на Кэрол, и та, увидев, как она нервничает, улыбнулась и села в угол дивана.

— В любом случае из-за меня не торопитесь уходить, — сказал Ричард, перемещая завёрнутые в бумагу пряники на кухонную полку.

— Не буду. Вы ведь художник, да, Ричард?

— Да. — Он закинул в рот щепоть осыпавшейся глазури и посмотрел на Кэрол — спокойно-уве-

---

[8] notes: 8
Lebkuchen *(нем.)* — рождественские пряники.

ренный, потому что неспокойно-неуверенным быть не умел, подумала Терез, — открытым взглядом, потому что скрывать ему было нечего. — Вы тоже художник?

— Нет, — ответила Кэрол и снова улыбнулась. — Я никто.

— Это самое трудное — быть никем.

— В самом деле? А вы хороший художник?

— Буду хорошим. Я могу, — невозмутимо произнёс Ричард. — Терри, у тебя есть пиво? Мне ужасно хочется пить.

Терез пошла к холодильнику и вытащила стоявшие в нём две бутылки. Ричард спросил Кэрол, не хочет ли она пива, но Кэрол отказалась. Тогда он прошёлся вдоль дивана, разглядывая чемодан и обрывки упаковочной бумаги, и Терез показалось, что сейчас он скажет что-нибудь по этому поводу, но он промолчал.

— Я подумал, может, пойдём вечером в кино, Терри? Мне бы хотелось посмотреть эту картину в «Виктории». Хочешь?

— Сегодня не могу. Я договорилась о встрече с миссис Эрд.

— А-а. — Ричард взглянул на Кэрол.

Кэрол погасила сигарету и встала.

— Мне пора. — Она улыбнулась Терез. — Позво-

ню тебе часов в шесть. Если передумаешь, ничего страшного. До свидания, Ричард.

— До свидания, — ответил Ричард.

Кэрол ей подмигнула, спускаясь по лестнице.

— Будь умницей, — сказала она.

— Откуда чемодан? — спросил Ричард, когда Терез вернулась в комнату.

— Это подарок.

— Что с тобой, Терри?

— Ничего со мной.

— Я помешал чему-то важному? Кто она?

Терез взяла в руки пустой бокал, из которого пила Кэрол. На краю его был небольшой след от помады.

— Это женщина, с которой я познакомилась в магазине.

— И она подарила тебе этот чемодан?

— Да.

— Ничего себе подарочек. Она настолько богата?

Терез бросила на него взгляд. Неприязнь Ричарда к людям с достатком, к буржуа, была чем-то непроизвольным и неизменным.

— Богата? Ты имеешь в виду норковую шубу? Не знаю. Я оказала ей услугу. Я нашла то, что она потеряла в магазине.

— Правда? А что? Ты ничего об этом не рассказывала.

Она вымыла и насухо вытерла бокал Кэрол и поставила его обратно на полку.

— Она забыла на прилавке бумажник, я вернула его ей, только и всего.

— Ух. Неплохое вознаграждение, чёрт подери. — Он нахмурился. — Терри, что такое? Ты же не злишься до сих пор из-за этого дурацкого змея, а?

— Нет, разумеется, нет, — ответила она нетерпеливо. Ей хотелось, чтобы он ушёл. Она сунула руки в карманы халата, прошла по комнате, остановилась там, где стояла Кэрол, когда разглядывала лоток с растениями.

— Фил утром принёс пьесу. Я начала её читать.

— Ты из-за этого переживаешь?

— С чего ты взял, что я переживаю? — Она обернулась.

— У тебя снова это настроение — как будто ты где-то далеко-далеко.

— Я не переживаю и я не далеко-далеко. — Она набрала в лёгкие воздуха. — Забавно — ты так чувствителен к одним настроениям и так нечувствителен к другим.

Ричард посмотрел на неё.

— Ладно, Терри, — сказал он, пожав плечами, словно признавая своё поражение. Он сел на стул и перелил остатки пива из бутылки в бокал. — Что за встреча у тебя вечером с этой женщиной?

Губы Терез растянулись в улыбке, когда она проводила по ним помадой. Секунду она в раздумье смотрела на щипцы для бровей, которые лежали на маленькой полочке, приделанной к двери стенного шкафа изнутри. Потом положила на полочку помаду.

— Кажется, коктейльная вечеринка какая-то. Что-то рождественское благотворительное. В каком-то ресторане, она сказала.

— Хм… Ты хочешь туда пойти?

— Я сказала ей, что пойду.

Ричард допил пиво, слегка нахмурившись над бокалом.

— А после? Может быть, мне остаться здесь, почитать пьесу, пока тебя не будет, а потом мы где-нибудь перекусим и пойдём в кино?

— После я планировала дочитать пьесу. Я начинаю в субботу, и мне бы хорошо появиться там с какими-нибудь идеями в голове.

Ричард встал.

— Ага, — сказал он как ни в чём не бывало и вздохнул.

Терез смотрела, как он праздно побрёл к дивану и там встал, глядя на рукопись. Потом нагнулся, изучая заглавный лист, страницы со списком действующих лиц и исполнителей. Он посмотрел на свои часы, потом на Терез.

— А что, если я сейчас её почитаю? — спросил он.

— Валяй, — ответила она с резкостью, которую Ричард то ли не заметил, то ли проигнорировал, потому что он попросту откинулся на спинку дивана с рукописью в руках и начал читать. Терез взяла с полки книжку спичек. Нет, он распознаёт это «далеко-далеко», подумала она, только когда чувствует себя лишённым её из-за расстояния. И она вдруг вспомнила о тех разах, когда была с ним в постели, о своей отстранённости вместо близости, которую должна была испытывать, о которой все говорили. Тогда это для Ричарда не имело значения, надо полагать, в силу того физического факта, что они находились вместе в постели. И её осенило, сейчас, когда она увидела, как он целиком погрузился в чтение, как его толстые, негнущиеся пальцы ухватили прядь волос со лба и потянули её вниз, к носу — Терез уже тысячу раз видела, как он это делает, — и ей пришло в голову, что Ричард считает своё

место в её жизни незыблемым, её связь с ним — перманентной и неоспоримой, потому что он первый мужчина, с которым она переспала. Терез запустила книжкой спичек в полку, и там опрокинулся какой-то флакон.

Ричард выпрямился на диване, удивлённый, с лёгкой улыбкой.

— Ты чего, Терри?

— Ричард, мне хочется побыть одной… до вечера. Ты не возражаешь?

Он встал с дивана. Удивление так и застыло на его лице.

— Нет. Конечно, нет.

Он бросил рукопись обратно на диван.

— Ладно, Терри. Так, наверное, лучше. Возможно, тебе лучше прочесть это сейчас — прочесть в одиночестве, — сказал он тоном, каким приводят аргументы, словно убеждая самого себя. Он снова посмотрел на часы. — Может быть, я зайду ненадолго к Сэму с Джоан.

Она стояла не двигаясь и даже не думая ни о чём, кроме одного: как продержаться те несколько секунд до момента, когда его здесь не станет. Тем временем он провёл по её волосам влажной и оттого слегка липкой рукой и наклонился поцеловать. И вдруг, совершенно неожиданно, она

вспомнила о книге Дега, которую купила ещё несколько дней назад. Это была книга репродукций — Ричард её искал и нигде не мог найти. Она достала книгу из нижнего ящика бюро.

— Я её нашла. Книгу Дега.

— О, шикарно. Спасибо. — Он взял книгу обеими руками. Она до сих пор была в упаковке. — Где ты её нашла?

— Во «Франкенберге». Кто бы мог подумать.

— Во «Франкенберге». — Ричард улыбнулся. — Шесть долларов, да?

— Ой, ничего не нужно.

Ричард вынул кошелёк.

— Но это же я попросил тебя её купить.

— Ну правда, не надо.

Ричард запротестовал, но она так и не взяла денег. А ещё через минуту он ушёл, пообещав позвонить завтра в пять. Может быть, они пойдут куда-нибудь завтра вечером, сказал он.

Кэрол позвонила в десять минут седьмого. Не хочет ли Терез съездить в Чайнатаун, спросила Кэрол.

— Конечно, — ответила она.

— Я сейчас пью коктейль с одним человеком в «Сен-Режи», — сказала Кэрол. — Почему бы тебе не забрать меня отсюда? Я в маленьком зале, не

в большом. И вот что… Мы идём на некое театральное мероприятие, куда ты меня пригласила. Поняла?

— Какой-то рождественский благотворительный коктейль?

Кэрол рассмеялась.

— Поторопись.

Терез полетела.

ПРИЯТЕЛЕМ Кэрол оказался человек по имени Стэнли Мак-Вей, высокий и весьма привлекательный мужчина лет сорока с усами и с собакой-боксёром на поводке. Кэрол уже готова была уходить, когда Терез появилась. Стэнли вышел с ними, посадил их в такси и через окно дал водителю денег.

— Кто он? — спросила Терез.

— Старый друг. Теперь, когда мы с Харджем расходимся, стали видеться чаще.

Терез посмотрела на неё. В этот вечер в глазах Кэрол была чудесная едва заметная улыбка.

— Он тебе нравится?

— Так себе, — ответила Кэрол. — Водитель, отвезёте нас в Чайнатаун вместо того, другого места?

Пока они ужинали, пошёл дождь. Кэрол сказала, что в Чайнатауне всегда дождь, каждый

раз, когда она туда попадает. Но это не имело большого значения, потому что они ныряли из одной лавочки в другую, разглядывали всякую всячину и покупали всякую всячину. Терез увидела босоножки на платформе с каблуком и сочла их красивыми, больше похожими на персидские, чем китайские, и она хотела купить их для Кэрол, но Кэрол сказала, что Ринди не одобрит. Ринди была консерватором. Она не любила даже, чтобы Кэрол ходила летом без чулок, и Кэрол с ней считалась. В том же магазине были китайские костюмы из чёрной блестящей ткани — однотонные штаны и жакет с воротничком-стойкой, и Кэрол купила такой костюм Ринди. Терез же всё равно взяла эти босоножки для Кэрол, пока та разбиралась с доставкой костюма. Терез правильно угадала размер, лишь глянув на них, и как бы там ни было, Кэрол было приятно, что она всё-таки их купила. Потом они провели странный час в китайском театре, где зрители в зале спали посреди дикого звона и лязга. И наконец, они поехали в Верхний Манхэттен, на поздний ужин в ресторане, где играла арфа. Это был восхитительный вечер, поистине великолепный вечер.

10

Во вторник, на пятый день работы, Терез сидела в пустой комнате без потолка за сценой театра «Чёрный кот» и ждала нового режиссёра, мистера Донохью, который должен был прийти посмотреть её макет. Накануне утром Донохью сменил Кортеса на посту режиссёра, выкинул её первый макет, а заодно и Фила Мак-Элроя с роли второго брата в спектакле. Фил ушёл страшно оскорблённый. Ей повезло, что её не выкинули вместе с макетом, подумала Терез, так что указания мистера Донохью она выполнила до последней буквы. В новом макете не было подвижной части, которую она смастерила для предыдущего, чтобы превращать гостиную в террасу в последнем акте. Мистер Донохью, похоже, был решительно настроен против всего необычного, да и простого тоже. Поскольку действие пьесы целиком переместилось в гостиную, пришлось изменить большое количество текста в последнем акте, и некоторые наиболее мастерски выписанные реплики пропали. В новом макете были обозначены камин, широкое французское окно с выходом на террасу, две двери, диван, пара кресел и книжный шкаф. В законченном виде это

должно было напоминать комнату в макете дома у Слоана, всё должно было быть реалистично, до последней пепельницы.

Терез встала, потянулась, потом протянула руку к висящему на гвозде в двери вельветовому жакету. Здесь было холодно, как в сарае. Мистер Донохью, вероятно, появится только после обеда или вообще сегодня не придёт, если она ему снова не напомнит. Со сценографией никто не торопился. Может, она и была наименее важным компонентом во всей постановке, но Терез сидела вчера до поздней ночи, увлечённо работая над макетом.

Она снова пошла и встала за кулисами. Весь актёрский состав был на сцене, у каждого в руках — текст пьесы. Мистер Донохью гонял актёров по всей пьесе, чтобы, как он сказал, обкатать её, но сегодня это лишь навевало на них сон. Всем, казалось, было лень работать, за исключением Тома Хардинга, высокого светловолосого юноши, который играл главную мужскую роль, и его энергия слегка била через край. Джорджия Халлоран страдала от гайморита с головными болями, и ей приходилось прерываться каждый час, чтобы закапать в нос капли и на несколько минут прилечь. Джеффри Эндрюс, средних лет

мужчина, играющий отца героини, без конца ворчал в промежутках между репликами, потому что ему не нравился Донохью.

— Нет-нет-нет-нет, — в десятый раз за это утро произнёс мистер Донохью, всё останавливая и вынуждая всех опустить текст и повернуться к нему с выражением озадаченной, раздражённой покорности. — Давайте ещё раз с двадцать восьмой страницы.

Терез наблюдала, как он взмахивает руками, указывая, кому произносить текст, как вскидывает ладонь, командуя молчание, как, опустив голову, следует за текстом пьесы, словно дирижирует оркестром. Том Хардинг заговорщически ей подмигнул и скользнул рукой по носу. Через минуту Терез вернулась в комнату за перегородкой — здесь она работала, здесь чувствовала себя чуть менее бесполезной. Она уже знала пьесу почти наизусть. Сюжет был довольно-таки в духе шеридановской комедии ошибок: два брата притворяются лакеем и хозяином, дабы произвести впечатление на богатую невесту, в которую влюблён один из них. Диалоги были весёлые и, в целом, совсем недурные, но декорации, которые Донохью для них заказал, — унылые, лишённые фантазии… Терез надеялась, что ей удастся хоть

чего-нибудь добиться в отношении цветовой гаммы, которую будут использовать.

Мистер Донохью всё-таки пришёл, сразу после двенадцати. Он посмотрел на макет, поднял его и оглядел снизу и с обеих сторон, совершенно при этом не меняя нервного, издёрганного выражения лица.

— Да, это пойдёт. Мне очень нравится. Вы же видите, насколько это лучше пустых стен, которые у вас были раньше, да?

Терез глубоко и с облегчением вздохнула.

— Да, — сказала она.

— Декорация вырастает из потребностей актёров. Вы не балетную сценографию разрабатываете, мисс Беливет.

Она кивнула, тоже разглядывая макет и пытаясь понять, чем же он лучше, чем же функциональнее прежнего.

— Монтировщик будет сегодня часа в четыре. Мы соберёмся вместе и всё обсудим. — Мистер Донохью вышел.

Терез пристально вглядывалась в картонный макет. По крайней мере, она увидит его в деле. По крайней мере, они с монтировщиками сделают из него что-то настоящее. Она подошла к окну и увидела серое, но светящееся зимнее небо, задние

стены каких-то пятиэтажных домов, украшенные гирляндами пожарных лестниц. На переднем плане был небольшой пустырь, и на нём — низкорослое безлистое дерево, всё перекрученное, как взбесившийся дорожный указатель. Эх, если бы она могла позвонить Кэрол и пригласить её на обед. Но Кэрол была далеко, в полутора часах езды на машине.

— Ваша фамилия Беливер?

Терез обернулась к стоящей в дверях девушке.

— Беливет. Телефон?

— Телефон у рампы.

— Спасибо!

Терез заторопилась, надеясь, что это Кэрол, но зная, что, скорее, Ричард. Кэрол ей сюда ещё не звонила.

— Здравствуй, это Абби.

— Абби? — Терез заулыбалась. — Как ты узнала, что я здесь?

— Ты мне сказала, помнишь? Я бы хотела с тобой увидеться. Я тут недалеко. Ты уже обедала?

Они договорились встретиться в «Палермо» — ресторане, располагавшемся в одном-двух кварталах от «Чёрного кота».

По пути туда Терез насвистывала песню, счастливая, словно шла встречаться с Кэрол. Пол

ресторана был устлан опилками, и пара чёрных котят носилась вокруг бара, играя под перекладиной для ног. Абби сидела за столиком в глубине зала.

— Привет, — сказала Абби, когда Терез подошла. — У тебя очень жизнерадостный вид. Я тебя едва узнала. Выпьешь?

Терез помотала головой.

— Нет, спасибо.

— Хочешь сказать, что тебе и так хорошо? — спросила Абби и хихикнула в этой своей манере, будто втайне потешаясь, что в её исполнении почему-то не было обидно.

Терез взяла предложенную ей сигарету. Абби знает, подумала она. И, возможно, сама влюблена в Кэрол. Эта мысль заставила её насторожиться. Она дала начало молчаливому соперничеству, которое привело Терез в странное приподнято-возбуждённое состояние с ощущением некоего превосходства над Абби — переживания, которых Терез прежде не знала, о которых и грезить не посмела бы, переживания вследствие этого сами по себе революционные. Так что этот совместный обед в ресторане стал почти так же важен, как встреча с Кэрол.

— Как Кэрол? — спросила Терез. Они не виде-

лись три дня.

— Прекрасно, — ответила Абби, наблюдая за Терез.

Подошёл официант, и Абби спросила, советует ли он им заказать мидий и скалопине.

— Превосходный выбор, мадам! — Он так лучезарно ей улыбался, словно она была каким-то почётным посетителем.

А всё дело было в манере Абби себя держать, в её сияющем виде — словно сегодня, да, впрочем, и каждый день, был для неё необыкновенным праздником. Терез это нравилось. Она восхищённо разглядывала костюм Абби, в ткани которого переплетались красные и синие нити, её запонки в форме буквы «G» завитком, похожие на филигранные серебряные пуговицы. Абби спросила её о работе в «Чёрном коте». Рассказывать было скучно и утомительно, но Абби, похоже, впечатлилась. «Она впечатлена, — подумала Терез, — потому что сама ничем не занимается».

— У меня есть знакомые в постановочной части театра, — сказала Абби. — Буду рада замолвить за тебя словечко в любой момент.

— Спасибо. — Терез играла крышкой стоявшей перед ней посудины с тёртым сыром. — Ты не знаешь человека по фамилии Андронич? Кажет-

ся, он из Филадельфии.

— Нет, — ответила Абби.

Мистер Донохью сказал, чтобы она на следующей неделе встретилась с Андроничем в Нью-Йорке. Андронич ставил спектакль, который должен был пойти этой весной в Филадельфии, а потом — на Бродвее.

— Попробуй мидии. — Абби ела свои со смаком. — Кэрол их тоже любит.

— Ты давно знаешь Кэрол?

— Угу, — кивнула Абби, глядя на неё ясными, ничего не выдающими глазами.

— И с её мужем тоже, конечно, знакома.

Абби снова кивнула, молча.

Терез сдержанно улыбнулась. Она чувствовала, что Абби задалась целью выспросить у неё обо всём на свете, но рассказывать что-либо о себе или о Кэрол не собиралась.

— А как насчёт вина? Ты любишь «Кьянти»?

Абби щёлкнула пальцами, подзывая официанта.

— Принесите нам, пожалуйста, бутылку «Кьянти». Хорошего. Способствует кроветворению, — добавила она, обращаясь к Терез.

Потом подоспело главное блюдо, и двое официантов захлопотали вокруг стола, открывая

бутылку «Кьянти», подливая в бокалы воды и принося свежего сливочного масла. Радио-сырница со сломанной передней панелью — играло в углу танго, но с тем же успехом музыка могла исходить и от струнного оркестра где-то у них за спиной, по заявке Абби. «Неудивительно, что она нравится Кэрол, — подумала Терез. — Она дополняет церемонную серьёзность Кэрол, она способна напоминать Кэрол о том, что нужно смеяться».

— Ты всегда жила одна? — спросила Абби.

— Да. С тех пор, как закончила школу. — Терез отпила вина. — А ты? Или ты живёшь с родными?

— С родными. Но у меня своя половина дома.

— А ты работаешь? — отважилась спросить Терез.

— Работала. Местах в двух или трёх. Кэрол тебе не говорила, что у нас с ней когда-то была мебельная лавка? У нас был магазин прямо за Элизабет по шоссе. Мы скупали антиквариат или просто подержанные вещи и приводили их в порядок. Я никогда в жизни так тяжело не работала. — Абби весело ей улыбнулась, так, будто каждое сказанное ею слово могло оказаться и неправдой. — И ещё другая моя работа. Я энтомолог. Не очень

хороший, но вполне годный для того, чтобы извлекать насекомых из ящиков с итальянскими лимонами и тому подобного. В багамских лилиях полно насекомых.

— Слышала-слышала, — улыбнулась Терез.

— По-моему, ты мне не веришь.

— Верю. Ты и сейчас этим занимаешься?

— Я в запасе. Выхожу на работу только в чрезвычайных ситуациях. Например, в Пасху.

Терез наблюдала за ножом Абби, которым та резала скалопине на мелкие кусочки, перед тем как наколоть на вилку.

— Ты много путешествуешь с Кэрол?

— Много? Нет. Почему ты спрашиваешь?

— Мне кажется, ей было бы полезно твоё общество. Потому что Кэрол такая серьёзная. — Терез так хотела подвести разговор к сути вещей, но вот только в чём эта суть вещей состоит, она не знала. Вино медленно и тепло растекалось по венам, до самых кончиков пальцев.

— Не всегда, — поправила Абби, со скрытым смехом в голосе, как на том первом слове, которое Терез от неё услышала.

Вино в её голове сулило музыку, или стихи, или правду, но она застряла на распутье. Ей не удавалось придумать ни одного вопроса, который

прилично было бы задать, — все её вопросы были такими исполинскими!

— Как вы с Кэрол познакомились? — спросила Абби.

— Кэрол тебе не рассказала?

— Сказала только, что во «Франкенберге», когда ты там работала.

— Ну да, так и есть, — ответила Терез, чувствуя, как в ней неконтролируемо поднимается возмущение против Абби.

— Вы просто начали разговаривать? — улыбнулась Абби, закуривая сигарету.

— Я её обслуживала, — проговорила Терез и замолчала.

А Абби ждала — точного описания той встречи. Терез это знала, но не собиралась давать его ни Абби, ни кому-либо другому. Это принадлежало ей. Наверняка Кэрол ей не рассказала, подумала Терез, не рассказала эту дурацкую историю с рождественской открыткой. Эта история не настолько важна для Кэрол, чтобы о ней рассказывать.

— Можешь сказать, кто заговорил первым?

Неожиданно Терез рассмеялась. Она потянулась за сигаретой и закурила, всё ещё улыбаясь. Нет, Кэрол не рассказала Абби о рождествен-

ской открытке, и вопрос показался Терез ужасно смешным.

— Я, — сказала Терез.

— Она тебе очень нравится, да? — спросила Абби.

Терез проанализировала вопрос, пытаясь понять, нет ли в нём враждебности. Враждебности не было, была ревность.

— Да.

— Чем?

— Чем? А тебе чем?

Глаза Абби по-прежнему смеялись.

— Я знаю Кэрол с её четырёх лет.

Терез промолчала.

— Ты ведь ужасно молода, а? Тебе двадцать один?

— Нет. Ещё не совсем.

— Ты ведь знаешь, что на Кэрол сейчас обрушилась масса забот, правда?

— Да.

— И ей сейчас одиноко, — добавила Абби, не сводя с неё глаз.

— Ты имеешь в виду, что она поэтому со мной встречается? — спокойно спросила Терез. — Хочешь сказать, что мне не следует с ней видеться?

Немигающие глаза Абби в конце концов морг-

нули, дважды.

— Нет, ничуть. Но я не хочу, чтобы тебе было больно. И также не хочу, чтобы ты причинила боль Кэрол.

— Я никогда не причиню Кэрол боль, — сказала Терез. — Ты думаешь, я бы могла?

Абби по-прежнему настороженно за ней наблюдала, ни на мгновение не отводя глаз.

— Нет, не думаю, — ответила Абби так, словно только что пришла к этому решению. И теперь она улыбнулась, как будто чем-то особенно довольная.

Но Терез не понравилась эта улыбка, и, понимая, что лицо выдаёт её чувства, она опустила взгляд на стол. Перед ней на тарелке стоял бокал горячего сабайона.

— Терез, ты бы не хотела сегодня пойти на коктейль? В Верхнем Манхэттене, часов в шесть. Я не знаю, будут ли там театральные художники, но одна из девушек, устраивающих вечеринку, — актриса.

Терез погасила сигарету.

— А Кэрол там будет?

— Нет. Её не будет. Но с ними всеми легко найти общий язык. Там будет мало людей.

— Спасибо. Не думаю, что мне следует туда

идти. К тому же ещё сегодня мне, возможно, придётся задержаться на работе.

— А… Я в любом случае собиралась дать тебе адрес, но если ты не придёшь…

— Нет, — сказала Терез.

Когда они вышли из ресторана, Абби пожелала прогуляться по кварталу. Терез согласилась, хотя уже устала от неё. Абби со своей заносчивостью, прямолинейными, неосторожными вопросами заставила Терез почувствовать, будто получила перед ней преимущество. И Абби не дала ей заплатить за обед.

— Знаешь, Кэрол о тебе высокого мнения. Она говорит, что у тебя большой талант, — сказала Абби.

— Да? — отозвалась Терез, веря лишь наполовину. — Мне она этого никогда не говорила.

Ей хотелось идти быстрее, но Абби сдерживала шаг.

— Ты должна понимать, что она о тебе высокого мнения, раз хочет, чтобы ты отправилась с ней в поездку.

Терез взглянула на Абби и встретила её простодушную улыбку.

— Об этом она мне тоже ничего не говорила, — спокойно сказала Терез, хотя сердце её

заколотилось.

— Я уверена, что скажет. Ты ведь с ней поедешь?

Интересно, почему Абби знает об этом раньше неё, подумала Терез. Она почувствовала, как к лицу прилила краска гнева. Что всё это значит? Абби её ненавидит? Если да, почему она в этом непоследовательна? Но уже в следующий миг волна гнева сошла, и Терез ощутила слабость, почувствовала себя уязвимой и беззащитной. Она подумала, что если бы в эту секунду Абби прижала её к стенке и сказала: «Выкладывай. Чего ты хочешь от Кэрол? Какую часть её ты хочешь у меня отнять?», она бы выболтала всё как есть. Она бы сказала: «Я хочу быть с ней. Я люблю быть с ней, и тебе-то что до этого?»

— Разве говорить об этом должна не Кэрол? Почему ты у меня всё это выспрашиваешь? — Терез пыталась произносить слова равнодушно. Но это была безнадёжная затея.

Абби остановилась.

— Прости меня, — сказала она, поворачиваясь к Терез. — Мне кажется, я теперь лучше понимаю.

— Что понимаешь?

— Просто… что твоя взяла.

— В чём взяла?

— В чём… — эхом отозвалась Абби, запрокинув голову, глядя вверх на угол здания, на небо, и внезапно Терез охватило бешеное нетерпение.

Ей хотелось, чтобы Абби ушла, и она могла позвонить Кэрол. Всё было неважно — кроме голоса Кэрол. Всё было неважно — кроме Кэрол, и как она могла себе позволить забыть об этом хотя бы на миг?

— Неудивительно, что Кэрол такого высокого о тебе мнения, — сказала Абби, но если это и была доброжелательная ремарка, Терез её таковой не восприняла. — Пока, Терез. Не сомневаюсь, мы ещё увидимся.

Абби протянула руку.

Терез её пожала.

— Пока, — сказала она. Она смотрела, как Абби идёт к Вашингтон-сквер, теперь более быстрым шагом, с высоко поднятой кудрявой головой.

Терез зашла в аптеку на ближайшем углу и позвонила Кэрол. Трубку сняла домработница и позвала Кэрол к телефону.

— Что случилось? — спросила Кэрол. — У тебя подавленный голос.

— Ничего. На работе уныло.

— Ты вечером чем-то занята? Не хочешь приехать?

Терез вышла из аптеки улыбающаяся. Кэрол заедет за ней в пять тридцать. Кэрол настояла на том, что заедет за ней, потому что добираться поездом так паршиво.

Она увидела, как по противоположной стороне улицы, удаляясь от неё, идёт Дэнни Мак-Элрой. Он вышагивал без пальто, с бутылкой молока в руке.

— Дэнни! — позвала она.

Дэнни обернулся и направился к ней.

— Зайдёшь на пару минут? — крикнул он.

Терез хотела было отказаться, но когда он подошёл, взяла его под руку.

— Только на минутку. У меня и так уже затянулся обеденный перерыв.

Дэнни улыбнулся ей с высоты своего роста.

— Который час? Я занимался, пока глаза не перестали видеть.

— Начало третьего. — Она чувствовала, как сильно рука Дэнни напряжена от холода. Под тёмными волосами на предплечье можно было разглядеть гусиную кожу. — Ты с ума сошёл выходить на улицу без пальто.

— Мне это прочищает мозги. — Он придержал перед ней железную калитку, ведущую к его двери. — Фила дома нет, где-то ходит.

В комнате пахло трубочным дымом, довольнотаки похоже на то, как если бы здесь готовили горячий шоколад. Квартира была полуподвальная, в целом темноватая, и лампа отбрасывала тёплое пятно света на вечно заваленный письменный стол. Терез опустила взгляд на раскрытые книги — страницы, страницы, усеянные знаками, которых она не понимала, но которые ей нравилось разглядывать. Всё, что символизировали эти знаки, было истинно и доказано. Знаки были сильнее и точнее слов. Ей представилось, как ум Дэнни раскачивается на них, перемахивая от одного факта к другому, словно держась за крепкие цепи, вперехват одолевая пространство. Она смотрела, как он, стоя у кухонного стола, сооружает бутерброд. Плечи под белой рубашкой были очень широкие и мускулисто-округлые. Они слегка двигались, пока он укладывал копчёную колбасу с сыром на большой кусок ржаного хлеба.

— Ты бы приходила почаще, Терез. Меня только по средам не бывает в полдень дома. Филу мы своим обедом не помешаем, даже если он будет спать.

— Хорошо, — ответила Терез. Она села в его рабочее кресло, наполовину отвёрнутое от стола.

Как-то раз она приходила сюда в обед и ещё один раз — после работы. Ей нравилось навещать Дэнни. С ним не нужно было вести светских разговоров.

В углу комнаты стоял диван-кровать Фила с неубранной постелью, со сбитыми в клубок одеялами и простынями. В оба её предыдущих прихода постель либо была неубрана, либо в ней всё ещё спал Фил. Широкий книжный шкаф, подтянутый к дивану под правильным углом, отгораживал закуток Фила в комнате, и в этом закутке всегда царил беспорядок, досадливый и нервный беспорядок, совсем не такой, как рабочий беспорядок на столе у Дэнни.

Пивная банка зашипела, когда Дэнни её открывал. Он прислонился к стене, с пивом и бутербродом, улыбаясь, страшно довольный тем, что она здесь.

— Помнишь, что ты сказала о неприменимости физики к людям?

— М-м-м… Смутно.

— Так вот, я не уверен, что ты права, — произнёс он, надкусывая бутерброд. — Возьмём, к примеру, дружбу. Я могу привести множество случаев, когда у двух людей нет никаких точек соприкосновения. Я считаю, что у каждой друж-

бы есть точная причина, так же как есть причина тому, отчего какие-то атомы притягиваются друг к другу, а какие-то — нет. И тут играют роль определённые факторы, отсутствующие в одном, или определённые факторы, присутствующие в другом. Что ты об этом думаешь? Я считаю, что дружба — это результат определённых потребностей, сокрытых от обоих людей, иногда сокрытых навсегда.

— Возможно. Я тоже могу привести пару случаев. — Взять хотя бы их с Ричардом. Ричард находил с людьми общий язык, локтями пробивал себе путь в жизни — она так не умела. Её всегда привлекали люди с такой уверенностью в себе, как у Ричарда. — И в чём же твоя слабость, Дэнни?

— Моя? — улыбнулся он. — Ты хочешь со мной дружить?

— Да. Но ты один из самых сильных людей, кого я знаю.

— Правда? Перечислить по пунктам мои недостатки?

Она улыбнулась, глядя на него. Молодой человек двадцати пяти лет, с четырнадцатилетнего возраста знавший, куда он движется. Он направил всю свою энергию в одно русло — полная

противоположность тому, что сделал Ричард.

— У меня есть тайная и очень глубоко сокрытая потребность в поваре, — сказал Дэнни. — И в учителе танцев, и в ком-то, кто будет напоминать мне о всяких мелочах, таких, как постирать или постричься.

— Я тоже забываю постирать.

— Ох, — опечаленно сказал он. — Тогда ничего не выйдет. А я всё-таки надеялся. У меня было слабенькое такое чувство, что это судьба. Поскольку, видишь ли, то, что я говорю о родстве душ, верно для всего — от дружбы и даже до случайно брошенного на улице взгляда, — всегда за всем кроется определённая причина. Думаю, даже поэты со мной согласятся.

Она улыбнулась.

– *Даже* поэты? — Она подумала о Кэрол, а потом — об Абби, об их разговоре за обедом, разговоре, который был куда больше случайно брошенного взгляда и в то же время куда меньше его, о череде эмоций, которые он в ней пробудил. Это привело её в удручённое состояние. — Но приходится делать поправку на извращённость человеческого ума, на то, чего не можешь себе толком объяснить.

— Извращённость? Но это лишь отговорка.

Слово, которое используют поэты.

— Я думала, его используют психологи, — сказала Терез.

— То есть делать поправку… это бессмысленный термин. Жизнь — точная наука сама по себе, со своими законами. Их только нужно найти и дать им определение. Чего ты не можешь себе объяснить?

— Ничего. Подумала тут кое о чём, что на самом деле не имеет значения. — Её вдруг снова охватил гнев, как тогда на улице, после обеда.

— Чего? — хмурясь, не унимался он.

— Ну, например, обеда, который у меня только что был, — сказала она.

— С кем?

— Не имеет значения. Если бы имело, я бы рассказала подробно. Просто я подумала, что это всё коту под хвост, как если утрачиваешь что-то. Но, может быть, этого чего-то вовсе и не существовало. — Терез хотела хорошо относиться к Абби, потому что Кэрол к ней хорошо относилась.

— Кроме как у тебя в голове? Всё равно это может быть утратой.

— Да… но есть люди или поступки, от которых в конечном итоге ничего не остаётся, что можно было бы сохранить, потому что ничто с тобой не

перекликается. — Но говорить она хотела о другом, совсем не об этом. Не об Абби и не о Кэрол, а о том, что было до. О том, что идеально всё связало воедино и идеально объяснило. Она любит Кэрол. Она опустила лоб на ладонь.

Дэнни секунду смотрел на неё, потом оттолкнулся от стены. Он повернулся к плите, достал из нагрудного кармана спичку, и Терез поняла, что разговор завис, что так и останется висеть, никогда не будет доведён до конца, что бы они дальше ни сказали. Но она чувствовала, что если перескажет Дэнни каждое слово, которым она обменялась с Абби, он одной фразой сможет развеять все словесные ухищрения, словно побрызгав в воздух химикатом, который в одно мгновение высушит весь туман. Или всё равно всегда остаётся нечто неприкосновенное для логики? Нечто алогичное, кроющееся за ревностью, подозрительностью и враждебностью в речи Абби, то, что и есть Абби сама по себе?

— Всё сложнее, чем набор комбинаций, — добавила Терез.

— Какие-то вещи не реагируют друг на друга. Но всё живо. — Он развернулся с широкой улыбкой, как будто ему в голову пришла совсем другая мысль. В поднятой руке он держал спичку,

которая всё ещё дымилась. — Как эта спичка. И я не говорю о физике, о неуничтожимости дыма. Вообще я сегодня довольно поэтически настроен.

— К спичке?

— У меня такое чувство, что она растёт, как растение, не исчезает. Мне кажется, для поэта всё в мире должно иногда обретать структуру растения. Даже этот стол — как моя собственная плоть. — Он прикоснулся к краю стола ладонью. — Такое чувство у меня было однажды, когда я верхом взбирался в гору. Это было в Пенсильвании. Я тогда не очень хорошо владел верховой ездой. Помню, как конь повернул голову, увидел подъём и решил взять его галопом. Он присел на задних ногах перед тем, как рвануть, и внезапно мы понеслись во весь опор, и мне было совсем не страшно. Я чувствовал полную гармонию с конём и землёй, как будто мы составляли целое дерево, которое просто раскачивалось ветвями на ветру. Я помню свою уверенность в том, что сейчас со мной ничего не случится — в какой-нибудь другой раз, да, со временем. И от этого я почувствовал себя очень счастливым. Я думал обо всех людях, которые боятся и приберегают впрок всякую всячину и себя самих, и я подумал, что когда каждый в мире придёт к тому же осознанию, которое

пережил я, поднимаясь в гору, тогда наступит своего рода правильная экономика жизни, и потребления, и расходования. Понимаешь, о чём я? — Дэнни сжал кулак, но глаза его блестели, словно он продолжал смеяться над собой. — У тебя когда-нибудь изнашивался джемпер, который ты особенно любила и который в конце концов выбросила?

Терез вспомнила о зелёных шерстяных перчатках сестры Алисии, которые она и не носила, и не выбрасывала.

— Да, — сказала она.

— Ну вот, это то, что я имею в виду. И овцы, которые не отдавали себе отчёта в том, сколько шерсти теряют, когда их стригли, чтобы сделать этот джемпер — потому что они могут отрастить новую шерсть. Это очень просто. — Он повернулся к уже закипевшему кофейнику, который поставил разогревать.

— Да. — Она знала. То же с Ричардом и воздушным змеем — потому что он мог сделать нового. Она подумала об Абби, неожиданно с чувством зияющей пустоты, будто их обед был с корнем вырван из памяти. На мгновение ей показалось, что её сознание перелилось через край и пустое поплыло в пространство. Она встала.

Дэнни подошёл к ней, положил руки ей на плечи, и хотя она чувствовала, что это был всего лишь жест, жест взамен слова, чары были разрушены. Она ощутила дискомфорт от его прикосновения, и это ощущение дискомфорта вернуло её с небес на землю.

— Мне нужно возвращаться, — сказала она. — Я очень задержалась.

Руки Дэнни опустились с её плеч, он с силой прижал её локти к бокам и вдруг поцеловал, на секунду крепко охватив губами её рот, и она ощутила его тёплое дыхание на верхней губе, перед тем, как он её отпустил.

— Да, — сказал он, глядя на неё.

— Почему ты… — она замолчала, так как в поцелуе нежность настолько смешалась с грубой силой, что она не знала, как это воспринимать.

– *Почему*, Терри? — произнёс он, отворачиваясь от неё с улыбкой. — Тебе было неприятно?

— Нет, — ответила она.

— Ричарду было бы неприятно?

— Думаю, да. — Она застегнула пальто. — Я должна идти, — сказала она, направившись к выходу.

Дэнни распахнул перед ней дверь, улыбаясь своей непринуждённой улыбкой, так, словно

ничего не произошло.

— Завтра придёшь? Приходи на обед.

Она помотала головой.

— Не думаю. Я занята на этой неделе.

— Ладно, приходи… может быть, в следующий понедельник?

— Ладно. — Она тоже улыбнулась, автоматически протянув руку, и Дэнни коротко и вежливо её пожал.

Два квартала до «Чёрного кота» она пробежала бегом. Немножко как тот конь, подумала она. Но недостаточно, недостаточно для совершенства, а то, о чём говорил Дэнни, было совершенство.

11

— Досуг бездельников, — сказала Кэрол, вытягивая ноги перед собой на диване-качелях. — Пора бы Абби уже снова подыскать себе работу.

Терез промолчала. Она не всё рассказала Кэрол о разговоре за обедом, но ей больше не хотелось говорить про Абби.

— Не хочешь пересесть на более удобный стул?

— Нет, — ответила Терез. Она сидела на кожаной табуретке рядом с качелями. Они закончили ужинать пару минут назад и поднялись сюда, в

помещение, которого Терез раньше не видела, — это был остеклённый балкон, пристроенный к той простой зелёной комнате.

— Что ещё сказала Абби, что тебе не понравилось? — спросила Кэрол, продолжая смотреть прямо перед собой поверх своих длинных ног в тёмно-синих брюках.

У Кэрол был усталый вид. Её волнуют другие вещи, подумала Терез, более важные, чем это.

— Ничего. Тебе это неприятно, Кэрол?

— Неприятно?

— Ты сегодня со мной не такая, как обычно.

Кэрол бросила на неё короткий взгляд.

— Ты фантазируешь, — сказала она, и приятная вибрация её голоса угасла, снова обратившись в тишину.

Страница, которую она написала прошлой ночью, подумала Терез, не имеет никакого отношения к этой Кэрол, адресована не ей. *Я чувствую, что влюблена в тебя,* — написала она, — *и сейчас должна быть весна. Я хочу, чтобы солнце аккордами пульсировало у меня на голове. Я представляю себе, что солнце — это Бетховен, ветер — Дебюсси, а пение птиц — Стравинский. Но темп — исключительно мой.*

— Мне кажется, я не нравлюсь Абби, — замети-

ла Терез. — Мне кажется, она не хочет, чтобы мы с тобой виделись.

— Это не так. Ты снова фантазируешь.

— Я не имею в виду, что она это сказала. — Терез старалась говорить так же спокойно, как Кэрол. — Она была очень мила. Пригласила меня на коктейль.

— К кому?

— Не знаю. Сказала, в Верхнем Манхэттене. Сказала, что тебя там не будет, поэтому мне не очень-то хотелось идти.

— Где в Верхнем Манхэттене?

— Она не уточнила. Сказала только, что одна из девушек, устраивающих вечеринку, актриса.

С негромким щелчком Кэрол опустила зажигалку на стеклянный стол, и Терез почувствовала, что она недовольна.

— Вот как, — пробормотала Кэрол, отчасти самой себе. — Сядь сюда, Терез.

Терез поднялась с табуретки и села в самом изножье качелей.

— Ты не должна думать, что Абби плохо к тебе относится. Я её достаточно знаю, чтобы понимать, что это не так.

— Ладно, — сказала Терез.

— Но Абби иногда поразительно неуклюже

изъясняется.

Терез хотелось обо всём этом забыть. Кэрол по-прежнему держалась так отчуждённо, даже когда разговаривала, даже когда смотрела на неё. Полоска света из зелёной комнаты падала Кэрол на макушку, но её лица сейчас было не разглядеть.

Кэрол легонько пихнула её носком ноги:

— Быстро вставай.

Но Терез замешкалась, и тогда Кэрол одним взмахом перекинула ноги через её голову и села. Вслед за этим Терез услышала шаги в соседней комнате, и упитанная, ирландского вида горничная в серо-белой форменной одежде внесла на подносе кофе, сотрясая пол балкона стремительными проворными шажками, в которых слышалось ревностное желание угодить.

— Сливки здесь, мэм, — сказала она, показывая на выбивавшийся из кофейного сервиза кувшинчик. Флоренс взглянула на Терез круглыми пустыми глазами и дружелюбно улыбнулась. Ей было лет пятьдесят. Собранные в пучок волосы свисали сзади на шею из-под белого накрахмаленного края шапочки. Почему-то Терез не могла определить её, не могла понять, к кому из двоих она лояльна. Дважды до этого Терез слышала

от неё имя мистера Эрда, и ей показалось, что Флоренс очень ему предана, но была это преданность профессиональная или подлинная, Терез не знала.

— Что-нибудь ещё, мэм? — спросила Флоренс. — Свет погасить?

— Нет, мне нравится со светом. Нам больше ничего не понадобится, спасибо. Миссис Риордан звонила?

— Пока нет, мэм.

— Скажете ей, что меня нет дома, когда она позвонит?

— Да, мэм. — Флоренс замялась. — Я хотела спросить, дочитали ли вы эту новую книгу, мэм. Об Альпах.

— Идите в мою комнату и возьмите её, если вам хочется, Флоренс. Вряд ли я буду её дочитывать.

— Спасибо, мэм. Спокойной ночи, мэм. Спокойной ночи, мисс.

— Спокойной ночи, — ответила Кэрол.

Пока Кэрол наливала кофе, Терез спросила:

— Ты решила, когда едешь?

— Может быть, где-то через неделю. — Кэрол протянула ей чашечку кофе со сливками. — А что?

— Просто буду по тебе скучать. Разумеется.

Секунду Кэрол была неподвижна, потом достала сигарету, последнюю, и смяла пачку.

— Я, собственно, подумала, что, возможно, ты захочешь поехать со мной. Что скажешь? Недели на три?

Вот оно, подумала Терез, настолько невзначай, словно она предлагает им вместе прогуляться.

— Ты сказала об этом Абби, да?

— Да, — ответила Кэрол. — А что?

А что? Терез не могла подобрать слов, чтобы объяснить, почему её это обижает.

— Просто странно, что ты рассказала об этом ей до того, как что-либо сказать мне.

— Я ей не рассказывала. Я только сказала, что, возможно, предложу тебе. — Кэрол подошла к Терез и положила руки ей на плечи. — Послушай, у тебя нет причин так переживать из-за Абби — если только Абби не наговорила тебе за обедом ещё много чего, о чём ты мне не рассказала.

— Нет, — ответила Терез. Нет, но это было невысказанное, это было хуже. Она почувствовала, как руки Кэрол соскользнули с её плеч.

— Абби — моя очень давняя подруга, — сказала Кэрол. — Я с ней говорю обо всём.

— Да, — отозвалась Терез.

— Так что, ты бы хотела поехать?

Кэрол отвернулась, и внезапно всё это потеряло значение — из-за того, как Кэрол её пригласила, словно в действительности ей было безразлично, поедет Терез или нет.

— Спасибо… вряд ли я смогу себе это позволить прямо сейчас.

— Тебе не понадобится много денег. Мы поедем машиной. Но если тебе предлагают работу, к которой нужно приступить немедленно, это другое дело.

Как будто она не отказалась бы от работы хоть и над балетными декорациями ради того, чтобы уехать с Кэрол — проехать с ней по деревням и сёлам, по краям, которых она никогда прежде не видела, через реки и горы, не ведая, где их застанет ночь. Кэрол это знала, и она знала, что Терез вынуждена будет сказать «нет», если она пригласит её таким образом. Терез вдруг уверилась в том, что Кэрол над ней глумится, и в ней вспыхнуло возмущение — горькое возмущение предательством. И это возмущение обратилось решением никогда больше не видеться с Кэрол. Она взглянула на Кэрол, которая ждала её ответа с тем выражением вызова, лишь наполовину прикрытым маской безразличия, которое — Терез знала — ни на йоту не изменится, дай она

отрицательный ответ. Терез встала и подошла к стоящей на придиванном столике шкатулке взять сигарету. В шкатулке не было ничего, кроме нескольких патефонных игл и фотографии.

— Что это? — спросила Кэрол, наблюдая за ней.

Терез чувствовала, что Кэрол читает все её мысли.

— Фотография Ринди, — сказала Терез.

— Ринди? Дай-ка глянуть.

Терез следила за лицом Кэрол, пока та рассматривала фотографию девчушки с белобрысыми волосами и серьёзным лицом; на колене у девочки белела приклеенная пластырем повязка. Хардж стоял в лодке, и Ринди шагнула с причала к нему на руки.

— Не очень удачая фотография, — сказала Кэрол, но лицо её изменилось, стало мягче. — Этому снимку года три. Хочешь покурить? Вот здесь есть сигареты. Ринди останется с Харджем на ближайшие три месяца.

Терез так и предположила из того утреннего разговора в кухне с Абби.

— Это тоже в Нью-Джерси?

— Да. Его родные живут в Нью-Джерси. У них большой дом. — Кэрол помедлила. — Развод будет оформлен через месяц, я думаю, и после марта

Ринди вернётся ко мне на весь остаток года.

— Ох. Но ты ведь с ней до марта ещё будешь видеться?

— Пару раз. Наверное, нечасто.

Терез посмотрела на руку Кэрол, небрежно держащую фотографию, рядом с ней, на качелях.

— Она ведь будет по тебе скучать?

— Да, но к отцу она тоже очень привязана.

— Больше, чем к тебе?

— Нет. Вообще-то нет. Но сейчас он купил ей козочку для игр. Он отвозит её в школу по пути на работу и забирает в четыре. Пренебрегает бизнесом ради неё — чего ещё можно требовать от мужчины?

— Ты ведь с ней не виделась в Рождество? — спросила Терез.

— Нет. Потому что кое-что произошло в адвокатской конторе. Это было в день, когда адвокат Харджа пожелал встретиться с нами обоими, и Хардж привёз с собой Ринди. Ринди сказала, что хочет на Рождество поехать к нему. Она не знала, что меня там в этом году не будет. У них на лужайке большая ёлка, и они её всегда наряжают, поэтому Ринди так туда рвалась. В общем, на адвоката это произвело то ещё впечатление, сама понимаешь — ребёнок просится на Рождество

домой к отцу. И естественно, я не стала тогда говорить Ринди, что меня там не будет, иначе она бы огорчилась. В любом случае я не могла это сказать при адвокате. Довольно манипуляций Харджа.

Терез стояла, давя в пальцах незажжённую сигарету. Голос у Кэрол был спокойный — таким она, возможно, говорила бы с Абби, подумала Терез. Никогда прежде Кэрол ей так много не рассказывала.

— Но адвокат понял?

Кэрол пожала плечами.

— Это адвокат Харджа, не мой. Так что пока я согласилась на эти три месяца, потому что не хочу, чтобы её пинали туда-сюда. Если ей всё равно придётся девять месяцев жить со мной и три — с Харджем, почему бы не начать это уже прямо сейчас.

— Ты даже не будешь к ней ездить?

Кэрол так долго не отвечала, что Терез подумала, уже и не ответит.

— Буду, но не очень часто. Та семья не особенно радушна. Я каждый день разговариваю с Ринди по телефону. Иногда она сама мне звонит.

— Почему семья не радушна?

— Они никогда не питали ко мне тёплых чувств.

Вечно выказывали недовольство — с тех самых пор, как мы с Харджем познакомились на каком-то дебютантском балу[9]. Они очень хорошо умеют критиковать. Я иногда задаюсь вопросом — а кто вообще способен им угодить?

— За что они тебя критикуют?

— Например, за мебельную лавку. Но она не продержалась и года. Потом за то, что я не играю в бридж или что не люблю в него играть. Они выдёргивают какие-то смешные вещи, самые поверхностные.

— Из того, что ты рассказываешь, они кажутся жуткими.

— Они не жуткие. Просто хотят, чтобы под них подстраивались. Я знаю, что бы им понравилось. Им бы понравился чистый лист, который они могли бы заполнить. Человек уже заполненный страшно нарушает их душевное равновесие. Включим музыку? Ты радио совсем не любишь слушать?

— Иногда.

Кэрол прислонилась к подоконнику.

— А теперь у Ринди каждый день телевидение. Хопалонг Кэссиди. Ах, как бы она обрадовалась

---

[9] notes: 9

Бал для девушек из семей высшего света, где их впервые формально представляют обществу.

поездке на запад! Это последняя кукла, которую я ей купила, Терез. Я это сделала только потому, что она сказала, что хочет её; но она их переросла.

За спиной у Кэрол аэропортовский прожектор прошёлся бледным лучом в ночи и исчез. Голос Кэрол, казалось, медлил в темноте. В более грудных, чем обычно, более счастливых его обертонах Терез слышались глубины, где обреталась любовь Кэрол к Ринди — так глубоко она, вероятно, никогда никого другого не сможет любить.

— Хардж не облегчает тебе встречи, верно?

— Сама знаешь, — ответила Кэрол.

— Не понимаю, как он при этом может быть так в тебя влюблён.

— Это не любовь. Это навязчивое состояние. Я думаю, ему хочется меня контролировать. Полагаю, если б я была куда более необузданной, но никогда не имела ни о чём мнения, кроме его мнения… Тебе понятно, о чём всё это?

— Да.

— Я никогда не сделала ничего, что скомпрометировало бы его перед другими, а это единственное, о чём он печётся на самом деле. В клубе есть одна женщина — жаль, что он не на ней женился. Вся её жизнь целиком наполнена устроительством изысканных вечеринок и тем, что её,

мертвецки пьяную, выносят из лучших баров… Она принесла большой успех рекламному бизнесу своего мужа, поэтому он благоволит её мелким грешкам. Хардж не стал бы благоволить, но у него бы появилось какое-то конкретное основание для недовольства. Я думаю, он выбрал меня, как ковёр для гостиной, и совершил большую ошибку. Сомневаюсь, что он способен по-настоящему любить кого бы то ни было. Что в нём есть, так это некий дух стяжательства, малоотделимый от его честолюбия. Это становится болезнью, не правда ли, — отсутствие способности любить? — Она посмотрела на Терез. — Времена, что ли, сейчас такие. Если захотеть, можно на этом развить теорию о вымирании народа вследствие умышленного снижения рождаемости. Человек, пытающийся угнаться за орудиями собственного уничтожения.

Терез молчала. Всё это напомнило ей тысячу разговоров с Ричардом, который смешивал войну, большой бизнес, охоту на ведьм в Конгрессе и, наконец, отдельных своих знакомых в одного грандиозного врага, чьей единственной совокупной приметой была ненависть. И вот теперь Кэрол туда же. Это потрясло Терез в глубочайшей части её естества, там, где не было слов, не было

лёгких слов, таких как смерть, или умирание, или убийство. Эти слова так или иначе были будущим, а сейчас происходило настоящее. Невыразимая тревога, желание *знать*, знать хоть что-нибудь, знать наверняка, сдавило ей горло так, что в какой-то момент она почувствовала, что почти не может дышать. Ты думаешь, ты думаешь… — так оно начиналось. Ты думаешь, мы обе однажды умрём насильственной смертью, будем внезапно отключены от жизни? Но даже этот вопрос не был достаточно ясно сформулирован. Возможно, это всё же было утверждение: я пока не хочу умирать, не хочу, не узнав тебя. Чувствуешь ли ты то же самое, Кэрол? Она ещё могла бы выговорить этот последний вопрос, но всё, что ему предшествовало, — не могла.

— Ты молодое поколение, — обратилась к ней Кэрол. — И что же ты имеешь сказать? — Она села на качели.

— Наверное, первым делом — не бояться. — Терез обернулась и увидела, что Кэрол улыбается. — Ты улыбаешься, наверное, потому что думаешь, что я боюсь.

— Ты слаба примерно как эта спичка. — Прикурив, Кэрол ещё на какую-то секунду задержала горящую спичку в руке. — Но при правильных

условиях ты можешь сжечь дотла дом, не правда ли?

— Или город.

— Но ты боишься даже отправиться со мной в небольшую поездку. Ты боишься, потому что тебе кажется, что у тебя недостаточно денег.

— Не в этом дело.

— У тебя очень странные ценности, Терез. Я тебя пригласила, потому что мне бы доставило удовольствие путешествовать вместе с тобой. Я думаю, и тебе это пошло бы на пользу, и твоей работе тоже. Но ты непременно должна всё испортить нелепой гордостью по поводу денег. Как эта сумка, которую ты мне подарила. Вне всякой меры. Почему ты не вернёшь её в магазин, если тебе нужны эти деньги? Я в сумке не нуждаюсь. Тебе доставило удовольствие подарить её мне, я полагаю. Но, видишь ли, ведь это то же самое. Только я поступаю разумно, а ты — нет. — Кэрол прошла мимо неё и снова к ней обернулась, остановившись с выставленной вперёд ногой и высоко поднятой головой — короткие светлые волосы неброские, как у статуи. — Что, тебе кажется, это смешно?

Терез улыбалась.

— Меня не волнуют деньги, — тихо сказала

она.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что сказала, — ответила Терез. — У меня есть деньги на поездку. Я поеду.

Кэрол смотрела на неё во все глаза. Терез видела, как угрюмое выражение сходит с её лица, и она тоже начинает улыбаться, изумлённо, с некоторым недоверием.

— Что ж, хорошо, — сказала Кэрол. — Я ужасно рада.

— Я ужасно рада.

— Что вызвало столь счастливую перемену?

«Неужели она правда не знает?» — подумала Терез.

— Тебе, похоже, и в самом деле не всё равно, поеду я или нет, — просто ответила она.

— Разумеется, мне не всё равно. Я ведь тебя пригласила, не так ли? — сказала Кэрол, всё ещё с улыбкой, но, развернувшись на носке, она отвернулась от Терез и пошла к зелёной комнате.

Терез наблюдала, как она уходит — руки в карманах, лёгкое медленное цоканье мокасин по полу. Она посмотрела на пустой дверной проём. Точно так же, подумала Терез, Кэрол вышла бы и в случае, если бы она сказала, что нет, не поедет. Терез взяла чашку с недопитым кофе, потом сно-

ва её поставила.

Она вышла в холл, пересекла его и подошла к двери в комнату Кэрол.

— Что ты делаешь?

Кэрол сидела, склонившись над туалетным столиком, и писала.

— Что я делаю? — Она встала и сунула листок бумаги в карман. Теперь она улыбалась, по-настоящему улыбалась — глазами, как тогда в кухне с Абби. — Кое-что, — сказала Кэрол. — Давай поставим музыку.

— Ладно. — Её лицо расплылось в улыбке.

— Может быть, сначала приготовишься ко сну? Уже поздно, ты знаешь об этом?

— С тобой всегда становится поздно.

— Это комплимент?

— Мне не хочется сегодня ложиться спать.

Кэрол прошла через холл в зелёную комнату.

— Ты приготовься. У тебя круги под глазами.

Терез быстро разделась в комнате с двумя кроватями. В соседней комнате патефон играл Embraceable You[10]. И тут зазвонил телефон. Терез открыла верхний ящик бюро. Он был пуст, если не считать пары мужских носовых платков,

---

[10] notes: 10

Песня из мюзикла Дж. Гершвина «Безумная» (Girl Crazy).

старой одёжной щётки и ключа. И нескольких документов в углу. Терез взяла в руки покрытую рыбьим клеем карточку. Это были старые водительские права, принадлежавшие Харджу. Харджесс Фостер Эрд. Возраст: 37. Рост: 174. Вес: 76. Волосы: русые. Глаза: голубые. Она всё это знала. Олдсмобиль 1950 года. Цвет: тёмно-синий. Терез положила карточку на место и закрыла ящик. Она подошла к двери, прислушалась.

— Прости, Тесси, но мне так и не удалось выбраться, — говорила Кэрол с сожалением, но голос у неё был счастливый. — Хорошо проходит вечеринка?.. Ну, я не одета, и я устала.

Терез подошла к прикроватной тумбочке и вытащила из шкатулки сигарету. «Филип Моррис». Это Кэрол их сюда положила, не горничная, Терез знала, потому что Кэрол запомнила, что она их любит. Теперь Терез стояла голышом и слушала музыку. Она не знала этой песни.

Что это, Кэрол снова на телефоне?

— Что ж, мне это не нравится, — Кэрол говорила полусердито, полушутя, — ни капли, чёрт подери.

… Жить легко… когда влюблена… [11]

---

[11] notes: 11

Ральф Рейгнер, Лео Робин, «Лёгкая жизнь» (Easy Living), песня из одноименного фильма.

— Откуда я знаю, что они за люди?.. А-га! В самом деле?

Абби, Терез это знала. Она выпустила изо рта дым и носом потянула в себя его сладковатые обрывки, вспоминая первую в своей жизни сигарету, «Филип Моррис», на крыше общежития в детдоме — они курили её по очереди, на четверых.

— Да, едем, — выразительно, с нажимом сказала Кэрол. — О, я уверена. А что, непохоже?

… Для тебя… я, может быть, и дура, но это так здорово… Люди говорят, что ты властвуешь надо мною одним… мановением руки… Милая, это грандиозно… они просто не понимают… [12]

Это была хорошая песня. Терез закрыла глаза и прислонилась к полуоткрытой двери, слушая. За голосом, рассыпая звуки по всей клавиатуре, тянулось медленное фортепиано. И вальяжная труба.

Кэрол произнесла:

— Это не касается никого, кроме меня, не так ли?.. Вздор!

И Терез улыбнулась её горячности.

Терез закрыла дверь. На патефоне закончилась

---

[12] notes: 12
Оттуда же.

очередная пластинка.

— Не хочешь подойти, поздороваться с Абби? — сказала Кэрол.

Терез юркнула за дверь ванной, потому что была голой.

— Зачем?

— Айда, — сказала Кэрол, и, надев халат, Терез вышла.

— Привет, — сказала Абби. — Я слышала, вы едете.

— Для тебя это новость?

Абби болтала всякую чепуху — казалось, она хочет проговорить всю ночь. Она пожелала Терез приятной поездки и рассказала о дорогах в Кукурузном поясе — как тяжело по ним бывает ездить зимой.

— Прости, если я сегодня вела себя бесцеремонно, хорошо? — попросила Абби уже во второй раз. — Я нормально к тебе отношусь, Терез.

— Кончай, кончай! — поторопила Кэрол.

— Она снова хочет с тобой говорить.

— Скажи Абигайль, что я в ванне.

Терез сказала и распрощалась.

Ещё до этого Кэрол принесла в комнату бутылку и две маленькие рюмочки.

— Что это с Абби? — спросила Терез.

— В каком смысле что с ней? — Кэрол разлила по рюмкам коричневого цвета ликёр. — Я думаю, она сегодня слегка перебрала.

— Я знаю. Но почему ей захотелось со мной пообедать?

— Ну… Я полагаю, по множеству причин. Попробуй это.

— Просто как-то неясно, — сказала Терез.

— Что?

— Вся история с обедом.

Кэрол протянула ей рюмку.

— Какие-то вещи всегда остаются неясными, дорогая.

Кэрол впервые назвала её дорогой.

— Какие вещи? — спросила Терез. Она хотела ответа, точного ответа.

Кэрол вздохнула.

— Многие вещи. Самые важные вещи. Попробуй ликёр.

Терез пригубила его — сладкий и тёмно-коричневый, как кофе, слегка обжигающий алкоголем.

— Вкусно.

— Вроде да.

— Почему ты его пьёшь, если он тебе не нравится?

— Потому что он необычный. Мы пьём за наше

путешествие, так что это должно быть что-то необычное. — Кэрол скривилась и выпила до дна.

При свете лампы ей были видны все веснушки на одной стороне лица Кэрол. Кажущаяся белой бровь протянулась крылом по изгибу лба. Вдруг, ни с того ни с сего Терез почувствовала себя упоительно счастливой.

— Что это была за песня раньше — та, где только голос и фортепиано?

— Напой.

Терез насвистела фрагмент, и Кэрол заулыбалась.

— «Лёгкая жизнь», — ответила она. — Это старая вещь.

— Я бы хотела её ещё раз послушать.

— А я бы хотела, чтобы ты легла спать. Я поставлю её снова.

Кэрол пошла в зелёную комнату и оставалась там, пока звучала песня.

Терез стояла у двери своей комнаты, слушая и улыбаясь.

… Я никогда не жалею… о годах, которые отдаю… Их легко отдавать, когда влюблена… Я счастлива делать всё, что я делаю для тебя…

[13]

Это была её песня. Всё то, что она чувствовала к Кэрол. Она прошла в ванную до того, как песня закончилась, открыла кран, залезла внутрь и пустила зеленоватую воду плескаться вокруг ног.

— Эй! — позвала Кэрол. — Ты когда-нибудь была в Вайоминге?

— Нет.

— Пора тебе увидеть Америку.

Терез приподняла мочалку, с которой капало, и прижала её к колену. Воды набралось уже так много, что её грудь казалась похожей на два плавающих на поверхности плоских предмета. Она изучала их, пытаясь решить, на что же они похожи кроме того, чем являются на самом деле.

— Не усни там, — окликнула её Кэрол сосредоточенным на чём-то голосом, и Терез поняла, что Кэрол сидит на кровати и рассматривает карту.

— Не усну.

— Ну, некоторые засыпают.

— Расскажи мне ещё о Хардже, — попросила она, вытираясь. — Чем он занимается?

— Много чем.

— Я имею в виду, что у него за профессия?

---

[13] notes: 13
Оттуда же.

— Инвестирование в недвижимость.

— Какой он? Любит ходить в театр? Ему нравятся люди?

— Ему нравится группка людей, играющих в гольф, — ответила Кэрол окончательным тоном. Потом, громче: — Что ещё? Он очень-очень педантичен во всём. Но он забыл свою лучшую бритву. Она в аптечке, и ты можешь её увидеть, если захочешь, а ты, вероятно, захочешь. Наверное, нужно послать ему её по почте.

Терез открыла аптечку. Она увидела бритву. Аптечка до сих пор была полна мужских принадлежностей — лосьонов и кисточек для бритья.

— Это была его комната? — спросила она, выйдя из ванной. — На какой кровати он спал?

Кэрол улыбнулась:

— Не на твоей.

— Можно ещё? — спросила Терез, глядя на бутылку с ликёром.

— Разумеется.

— Можно мне поцеловать тебя на ночь?

Кэрол складывала карту автомобильных дорог, вытянув губы, будто собиралась засвистеть, выжидая.

— Нет, — сказала она.

— Почему? — Сейчас всё казалось возможным.

— Лучше я дам тебе это. — Кэрол вынула руку из кармана.

Это был чек. Терез увидела сумму — двести долларов, выписанные на её имя.

— Для чего это?

— Для поездки. Я не хочу, чтобы ты тратила деньги, которые тебе нужны будут на это профсоюзное членство. — Кэрол взяла сигарету. — Тебе не понадобится вся сумма, я просто хочу, чтобы они у тебя были.

— Но они мне не нужны, — сказала Терез. — Спасибо. Я запросто могу потратить и профсоюзные.

— Не пререкаться, — перебила её Кэрол. — Мне это доставляет удовольствие, помнишь?

— Но я их не возьму. — Это прозвучало резко, поэтому она чуть улыбнулась, кладя чек на столик рядом с бутылкой ликёра. Но в то же время она его припечатала к поверхности со шлепком. Если бы она могла объяснить это Кэрол… Деньги… Они не имели совершенно никакого значения, но поскольку Кэрол и впрямь с удовольствием их ей давала, Терез тяжело было отказаться.

— Мне не нравится эта идея, — сказала Терез. — Придумай что-нибудь другое. — Она посмотрела на Кэрол. Кэрол наблюдала за ней, Кэрол не собиралась с ней спорить. Терез обрадовалась, когда

это увидела.

— Что мне доставит удовольствие? — спросила Кэрол.

Терез заулыбалась шире.

— Да, — ответила она и взяла в руки рюмку.

— Хорошо, — сказала Кэрол. — Я подумаю. Спокойной ночи. — Она остановилась у двери.

Забавный способ желать спокойной ночи, подумала Терез, в такую важную ночь.

— Спокойной ночи, — отозвалась она.

Она оглянулась на столик и снова увидела чек. Но порвать его было делом Кэрол. Терез сунула чек под край синей льняной настольной дорожки, с глаз долой.

II

12

Январь.

Он был всем сразу. И он был одним целым, как монолитная дверь. Своим холодом он запечатал город в серую капсулу. Январь был мгновения, и январь был год. Январь осыпал её мгновениями, как дождём, и замораживал их в памяти: женщина, при свете спички тревожно вглядывающаяся в имена у тёмного подъезда; мужчина, наскоро пишущий записку и передающий её другу перед тем, как расстаться с ним на тротуаре; человек, пробежавший квартал за автобусом и догнавший его. Каждое человеческое действие, казалось, рождает магию. Январь был двуликий месяц, брящающий бубенцами на колпаке шута, хрустящий настом, чистый, как любое начало, зловещий, как старик, таинственным образом знакомый и в то же время неизвестный, как слово, которое вертится на языке, но в последний миг ускользает.

Молодой человек по имени Ред Малон и лысый монтировщик трудились вместе с ней над декорациями к «Дождику». Мистер Донохью был

очень доволен. Он сказал, что попросил некоего мистера Балтина подойти и посмотреть её работы. Балтин был выпускником российской академии и оформил несколько спектаклей для нью-йоркских театров. Терез никогда о нём не слышала. Она попросила мистера Донохью устроить ей встречу с Майроном Бланшаром или Айвором Гаркеви, но Донохью ничего не обещал. Терез предположила, что он просто не может.

Мистер Балтин зашёл как-то раз после обеда — высокий, сгорбленный человек в чёрной шляпе и изрядно поношенном зимнем пальто — и стал пристально разглядывать работы, которые она ему показывала. Она принесла всего три или четыре своих макета — самые лучшие. Мистер Балтин рассказал ей о пьесе — постановка начиналась недель через шесть. Он будет рад порекомендовать её в качестве ассистента, и Терез сказала, что ей бы это очень подошло, поскольку её в любом случае до того времени не будет в городе. Всё складывалось прекрасно в эти последние дни. Мистер Андронич пообещал ей двухнедельную работу в Филадельфии в середине февраля, как раз примерно тогда, когда они с Кэрол вернутся из поездки. Терез записала имя и адрес человека, с которым был знаком мистер

Балтин.

— Он уже сейчас кого-то подыскивает, так что позвоните ему в самом начале недели, — сказал Балтин. — Это всего лишь место помощника, но его бывший помощник, мой ученик, теперь работает с Гаркеви.

— Ой. Как вы думаете, вы… или он — могли бы мне устроить встречу с Гаркеви?

— Нет ничего проще. Всё, что вам нужно сделать, — это позвонить в студию Гаркеви и попросить к телефону Чарльза. Чарльза Вайнанта. Скажите ему, что говорили со мной. Так… Позвоните ему в пятницу. В пятницу после обеда, часа в три.

— Хорошо. Спасибо. — До пятницы оставалась ещё целая неделя. Гаркеви был не то чтобы неприступен, как слышала Терез, но обладал репутацией человека, который никогда не назначает встречи, а если и назначит, то уж точно не придёт, в силу своей чрезвычайной занятости. Но, возможно, мистер Балтин лучше знает.

— И не забудьте позвонить Кеттерингу, — сказал Балтин на прощание.

Терез снова посмотрела на записку с именем: Адольф Кеттеринг, корпорация «Театральные инвестиции», адрес — частный.

— Я позвоню ему в понедельник утром. Большущее спасибо!

Это был тот самый день, суббота, когда она должна была встретиться с Ричардом в «Палермо» после работы. До запланированного ими с Кэрол отъезда оставалось одиннадцать дней. Фил стоял с Ричардом у стойки бара.

— Ну что, как там старина «Кот»? — осведомился Фил, вытягивая для неё барный стул. — По субботам тоже работаете?

— Актёры не работали. Только мой цех, — ответила она.

— Когда премьера?

— Двадцать первого.

— Смотри, — сказал Ричард. Он показал пальцем на тёмно-зелёное пятно краски у неё на юбке.

— Знаю. Я посадила его ещё несколько дней назад.

— Чего бы ты хотела выпить? — спросил Фил.

— Не знаю. Может быть, пива. Спасибо.

Ричард отвернулся от стоявшего по другую от него сторону Фила, и она почувствовала, что между ними пробежала кошка.

— Ты сегодня занимался живописью? — спросила она.

Углы рта у Ричарда были опущены.

— Пришлось подменить одного заболевшего водителя. Посреди Лонг-Айленда у меня закончился бензин.

— Ой. Это паршиво. Может быть, тебе завтра лучше порисовать вместо того, чтобы куда-то ехать. — Они думали съездить в Хобокен, погулять и поесть в «Доме мидий». Но Кэрол завтра будет в городе и обещала ей позвонить.

— Я порисую, если ты мне попозируешь, — сказал Ричард.

Терез неловко замялась:

— Что-то у меня в последнее время нет настроения позировать.

— Ладно. Это неважно. — Он улыбнулся. — Но как же мне написать твой портрет, если ты никогда не хочешь позировать?

— Почему бы тебе не сделать это по памяти?

Скользящим движением Фил выкинул вперёд руку и обхватил её стакан снизу.

— Не пей это. Возьми что-нибудь получше. Это выпью я.

— Хорошо. Я попробую ржаного виски с водой.

Фил теперь стоял по другую сторону от неё. Вид у него был бодрый, но вокруг глаз залегли небольшие тени. Всю последнюю неделю, пребывая в

угрюмом расположении духа, он писал пьесу. У себя на новогодней вечеринке он зачитал вслух несколько сцен. Фил назвал её продолжением «Превращения» Кафки. В новогоднее утро Терез сделала черновой набросок декорации и показала его Филу, когда к нему пришла. И её вдруг осенило, что это и было причиной дурного настроения Ричарда.

— Терри, а сделала бы ты макет по тому эскизу, что мне показывала, чтобы мы его сфотографировали. Я бы хотел иметь декорацию к тексту. — Фил пододвинул к ней виски и воду и облокотился на барную стойку рядом.

— Можно, — сказала Терез. — Ты в самом деле хочешь попробовать её поставить?

— Почему нет? — Фил улыбнулся, тёмные глаза посмотрели на неё с вызовом. Он щёлкнул пальцами, подзывая бармена. — Счёт!

— Я заплачу, — сказал Ричард.

— Нет, не заплатишь. Я угощаю. — Фил держал в руке старый чёрный кошелёк.

Его пьеса никогда не будет поставлена, подумала Терез, возможно даже, и дописана не будет, потому что настроение у Фила менялось непредсказуемо.

— Ну, я двинул, — сказал Фил. — Заскакивай

как-нибудь поскорее, Терри. Бывай, Рич.

Она смотрела, как он пошёл прочь от них и стал подниматься по маленькой лестнице к выходу, и вид у него был такой потрёпанный, какого никогда прежде ей не доводилось видеть, в сандалиях и истёртом двубортном пальто, но при этом в нём было обаятельное безразличие к этой своей потрёпанности. Как у человека, расхаживающего по собственному дому в любимом старом банном халате, подумала Терез. Она помахала ему через окно в ответ на его прощальный жест.

— Я слышал, ты носила Филу бутерброды с пивом в новогодний день, — сказал Ричард.

— Да, он позвонил и пожаловался на похмелье.

— Почему ты мне об этом не сказала?

— Видимо, забыла. Это было неважно.

— Неважно. То, что ты… — Ричард сделал медленный, безнадёжный жест негнущейся ладонью. — То, что ты полдня проводишь в квартире у парня, принеся ему бутерброды с пивом? Тебе не пришло в голову, что я, может быть, тоже хочу бутербродов?

— Если ты их хотел, у тебя вокруг было полно народу, кто мог бы тебе их подать. Мы съели и выпили всё, что было в доме у Фила. Помнишь?

Ричард кивнул длинной головой, по-прежнему

недовольно ухмыляясь с опущенными углами губ.

— И ты была с ним наедине, только вы вдвоём.

— О, Ричард… — Она вспомнила, и всё это стало настолько неважно. Дэнни не вернулся в тот день из Коннектикута. Он встречал Новый год в доме одного из своих профессоров. Она надеялась, что он появится у Фила после обеда, но Ричарду, вероятно, и в голову никогда бы не пришло, он никогда не догадался бы, что Дэнни нравится ей куда больше, чем Фил.

— Поступи так любая другая девушка, я бы заподозрил, что тут что-то заваривается, и был бы прав, — продолжал Ричард.

— По-моему, ты ведёшь себя глупо.

— По-моему, ты ведёшь себя наивно. — Ричард смотрел на неё с ледяным лицом, возмущённо, и Терез подумала, что наверняка не только это его так возмущает. Его возмущал тот факт, что она не была и никогда не сможет быть такой, как ему хотелось бы, — девушкой, страстно в него влюблённой и мечтающей отправиться с ним в Европу. Девушкой такой, какая она есть, с её лицом, её устремлениями, но обожающей его.

— Знаешь, ты не в его вкусе, — сказал он.

— А кто вообще говорил, что я в его вкусе?

Фил?

— Этот прохвост, этот дилетант недоделанный, — пробормотал Ричард. — И у него хватает наглости ораторствовать тут и говорить, что тебе на меня наплевать.

— Он не имеет никакого права так говорить. Я тебя с ним не обсуждаю.

— О, превосходный ответ. То есть если бы ты меня с ним обсуждала, тогда бы он знал, что тебе наплевать, а? — Ричард произнёс это тихо, но голос его дрожал от гнева.

— Что это Фил вдруг против тебя возымел? — спросила она.

— Не в этом дело!

— А в чём же? — она теряла терпение.

— Ой, Терри, давай прекратим.

— Тебе нечего сказать. — Но увидев, как Ричард отвернулся от неё и передвинул локти на стойке бара — так, будто её слова причинили ему почти физическую муку, — она вдруг почувствовала к нему сострадание. Он злился не на то, что происходило сейчас или на прошлой неделе, а на всю предшествовавшую и будущую тщетность своих собственных чувств к ней.

Ричард вдавил сигарету в пепельницу на стойке бара.

— Чем хочешь сегодня заняться? — спросил он.

«Рассказать ему о поездке с Кэрол?» — подумала она. Дважды уже собиралась она это сделать и всё откладывала.

— А ты вообще хочешь заняться хотя бы чем-нибудь? — Она сделала упор на последнее слово.

— Разумеется, — ответил он подавленно. — Что, если нам поужинать и потом позвонить Сэму с Джоан? Может, зайдём к ним сегодня.

— Хорошо. — Она это ненавидела. Двое наискучнейших людей, каких она когда-либо знала, — продавец обувного магазина и секретарша — в счастливом браке на Вест-Двадцатой улице; и она знала, что Ричард хочет на их примере показать ей идеальную жизнь, напомнить, что когда-нибудь и они вдвоём смогут так же жить. Она это ненавидела, и в любой другой вечер, возможно, запротестовала бы, но сострадание к Ричарду всё ещё пребывало в ней, таща за собой аморфный шлейф вины и настоятельную потребность её загладить. Она вдруг вспомнила пикник прошлым летом, у дороги рядом с Тарритауном, вспомнила отчётливо, как Ричард, полулёжа на траве, бесконечно долго возился с пробкой, пытаясь карманным ножом открыть бутылку вина, в то время как они разговаривали… о чём? Но она

помнила момент умиротворения, убеждённость в том, что их объединяет нечто замечательно настоящее и редкое, и теперь гадала, куда оно ушло, на чём держалось. Потому что сейчас даже длинная плоская фигура Ричарда рядом, казалось, давит на неё своим весом. Она попыталась усмирить в себе негодование, но оно лишь обрело внутри неё тяжесть, как нечто материальное. Она посмотрела на двух стоящих у стойки бара коренастых итальянских рабочих и на пару девушек с краю — этих она приметила ещё раньше, а теперь, когда девушки собрались уходить, она увидела, что они в брюках. У одной из них волосы были острижены по-мальчишечьи. Терез отвела взгляд, отдавая себе отчёт в том, что избегает на них смотреть, не хочет, чтобы кто-то заметил, что она на них смотрит.

— Хочешь поесть тут? Ты уже проголодалась? — спросил Ричард.

— Нет. Пойдём в другое место.

Они вышли и направились на север, приблизительно в том направлении, где жили Сэм с Джоан.

Терез репетировала в уме первые слова до тех пор, пока весь их смысл не стёрся.

— Помнишь миссис Эрд — женщину, с которой

ты в тот день познакомился у меня дома?

— Конечно.

— Она пригласила меня с собой в поездку — на запад, машиной, на пару недель примерно. Я хочу поехать.

— На запад? В Калифорнию? — удивлённо спросил Ричард. — Зачем?

— Зачем?

— Ну… ты её настолько хорошо знаешь?

— Мы встречались несколько раз.

— А-а. Ну, ты об этом не говорила. — Ричард шёл рядом, размахивая руками, и смотрел на неё. — Только вы вдвоём?

— Да.

— Когда едете?

— Числа восемнадцатого.

— Этого месяца? Тогда ты не увидишь своего спектакля.

Она покачала головой.

— Вряд ли я так уж много потеряю.

— Значит, это точно?

— Да.

Минуту он молчал.

— Что она за человек? Она ведь не пьёт, ничего такого?

— Нет. — Терез улыбнулась. — А что, она выгля-

дит как пьющая?

— Нет. По правде сказать, я считаю, что выглядит она весьма недурно. Просто это чертовски неожиданно, вот и всё.

— Почему?

— Ты так редко решаешься на что бы то ни было. Наверное, ты ещё передумаешь.

— Вряд ли.

— Может быть, я как-нибудь опять смогу её увидеть, вместе с тобой. Устрой это, а?

— Она сказала, что завтра появится в городе. Не знаю, сколько у неё будет времени в запасе — да и вообще позвонит ли.

Ричард продолжать этот разговор не стал, Терез — тоже. В тот вечер они о Кэрол больше не говорили.

Утро воскресенья Ричард провёл за живописью и пришёл к Терез часа в два. А немного позже, когда он уже был там, позвонила Кэрол. Терез сказала ей, что Ричард у неё, и Кэрол ответила:

— Приводи его с собой.

Она была неподалёку от «Плазы» и предложила встретиться там в «Пальмовом зале».

Полчаса спустя Терез её увидела — Кэрол смотрела на них, сидя за столиком недалеко от центра зала, и почти как в первый раз, словно отголос-

ком мощного удара, при виде её Терез ощутила толчок. На Кэрол был тот же чёрный костюм с зелёно-золотистым платком, что и в день их обеда. Но сейчас Кэрол больше внимания уделяла Ричарду, а не ей.

Они трое разговаривали ни о чём, и Терез, видя спокойствие в только раз обратившихся на неё серых глазах Кэрол, видя вполне обыденное выражение на лице Ричарда, испытала некоторое разочарование. Ричард из кожи вон лез, чтобы встретиться с Кэрол, но теперь Терез подумала, что это было даже не столько из любопытства, сколько оттого, что ему больше нечем было заняться. Она видела, как Ричард смотрит на руки Кэрол, на покрытые лаком ярко-красные ногти; видела, что он заметил кольцо с прозрачно-зелёным сапфиром и обручальное — на другой руке. Он не сможет сказать, что это бесполезные руки, праздные руки — несмотря на маникюр. Они были сильными, движения их — экономными. Её голос всплывал из однообразного гула других голосов вокруг, когда она разговаривала совершенно ни о чём с Ричардом, и один раз она засмеялась.

Кэрол посмотрела на Терез.

— Ты сказала Ричарду, что мы, возможно, по-

едем в путешествие?

— Да. Вчера вечером.

— На запад? — спросил Ричард.

— Я бы хотела поехать на Северо-Запад. Это будет зависеть от дорог.

И внезапно Терез потеряла терпение. Почему они здесь сидят и проводят конференцию на эту тему? Теперь они разговаривали о температурах и о штате Вашингтон.

— Вашингтон — мой родной штат, — сказала Кэрол. — Практически.

Потом, несколько секунд спустя, Кэрол спросила, не хочет ли кто-нибудь прогуляться по парку. Ричард заплатил за пиво и кофе, выудив купюру из смятого комка купюр и мелочь, которая оттопыривала карман его брюк. «Насколько же всё-таки Кэрол ему безразлична», — подумала Терез. Она чувствовала, что он её не видит, как он иногда не видел фигур в горных породах или облаках, когда она пыталась обратить на них его внимание. Теперь он смотрел на стол. Тонкая, небрежная линия его рта чуть изогнулась в полуулыбке — он одёрнул на себе одежду, быстро провёл рукой по волосам.

Прогулочным шагом они вошли в парк через вход на Пятьдесят девятой улице, направились

к зоопарку и сквозь него — дальше. Они прошли под первым мостом над дорожкой — там, где она уходила в сторону, и начинался настоящий парк. Воздух был холоден и тих, небо немного заволокло, и Терез ощущала неподвижность во всём, безжизненный покой даже в их медленно движущихся фигурах.

— Попробовать раздобыть арахиса? — спросил Ричард.

Кэрол присела на корточки у края дорожки, протянув пальцы к белке.

— У меня что-то есть, — тихо ответила она, и белка вздрогнула от звука её голоса, но снова стала двигаться вперёд, обхватила пальцы Кэрол нервной хваткой, вцепилась во что-то зубами и умчалась прочь. Кэрол выпрямилась с улыбкой. — С утра кое-что в кармане осталось.

— Вы кормите белок там, где живёте? — спросил Ричард.

— Белок и бурундуков, — ответила Кэрол.

«О каких пустых вещах они говорят!», — подумала Терез.

Потом они сели на скамейку и выкурили по сигарете, и Терез, наблюдая, как миниатюрное солнце погружает наконец свой оранжевый огонь в корявые чёрные ветки дерева, мечтала,

чтобы уже наступил вечер и она осталась наедине с Кэрол. Они пошли обратно. Если сейчас окажется, что Кэрол нужно возвращаться домой, подумала Терез, она совершит что-нибудь отчаянное. Например, прыгнет с моста на Пятьдесят девятой улице. Или примет три таблетки бензедрина, которые Ричард дал ей на прошлой неделе.

— Люди, хотите где-нибудь выпить чаю? — спросила Кэрол, когда они снова приблизились к зоопарку. — Может быть, в этом русском заведении возле Карнеги-холла?

— «Румпельмайер» прямо здесь, — сказал Ричард. — Вам нравится «Румпельмайер»?

Терез вздохнула. Кэрол тоже, кажется, колебалась. Но они пошли туда. Терез вспомнила, что была там как-то раз с Анджело. Ей не понравилось. Яркий свет вызывал ощущение наготы, и её раздражала невозможность понять, на реального человека ты смотришь или на его отражение в зеркале.

— Нет, я ничего не буду, спасибо, — Кэрол отрицательно покачала головой в сторону огромного подноса с выпечкой в руках официантки.

Но Ричард кое-что выбрал, выбрал два пирожных, хотя Терез отказалась.

— Для чего это — на случай, если я переду-

маю? — спросила она, и Ричард ей подмигнул. Ногти у него снова были грязные, заметила она.

Ричард спросил Кэрол о её машине, и они стали обсуждать достоинства различных марок автомобилей. Терез увидела, как взгляд Кэрол блуждает по столикам впереди неё. «Ей здесь тоже не нравится», — подумала Терез. Она стала пристально вглядываться в человека в зеркале позади Кэрол — зеркало было расположено так, что сразу и не заметишь. Человек сидел спиной к Терез и, подавшись вперёд, увлечённо разговаривал с какой-то женщиной. Для убедительности он дёргал растопыренной левой ладонью. Она посмотрела на тоненькую, средних лет женщину, с которой он разговаривал, потом снова на него, пытаясь понять, реально это смутное ощущение, что она его знает, или это иллюзия, вроде зеркала, пока воспоминание, хрупкое, как мыльный пузырь, не всплыло в её сознании и не лопнуло на поверхности. Это был Хардж.

Терез быстро взглянула на Кэрол, но если Кэрол его и заметила, подумала она, она не знает, что он отражается в зеркале у неё за спиной. Секунду спустя Терез оглянулась через плечо и увидела Харджа в профиль, и этот профиль оказался весьма близок к образу, сохранившемуся

у неё в памяти с той встречи в доме — короткий вздёрнутый нос, массивная нижняя часть лица, редеющие светлые волосы над изгибом залысины. Кэрол должна была его видеть — он сидел всего через три столика налево от неё.

Кэрол перевела взгляд с Ричарда на Терез.

— Да, — чуть улыбнувшись, сказала она и тут же снова повернулась к Ричарду и продолжила беседу.

Она держалась точно как прежде, подумала Терез, в её манере совсем ничего не изменилось. Терез посмотрела на женщину, которая была с Харджем. Немолодая и не очень привлекательная. Возможно, какая-то из его родственниц.

Потом она увидела, как Кэрол гасит длинный окурок. Ричард больше не разговаривал. Они готовы были уходить. Терез смотрела на Харджа в момент, когда тот увидел Кэрол. После первого мимолётного взгляда он сощурился так, что глаза почти закрылись, как будто ему понадобилось прищуриться, чтобы поверить увиденному. Потом он что-то сказал своей спутнице, встал и подошёл к Кэрол.

— Кэрол, — сказал Хардж.

— Здравствуй, Хардж. — Она повернулась к Терез и Ричарду. — Оставите меня на минутку?

Наблюдая от дверей, где она стояла с Ричардом, Терез пыталась увидеть всё сразу, увидеть, что стоит за агрессивной заносчивостью взволнованной, подавшейся вперёд фигуры Харджа, ростом не совсем достающего до верха шляпы Кэрол; увидеть, что кроется за молчаливой уступчивостью, с какой Кэрол кивает в ответ на его слова; угадать не о чём они говорят сейчас, а что сказали друг другу пять лет, три года назад, в день, когда была сделана фотография с лодкой. Когда-то Кэрол его любила, и сейчас об этом приходилось себе напоминать.

— Теперь мы уже можем быть свободны, Терри? — спросил Ричард.

Кэрол на прощание кивнула женщине за столом Харджа и повернулась к Харджу спиной. Хардж направил взгляд мимо Кэрол, на них с Ричардом и, не выказав явного узнавания, вернулся к своему столику.

— Прошу прощения, — сказала Кэрол, подходя к ним.

На улице Терез отвела Ричарда в сторону и сказала:

— Я с тобой попрощаюсь, Ричард. Кэрол хочет, чтобы мы вдвоём навестили её подругу.

— Ой. — Ричард нахмурился. — А у меня билеты

на этот сегодняшний концерт, ну ты знаешь.

Терез вдруг вспомнила.

— Концерт Алекса. Я забыла. Извини.

— Неважно, — мрачно ответил он.

Это и правда было неважно. Друг Ричарда, Алекс, аккомпанировал кому-то в скрипичном концерте и дал Ричарду билеты ещё несколько недель назад, она теперь вспомнила.

— Тебе с ней проводить время приятнее, чем со мной, да? — спросил он.

Терез увидела, что Кэрол ловит такси. Через минуту она покинет их обоих.

— Ты бы мог сказать о концерте утром, Ричард, хотя бы напомнить о нём.

— Это был её муж? — Глаза Ричарда сузились под насупленными бровями. — Что это, Терри?

— Что — что? — ответила она. — Я не знаю её мужа.

Ричард секунду помедлил, после чего хмурость ушла из его взгляда. Он улыбнулся, как бы признавая собственное неблагоразумие.

— Прости. Я просто был уверен, что сегодняшний вечер мы проведём вместе.

Он направился к Кэрол.

— Спокойной ночи, — сказал он.

Было видно, что он собирается уйти один, и

Кэрол предложила:

— Вам в даунтаун? Может быть, я смогу вас подбросить.

— Я пешком, спасибо.

— Я думала, у вас двоих какие-то планы, — сказала Кэрол, обращаясь к Терез.

Терез увидела, что Ричард не торопится уходить, и подошла к Кэрол, туда, откуда он бы не мог услышать.

— Ничего важного. Я лучше останусь с тобой.

К Кэрол подкатило такси. Кэрол взялась за ручку двери.

— Ну, наши планы тоже не так уж важны, так почему бы тебе не провести уже этот вечер с Ричардом?

Терез бросила взгляд на Ричарда и поняла, что он всё слышал.

— Пока, Терез, — сказала Кэрол.

— Спокойной ночи, — выкрикнул Ричард.

— Спокойной ночи, — сказала Терез, глядя, как Кэрол захлопывает за собой дверцу такси.

— Итак… — протянул Ричард.

Терез повернулась к нему. Она не пойдёт на концерт, и ничего отчаянного совершать тоже не станет, она это поняла, — ничего более отчаянного, чем быстрым шагом отправиться домой

и заняться декорацией, которую она хотела закончить ко вторнику для Гаркеви. Она увидела весь свой дальнейший вечер — с гнетущей и в то же время непокорной фатальностью — за ту секунду, которая потребовалась Ричарду, чтобы подойти к ней.

— Всё равно я не хочу идти на концерт, — сказала она.

К её удивлению, Ричард сделал шаг назад, гневно выкрикнул:

— Хорошо, не иди! — и отвернулся от неё.

Он шёл на запад по Пятьдесят девятой улице своей расхлябанной, кособокой походкой, с правым плечом, выступающим вперёд левого, неритмично размахивая по бокам руками, и уже по одной походке она могла понять, что он рассержен. Она глазом не успела моргнуть, как он пропал из виду. В уме пронёсся отказ, полученный в понедельник от Кеттеринга. Она уставилась в темноту, куда сгинул Ричард. У неё не было чувства вины за сегодняшний вечер. Это было что-то другое. Она ему завидовала. Она завидовала его вере в то, что для него всегда найдётся место, дом, работа, человек. Она завидовала этому его мироощущению. Она была им почти возмущена.

13

Ричард это начал.

— Чем она тебе так нравится?

Это был вечер, когда она отменила свидание с ним ради призрачной надежды на то, что к ней придёт Кэрол. Кэрол не пришла, зато пришёл Ричард. И теперь, в пять минут двенадцатого в огромном, с розовыми стенами кафетерии на Лексингтон-авеню она собиралась было начать, но Ричард её опередил.

— Мне нравится быть с ней, мне нравится с ней разговаривать. Мне по душе каждый, с кем можно поговорить. — Фразы из какого-то письма, которое она написала для Кэрол, но так и не отправила, проплывали в сознании как бы для ответа Ричарду. *У меня чувство, что я стою посреди пустыни с простёртыми руками, и ты проливаешься на меня дождём.*

— Да ты чертовски от неё голову потеряла, — объявил Ричард тоном поясняющим и возмущённым одновременно.

Терез набрала в лёгкие воздуха. Не мудрствовать и просто сказать «да» или попытаться объяснить? Что он вообще может понять в этом, даже если она произнесёт миллион слов?

— Она об этом знает? Разумеется, знает. — Ричард сдвинул брови и затянулся сигаретой. — Тебе не кажется, что это довольно неумно? У школьниц бывают такие пылкие увлечения.

— Ты не понимаешь, — сказала она. Она была настолько, настолько уверена в себе! *Я гребнем расчешу тебя, соберу по нотке, как музыку, рассыпавшуюся по кронам всех деревьев в лесу…*

— Что тут понимать? Но она понимает. Она не должна тебе потакать. Она не должна так вот играть с тобой. Это нечестно по отношению к тебе.

— Нечестно по отношению ко мне?

— Что это она делает, забавляется с тобой? А потом в один прекрасный день ты ей надоешь, и она вышвырнет тебя вон.

«Вышвырнет меня вон, — подумала она. — Что такое внутри и что такое вовне? Как можно вышвырнуть вон чувство?» Она злилась, но не хотела спорить. Она ничего не сказала.

— Ты как в дурмане!

— Я в полном сознании. Я никогда не была в более ясном сознании, чем сейчас. — Она взяла в руки столовый нож и стала водить большим пальцем взад-вперёд по краю лезвия у его основания. — Почему ты не оставишь меня в покое?

Он насупился.

— Оставить тебя в покое?

— Да.

— Ты имеешь в виду с Европой тоже?

— Да, — сказала она.

— Послушай, Терри… — Ричард заёрзал на стуле и подался вперёд, помедлил в нерешительности, затем взял ещё одну сигарету, с отвращением прикурил, бросил спичку на пол. — Ты в каком-то трансе! Это хуже…

— Просто потому что я не хочу с тобой спорить?

— Это хуже, чем страдать от любви, потому что лишено какого-либо здравого смысла. Неужели ты этого не понимаешь?

Нет, она не понимала ни слова.

— Но у тебя это пройдёт через какую-нибудь неделю. Я надеюсь. Боже мой! — Он снова нервно дёрнулся. — Допустить… Допустить на минуту, что ты практически хочешь со мной распрощаться из-за какого-то глупого увлечения!

— Я этого не говорила. Ты это сказал. — Она опять посмотрела на него, на его застывшее лицо — впалые щёки начали наливаться краской. — Но с чего мне хотеть быть с тобой, если ты только и делаешь, что споришь обо всём этом?

Он откинулся на спинку стула.

— В среду, в субботу следующую у тебя будет уже совсем другое настроение. Ты с ней и трёх недель не знакома.

Терез посмотрела туда, где на раздаче вдоль пышущих паром лотков с едой, выбирая себе то и это, медленно двигались люди, и затем их, словно течением, сносило к изгибу стойки, где они рассеивались.

— Пожалуй, можно и распрощаться, — сказала она, — потому что ни ты, ни я никогда не изменимся и навсегда останемся такими, какие мы есть сейчас, в эту минуту.

— Терез, ты ведёшь себя, как человек, который настолько сошёл с ума, что считает себя более вменяемым, чем когда-либо.

— О, давай это прекратим!

Стиснутая в кулак рука Ричарда с костяшками, обтянутыми белой веснушчатой кожей, неподвижно лежала на столе, но была воплощением руки, пытавшейся вколотить какой-то тщетный, неслышный аргумент.

— Я тебе одно скажу — я думаю, твоя подруга знает, что делает. Я считаю, что она совершает преступление против тебя. Я уже подумываю, не заявить ли на неё кому-нибудь, но загвоздка в том, что ты не ребёнок. Ты просто ведёшь себя,

как ребёнок.

— Почему ты придаёшь этому такое значение? — спросила она. — Ты практически в исступлении.

— Ты придаёшь этому достаточно значения, чтобы хотеть со мной расстаться! Что ты о ней знаешь?

— А что *ты* о ней знаешь?

— Она с тобой когда-нибудь заигрывала?

— Боже! — сказала Терез. Ей хотелось повторить это десять раз. Этот возглас выражал всё — её заточение сейчас, здесь, всё ещё. — Ты не понимаешь.

Однако он понимал и оттого злился. Но понимал ли он, что она чувствовала бы всё то же самое, если бы Кэрол никогда к ней не прикоснулась? Да, и даже если бы Кэрол так никогда с ней и не заговорила после того короткого диалога в магазине о чемоданчике для куклы. Собственно, если бы Кэрол вовсе никогда с ней не заговорила, потому что всё случилось в тот миг, когда она увидела Кэрол стоящей посреди зала и глядящей на неё. И тут, осознав, сколько всего произошло с момента той встречи, она вдруг почувствовала себя неимоверно везучей. Мужчине и женщине так легко найти друг друга, найти подходящего

человека, но для неё найти Кэрол…

— Думаю, я понимаю тебя лучше, чем ты — меня. Ты на самом деле тоже не хочешь со мной больше встречаться — ты ведь сам сказал, что я уже не та. Если мы продолжим встречаться, ты будешь всё более и более… вот таким.

— Терри, забудь на минуту, что я вообще говорил тебе, что хочу твоей любви или что я люблю тебя. Я имею в виду тебя как личность. Ты мне нравишься. Я бы хотел…

— Я иногда пытаюсь понять, чем, по твоему мнению, я тебе нравлюсь. Или нравилась. Ведь ты меня даже не знаешь.

— Ты сама себя не знаешь.

— Да нет, знаю… И я знаю тебя. В один прекрасный день ты бросишь живопись и вместе с ней — меня. Так же, как ты бросал всё, за что когда-либо брался, насколько я вижу. Химчистку, торговлю подержанными автомобилями…

— Это неправда, — угрюмо буркнул Ричард.

— Но чем, по-твоему, я тебе нравлюсь? Тем, что тоже немного рисую и мы можем об этом поговорить? Да я так же не гожусь тебе в качестве девушки, как живопись — в качестве профессии. — Она минуту поколебалась, потом сказала остальное. — Так или иначе, ты достаточно мно-

го знаешь об искусстве, чтобы понимать — ты никогда не станешь хорошим художником. Ты как маленький мальчик, отлыниваешь, пока это удаётся, с самого начала зная, чем тебе следует заниматься и чем ты в конце концов будешь заниматься — работать на отца.

Голубые глаза Ричарда вдруг сделались холодными. Линия его рта сейчас была прямой и очень короткой, тонкая верхняя губа едва заметно скривилась.

— Но дело-то не совсем в этом, верно?

— Да нет… в этом. Вот так ты цепляешься за что-то, зная, что это безнадёжно и что в конце концов ты опустишь руки.

— Не опущу!

— Ричард, нет смысла…

— Ты ещё передумаешь, вот увидишь.

Она поняла. Это было как песня, которую он всё пел ей и пел без конца.

НЕДЕЛЮ СПУСТЯ Ричард стоял в её комнате с тем же выражением мрачной злобы на лице и говорил тем же тоном. Он позвонил в необычное время — три часа дня — и настоял на короткой встрече с ней. Она в этот момент собирала сумку для поездки к Кэрол на выходные. Если бы она не собиралась к Кэрол, Ричард бы, возможно, был

сейчас совсем в другом настроении, подумала она, потому что она виделась с ним три раза на прошедшей неделе, и он был приятен и обходителен с ней как никогда.

— Ты не можешь просто так взять и выставить меня из своей жизни, — сказал он, выбросив в стороны свои длинные руки, но в его тоне сквозила тоска одиночества, словно он уже начал этот свой путь прочь от неё. — Что меня по-настоящему ранит, так это то, что ты ведёшь себя, будто я ничего не стою, будто я совершенно ни на что не годен. Это нечестно по отношению ко мне, Терри. Я не могу с ней тягаться!

«Нет, — подумала она, — разумеется, он не может».

— Я с тобой не ссорюсь, — сказала она. — Это ты хочешь ссориться из-за Кэрол. Она у тебя ничего не отняла, потому что у тебя этого не было изначально. Но если ты не можешь продолжать со мной встречаться… — Она замолчала, зная, что он сможет и, вероятно, захочет продолжать с ней встречаться.

— Вот же логика, — сказал он, с силой втирая ладонь в глаз.

Терез наблюдала за ним, захваченная только что осенившей её догадкой, которая — она вдруг

поняла — была фактически верной. Почему это не пришло ей в голову в тот вечер в театре, ещё несколько дней назад? Она могла это распознать в сотне жестов, слов, взглядов в течение всей прошедшей недели. Но театральный вечер она запомнила особенно: Ричард преподнёс ей сюрприз — билеты на спектакль, который она очень хотела увидеть, и ей запомнилось, как он в тот вечер держал её за руку, и его голос по телефону, когда он не просто сказал ей прийти на встречу с ним туда-то и туда-то, а спросил очень ласково, сможет ли она. Ей это не понравилось. Это было не проявление любви, а, скорее, способ снискать её расположение, каким-то образом подготовить почву для внезапных вопросов, которые он как бы невзначай в тот вечер задавал:

— В каком смысле она тебе по душе? Ты хочешь с ней переспать?

Терез ответила:

— Думаешь, я бы тебе сказала, если бы это было и так? — в то время как череда стремительно сменяющихся эмоций — униженность, возмущение, гадливость к нему — лишили её дара речи, сделали почти невозможным идти с ним рядом. И бросая на него взгляд, она всякий раз натыкалась на эту умильную, бессмысленную улыбку,

которая теперь, возникнув в памяти, казалась жестокой и нездоровой. И эта нездоровость могла бы от неё ускользнуть, подумала она, если б не столь откровенные попытки Ричарда убедить её в том, что нездорова она.

Терез повернулась и кинула в дорожную сумку зубную щётку с расчёской, потом вспомнила, что у неё есть зубная щётка в доме Кэрол.

— Чего именно ты от неё хочешь, Терез? К чему всё это должно привести?

— Почему тебя это так интересует?

Он смотрел на неё в упор, и на мгновение за его злостью она увидела пристальное любопытство, которое замечала и раньше, — словно он подглядывал в замочную скважину за какой-то сценой. Но она знала, что он не настолько отстранён от происходящего. Напротив, она чувствовала, что сейчас он привязан к ней как никогда и как никогда полон решимости за неё бороться. Её это пугало. Она могла себе представить, как решимость перерастает в ненависть и насилие.

Ричард вздохнул и скрутил в руках газету.

— Меня интересуешь *ты*. Ты не можешь мне просто сказать: «Найди себе другую». Я никогда не обходился с тобой так, как с другими. Никогда не думал о тебе так.

Она не ответила.

— Чёрт! — Ричард швырнул газету в этажерку с книгами и отвернулся от Терез.

Газета зацепила Мадонну, та качнулась назад, словно в изумлении, и, ударившись о стену, опрокинулась и скатилась с полки. Ричард бросился вперёд и на лету поймал её обеими руками. Он посмотрел на Терез и непроизвольно улыбнулся.

— Спасибо. — Терез забрала у него Мадонну, подняла её, чтобы поставить обратно на полку, затем резко опустила руки и с размаху грохнула статуэтку об пол.

— Терри!

Мадонна лежала, расколотая на три или четыре фрагмента.

— Ничего, — проговорила она. Сердце её колотилось, как в гневе, как в схватке.

— Но…

— Чёрт с ней! — сказала она, ногой в туфле оттолкнув осколки в сторону.

Ричард ушёл секунду спустя, хлопнув дверью.

Что это её так довело, спрашивала себя Терез, — история с Андроничем или Ричард? Секретарша мистера Андронича позвонила примерно за час до этого и сообщила, что мистер Андронич решил вместо неё нанять ассистента из Филадельфии.

Так что эта работа не будет её здесь дожидаться, когда она вернётся из поездки с Кэрол. Терез опустила взгляд на разбитую Мадонну. Дерево изнутри было весьма красиво. Оно раскололось ровно по линии волокон.

В ТОТ ВЕЧЕР КЭРОЛ ПОДРОБНО расспросила её о разговоре с Ричардом. Терез была немного раздражена тем, что Кэрол так беспокоится, не обиделся ли он.

— Ты не привыкла думать о чувствах других людей, — без обиняков сказала Кэрол.

Они были в кухне, готовили поздний ужин, потому что Кэрол на вечер отпустила горничную.

— Какая у тебя есть реальная причина думать, что он в тебя не влюблён? — спросила Кэрол.

— Возможно, я просто не понимаю, как он устроен. Но не похоже это на любовь.

Потом, посреди ужина, посреди разговора о поездке, Кэрол неожиданно заметила:

— Тебе вообще не следовало говорить с Ричардом.

Терез сейчас впервые заговорила с ней на эту тему, пересказала что-то из того первого разговора с Ричардом в кафетерии.

— Почему? Лучше было бы солгать?

Кэрол не ела. Она отодвинула стул и встала

из-за стола.

— Ты слишком молода, чтобы знать, чего хочешь. Или о чём говоришь. Да, в данном случае — солгать.

Терез опустила вилку. Она смотрела, как Кэрол берёт сигарету и прикуривает.

— Я должна была с ним проститься и простилась. Я это сделала. Больше я с ним не увижусь.

Кэрол открыла дверцу внизу книжного шкафа и вытащила бутылку. Она налила немного в пустой бокал и громко захлопнула дверцу.

— Почему ты это сделала сейчас? Почему не два месяца назад или не двумя месяцами позже? И почему ты упоминала меня?

— Я знаю… Мне кажется, его это страшно занимает.

— Вероятно, да.

— Но если я просто-напросто с ним больше не увижусь… — Она не смогла закончить — сказать о том, что он не способен её преследовать, шпионить за ней. Она не хотела говорить Кэрол таких вещей. И кроме того, она помнила его глаза. — Я думаю, он отступится. Он сказал, что не может с тобой тягаться.

Кэрол хлопнула себя ладонью по лбу.

— Не может тягаться, — повторила она. Она

вернулась к столу и перелила немного воды из своего стакана в бокал с виски. — Как верно. Доедай. Может быть, я делаю из мухи слона, не знаю.

Но Терез не пошевелилась. Она поступила неправильно. И в самом лучшем случае, даже поступая правильно, она не сможет дать Кэрол того счастья, которое даёт ей Кэрол, подумала она, как уже сто раз до этого думала. Кэрол бывала счастлива лишь изредка, моментами, которые Терез ловила и сохраняла. Один из них случился в вечер, когда они убирали рождественские украшения — Кэрол тогда сложила гармошкой цепочку ангелов и сунула её в книгу между страниц.

— Я их сохраню, — сказала она. — Под защитой двадцати двух ангелов я не смогу проиграть.

Теперь Терез посмотрела на Кэрол, и хотя та за ней наблюдала, она делала это сквозь пелену своих мыслей, пелену, которую Терез так часто видела, которая разделяла их, как пропасть.

— Реплики, — сказала Кэрол. — Я не могу тягаться. Люди рассуждают о классике. Эти реплики — классические. Сотня разных людей произносит одни и те же слова. Есть реплики для матери, реплики для дочери, для мужа и любовника.

Лучше б ты умерла у меня на глазах. Одна и та же пьеса в исполнении разных актёрских составов. Что, говорят, определяет пьесу как классическое произведение, Терез?

— Классическое произведение… — Её голос звучал напряжённо и сдавленно. — Классическое произведение — это нечто, содержащее типичную человеческую ситуацию.

КОГДА ТЕРЕЗ ПРОСНУЛАСЬ, солнце было в её комнате. Она минутку полежала, наблюдая за колеблющимися на бледно-зелёном потолке водянистыми солнечными бликами; прислушалась, пытаясь уловить хоть какие-нибудь звуки в доме. Её блузка свешивалась с края бюро. Почему она так неаккуратна в доме Кэрол? Кэрол этого не любит. Живущий где-то за гаражами пёс лаял с перерывами, вполсилы. Был один приятный эпизод накануне вечером — телефонный звонок от Ринди. Ринди, вернувшейся с чьего-то дня рождения, в полдесятого. Можно она пригласит гостей на свой день рождения в апреле? Разумеется, сказала Кэрол. После этого Кэрол стала другой. Она говорила о Европе, о летнем отдыхе в Рапалло.

Терез встала и подошла к окну, подняла створку повыше и оперлась на подоконник, сжавшись от холода. Нигде не было таких утр, как за этим

окном. В траве на круглой клумбе за подъездной аллеей, как рассыпанные золотые иглы, лежали пики солнечного света. Солнце искрилось на влажных листьях живой изгороди, и небо было — свежая сплошная синева. Она посмотрела на участок подъездной аллеи, где в то утро была Абби, и на кусочек белого забора за кустами, отмечающими конец лужайки. Земля казалась живой и юной, хоть зима и окрасила траву в коричневый цвет. Вокруг школы в Монклере были деревья и живая изгородь, но зелень неизменно оканчивалась либо частью кирпичной стены, либо серым каменным зданием, каким-нибудь из школьных корпусов — медпунктом, дровяным сараем, инструментальной кладовой — и каждую весну зелень казалась уже старой, подержанной, будто она передавалась от одного поколения детей следующему — такой же школьный атрибут, как учебники и форма.

Терез надела привезённые из дому клетчатые брюки и рубашку, одну из оставленных здесь раньше, теперь выстиранную. Было двадцать минут девятого. Кэрол любила вставать примерно в полдевятого, любила, чтобы её будили чашкой кофе, хотя Терез заметила, что она никогда не поручала этого Флоренс.

Когда она спустилась, Флоренс уже была в кухне, но только начала делать кофе.

— Доброе утро, — сказала Терез. — Вы не возражаете, если я приготовлю завтрак?

Флоренс не возражала два предыдущих раза, когда приходила в кухню и заставала там Терез за приготовлением завтрака.

— Пожалуйста, мисс, — ответила Флоренс. — Я только пожарю себе яичницу. Вы любите всё делать для миссис Эрд сами, не правда ли? — сказала она утвердительным тоном.

Терез в этот момент доставала из холодильника два яйца.

— Да, — улыбнулась она и опустила одно из них в едва начавшую нагреваться воду. Её ответ прозвучал довольно односложно, но что ещё она могла ответить? Подготовив поднос для завтрака и снова обернувшись, она увидела, что Флоренс опустила в воду второе яйцо. Терез вытащила его оттуда пальцами. — Она хочет только одно, — сказала Терез. — Это яйцо — для моего омлета.

— Да? Она всегда ела два.

— Ну… а теперь не ест, — ответила Терез.

— В любом случае, разве не следует засечь время для этого яйца, мисс? — Флоренс одарила её приятной профессиональной улыбкой. — Вот

таймер, сверху на плите.

Терез отрицательно покачала головой.

— Получается лучше, когда я делаю на глазок. — Она ещё ни разу не ошиблась с яйцом для Кэрол. Кэрол любила, чтобы оно было чуть более крутым, чем выходило по таймеру. Терез посмотрела на Флоренс — та сейчас колдовала над двумя яйцами, которые жарились на сковородке. Кофе почти полностью процедился. Терез в тишине подготовила чашку, чтобы отнести наверх к Кэрол.

Позднее тем же утром Терез помогла Кэрол занести внутрь белые железные стулья и качели с лужайки позади дома. С Флоренс это было бы проще, сказала Кэрол, но она послала Флоренс на рынок, после чего ей вдруг вздумалось занести мебель в дом. Это была идея Харджа — оставить всё снаружи на целую зиму, сказала Кэрол, но ей это зрелище казалось гнетущим. В конце концов только один стул остался стоять у круглого фонтана — чопорный стульчик белого металла с вогнутым сиденьем и четырьмя кружевными ножками. Терез посмотрела на него, и ей стало интересно, кто на нём сидел.

— Жаль, что так мало пьес, в которых действие происходит под открытым небом, — сказала

Терез.

— О чём ты первым делом думаешь, когда берёшься за декорацию? — спросила Кэрол. — С чего начинаешь?

— С настроения пьесы, наверное. Что ты имеешь в виду?

— Ты думаешь о том, что это за пьеса, или о чём-то, что тебе хочется видеть?

Одно из замечаний мистера Донохью мелькнуло в голове у Терез, вызвав смутно неприятное ощущение. Кэрол сегодня была настроена спорить.

— Мне кажется, ты твёрдо решила считать меня дилетантом, — сказала Терез.

— Мне кажется, ты довольно субъективна. Это дилетантский подход, нет?

— Не всегда. — Но она понимала, что Кэрол имеет в виду.

— Нужно очень много знать, чтобы быть абсолютно субъективной, верно? В тех вещах, которые ты мне показала, мне кажется, ты чересчур субъективна… без достаточного владения предметом.

Терез сжала в карманах кулаки. Она так надеялась, что Кэрол понравятся её работы, понравятся безоговорочно. Её ужасно обидело, что у Кэрол

ни малейшей симпатии не вызвали те несколько макетов, которые она ей показала. Кэрол, строго говоря, в этом ничего не смыслила и вместе с тем могла разгромить декорацию одной фразой.

— Я думаю, тебе полезен будет взгляд на Запад. Когда, ты говоришь, тебе нужно вернуться? В середине февраля?

— Собственно, теперь уже нет… Я узнала об этом только вчера.

— В каком смысле? Сорвалось? Работа в Филадельфии?

— Они мне позвонили. Хотят кого-то местного.

— Ох, малыш. Как жаль…

— А, ничего не поделаешь, такая профессия, — сказала Терез. Рука Кэрол лежала сзади на её шее, большим пальцем Кэрол водила у неё за ухом — так же точно она могла бы ласкать собаку.

— Ты не собиралась мне рассказывать.

— Собиралась.

— Когда?

— Как-нибудь в поездке.

— Ты очень огорчена?

— Нет, — твёрдо ответила Терез.

Они разогрели последнюю чашку кофе, вышли с ней к белому стулу на лужайке и вместе выпили.

— Поедем куда-нибудь, пообедаем? — спросила Кэрол. — Поехали в клуб. Потом мне нужно будет сделать кое-какие покупки в Ньюарке. Как ты отнесёшься к жакету? Ты бы хотела твидовый жакет?

Терез сидела на бортике фонтана, с одной ладонью, прижатой к уху, потому что оно болело от холода.

— Он мне не особенно нужен, — сказала она.

— Но мне бы особенно хотелось тебя в нём видеть.

Терез переодевалась наверху, когда раздался телефонный звонок. Она услышала голос Флоренс:

— О, доброе утро, мистер Эрд. Да, я сейчас же её позову.

Терез пересекла комнату и закрыла дверь. Она беспокойно начала приводить комнату в порядок — повесила одежду в стенной шкаф и разгладила уже застеленную постель. Потом в дверь постучала Кэрол и просунула внутрь голову.

— Хардж подъедет через пару минут. Не думаю, что он долго пробудет.

Терез не хотела с ним встречаться.

— Мне пойти погулять?

Кэрол улыбнулась.

— Нет. Оставайся здесь и почитай книгу, если

хочешь.

Терез взяла купленную накануне «Оксфордскую книгу английского стиха» и попыталась читать, но слова стояли перед глазами бессвязные и лишённые смысла. У неё было муторное ощущение, что она прячется, поэтому она пошла к двери и открыла её.

Кэрол как раз выходила из своей комнаты, и на мгновение Терез увидела выражение нерешительности на её лице, то же, что было в момент, когда Терез впервые переступила порог этого дома. Затем Кэрол сказала:

— Спустись.

Автомобиль Харджа подъехал к дому, когда они заходили в гостиную. Кэрол направилась к двери, и Терез услышала, как они здороваются: Кэрол — всего лишь приветливо, однако Хардж — очень оживлённо. Кэрол вернулась в комнату с длинной коробкой цветов в руках.

— Хардж, это мисс Беливет. По-моему, вы с ней как-то уже встречались, — сказала Кэрол.

Глаза Харджа чуть сузились, затем широко раскрылись.

— А, да. Добрый день!

— Добрый день!

Вошла Флоренс, и Кэрол отдала ей цветочную

коробку.

— Поставите их куда-нибудь? — попросила она.

— О, вот она, эта трубка. Так я и думал. — Хардж протянул руку за плющ на каминной полке и извлёк оттуда трубку.

— Дома всё хорошо? — спросила Кэрол, садясь с краю дивана.

— Да. Очень. — Хардж улыбался натянуто, не показывая зубов, но его лицо и быстрые повороты головы излучали добродушие и довольство собой. С собственническим наслаждением наблюдал он за тем, как Флоренс внесла в комнату цветы — красные розы — в вазе и поставила их на журнальный столик перед диваном.

Терез вдруг пожалела, что никогда не дарила Кэрол цветов, ни по одному из полудюжины упущенных поводов, и вспомнила цветы, которые как-то раз принёс ей Дэнни, просто заскочив в театр. Она посмотрела на Харджа, и тот быстро отвёл взгляд, приподняв изломанную бровь ещё выше обычного. Он рыскал глазами повсюду, словно пытаясь обнаружить в комнате какие-нибудь мелкие изменения. Но всё это, возможно, притворство, подумала Терез, весь этот его жизнерадостный вид. И если ему настолько небез-

различно производимое им впечатление, что он решил притворяться, значит, и Кэрол должна в каком-то смысле быть ему небезразлична.

— Можно я возьму одну для Ринди? — спросил Хардж.

— Конечно. — Кэрол встала и хотела было отломить цветок, но Хардж сделал шаг вперёд, приставил к стеблю лезвие ножика, и цветок остался у него в руке. — Они очень красивые. Спасибо, Хардж.

Хардж поднёс цветок к носу. Обращаясь одновременно к Кэрол и к Терез, он сказал:

— Сегодня прекрасный день. Собираетесь проехаться?

— Да, собирались, — ответила Кэрол. — Кстати, я бы хотела подъехать к вам как-нибудь днём на следующей неделе. Возможно, во вторник.

Хардж на секунду задумался.

— Хорошо. Я ей скажу.

— С ней я поговорю по телефону. Я имела в виду, скажи своим родным.

Хардж коротко и молча кивнул в знак согласия, затем посмотрел на Терез.

— Да, я вас помню. Конечно. Вы были здесь недели три назад. Перед Рождеством.

— Да. Как-то в воскресенье. — Терез встала.

Она хотела оставить их наедине. — Я пойду наверх, — обратилась она к Кэрол. — До свидания, мистер Эрд.

Хардж сделал лёгкий поклон.

— До свидания.

Поднимаясь по лестнице, она услышала, как Хардж произнёс:

— Ну что ж, мои наилучшие пожелания, Кэрол. Мне хочется это сказать. Ты не против?

У Кэрол день рождения, подумала Терез. Разумеется, Кэрол не стала бы ей об этом говорить.

Она закрыла дверь и оглядела комнату, поймав себя на том, что ищет хоть какого-нибудь свидетельства тому, что провела здесь ночь. Ничего не было. Она остановилась перед зеркалом и минуту смотрела на себя исподлобья. Она была не так бледна, как три недели назад, когда её увидел Хардж; она не чувствовала себя тем поникшим, напуганным существом, с которым он тогда познакомился. Она вытащила из верхнего ящика свою сумку и достала из неё помаду. Потом услышала стук в дверь — это был Хардж — и задвинула ящик.

— Войдите.

— Извините. Мне нужно кое-что взять. — Быстрым шагом он пересёк комнату, прошёл в ванную

и вышел оттуда, улыбаясь, с бритвенным станком в руке. — Вы ведь были с Кэрол в ресторане в прошлое воскресенье, да?

— Да, — ответила Терез.

— Кэрол сказала, что вы занимаетесь сценографией.

— Да.

Он перевёл взгляд с её лица на руки, потом — на пол и снова — на лицо.

— Надеюсь, вы проследите за тем, чтобы Кэрол почаще выбиралась из дому, — сказал он. — Вы кажетесь молодой и энергичной. Заставляйте её хотя бы немного ходить.

Затем он проворно вышел из комнаты, оставив по себе едва уловимый аромат мыла для бритья. Терез бросила помаду на кровать и вытерла ладони о юбку. Она пыталась понять, почему Харджа дал себе труд поставить её в известность о том, что принимает их с Кэрол совместное времяпрепровождение как нечто само собой разумеющееся.

— Терез! — неожиданно позвала Кэрол. — Спустись!

Кэрол сидела на диване. Харджа не было. Она посмотрела на Терез с лёгкой улыбкой. Потом вошла Флоренс, и Кэрол сказала:

— Флоренс, можете унести их куда-нибудь в другое место. Поставьте их в столовую.

— Да, мэм.

Кэрол подмигнула Терез.

Никто не пользовался столовой, Терез знала. Кэрол предпочитала есть где угодно, только не там.

— Почему ты мне не сказала, что у тебя день рождения? — спросила Терез.

— А! — Кэрол рассмеялась. — У меня не день рождения. У меня годовщина свадьбы. Бери пальто и пойдём.

Когда они задним ходом выезжали с дорожки у дома, Кэрол сказала:

— Если я чего не переношу, так это ханжей.

— Что он сказал?

— Ничего сколь-нибудь важного. — Кэрол по-прежнему улыбалась.

— Но ты сказала, что он ханжа.

— Par excellence[14].

— Разыгрывает всё это благодушие?

— О… далеко не одно это.

— Он что-нибудь сказал обо мне?

— Сказал, что ты, судя по всему, милая де-

---

[14] notes: 14
Образцовый *(фр.)*.

вушка. Это новость? — Кэрол нажала на газ, и автомобиль рванул по узкой дороге к деревне. — Он сказал, что развод займёт недель на шесть больше, чем мы предполагали, из-за какой-то дополнительной канцелярской волокиты. Это новость. Он взял себе в голову, что я тем временем могу передумать. Ханжество. По-моему, ему нравится дурачить самого себя.

Интересно, думала Терез, жизнь, человеческие отношения — всегда такие? Никогда нет твёрдой почвы под ногами. Всегда как будто гравий, немного уходящий из-под ног, шумный, чтобы целый свет мог слышать, чтобы сам человек тоже всегда прислушивался в ожидании громкого, грубого шага незваного гостя.

— Кэрол, а я ведь так и не забрала тот чек, ты знаешь, — вдруг заметила Терез. — Я засунула его под скатерть на столике у кровати.

— Почему ты об этом вспомнила?

— Не знаю. Хочешь, чтобы я его порвала? Я хотела было в тот вечер.

— Если ты настаиваешь, — ответила Кэрол.

14

Терез опустила взгляд на большую картонную коробку.

— Я не хочу это брать. — Руки её были полностью заняты. — Я могу сказать миссис Осборн, чтобы она забрала оттуда еду, а остальное пусть остаётся здесь.

— Бери, — сказала Кэрол, выходя за дверь. Она понесла вниз оставшуюся мелочь — книги и жакеты, которые Терез в последнюю минуту решила взять с собой.

Терез вернулась наверх за коробкой. Час назад её принёс посыльный — множество бутербродов в вощёной бумаге, бутылка ежевичного вина, кекс и коробка с белым платьем, которое обещала ей миссис Семко. Ричард к этой посылке не имел никакого отношения, она знала, иначе в ней была бы ещё книга или дополнительная записка.

Платье, которое она решила с собой не брать, так и лежало на диване, угол ковра был загнут, но Терез не терпелось поскорее оттуда отбыть. Она захлопнула дверь и поспешила вниз по лестнице с коробкой в руках, мимо квартиры Келли, которые были на работе, мимо двери миссис Осборн. Она оплатила аренду за следующий месяц и попрощалась с миссис Осборн час назад.

Терез уже закрывала дверь автомобиля, когда миссис Осборн окликнула её с крыльца.

— Телефон! — крикнула миссис Осборн, и Терез

нехотя выбралась из машины, думая, что это Ричард.

Это был Фил Мак-Элрой. Он звонил расспросить её о вчерашнем собеседовании с Гаркеви. О собеседовании она рассказала Дэнни накануне вечером, когда они вместе ужинали. Работу Гаркеви ей не пообещал, но сказал, чтобы она не пропадала, и Терез чувствовала, что это не пустые слова. Он согласился с ней встретиться за кулисами в театре, где руководил постановкой декораций для «Зимнего городка». Из её макетов он отобрал три и очень внимательно их рассмотрел: один забраковал как несколько безжизненный, указал на некоторую непрактичность второго, а больше всего ему понравилась декорация, изображающая нечто вроде зала — Терез начала её делать в тот вечер, когда впервые вернулась от Кэрол. Гаркеви был первым человеком, кто всерьёз отнёсся к её менее консервативным работам. Она тут же позвонила Кэрол и рассказала ей о встрече. Филу она рассказала о собеседовании с Гаркеви, но ни словом не обмолвилась о том, что работа с Андроничем провалилась. Она сделала это сознательно — ей не хотелось, чтобы об этом стало известно Ричарду. Терез попросила Фила сообщить ей, какой следующий спектакль

будет оформлять Гаркеви, потому что тот сказал, что пока выбирает между двумя пьесами. Если он остановится на английской пьесе, о которой говорил вчера, то вероятнее возьмет Терез к себе в ученицы.

— У меня пока нет адреса, который я могла бы тебе дать, — сказала Терез. — Я знаю, что мы будем в Чикаго.

Фил ответил, что может послать ей туда письмо до востребования.

— Ричард? — спросила Кэрол, когда она вернулась.

— Нет. Фил Мак-Элрой.

— Значит, Ричард так и не объявлялся?

— Последние несколько дней — нет. Сегодня утром прислал телеграмму. — Терез помедлила в нерешительности, затем достала телеграмму из кармана и прочла. — «Я НЕ ИЗМЕНИЛСЯ. ТЫ ТОЖЕ. НАПИШИ МНЕ. Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ. РИЧАРД».

— Я думаю, ты должна ему позвонить, — сказала Кэрол. — Позвони от меня.

Они собирались переночевать у Кэрол и выехать рано утром.

— Наденешь вечером это платье? — спросила Кэрол.

— Я его примерю. Оно выглядит как свадебное.

Терез надела платье перед самым ужином. Оно доходило ей почти до щиколоток и стягивалось на спине длинными хвостами белого пояса, который спереди был пристрочен и расшит. Она спустилась показаться Кэрол. Кэрол была в гостиной, писала письмо.

— Смотри, — улыбнулась Терез.

Кэрол долго на неё смотрела, потом подошла и внимательно стала изучать вышивку на талии.

— Это музейный экспонат. Ты выглядишь очаровательно. Останься в нём на вечер, ладно?

— Такая искусная работа. — Терез не хотела в нём оставаться, потому что оно напоминало ей о Ричарде.

— Что это, чёрт возьми, за стиль такой? Русский?

Терез рассмеялась. Ей нравилось, как ругается Кэрол — всегда походя и когда никто больше не слышит.

— Да? — повторила Кэрол.

Терез поднималась по лестнице:

— Что — «да»?

— Откуда у тебя эта манера не отвечать на вопросы? — требовательно, внезапно резким от негодования голосом спросила Кэрол.

Глаза её гневно белели — как в тот раз, когда

Терез отказалась играть на рояле. И сейчас её рассердил такой же пустяк.

— Извини, Кэрол. Я, похоже, тебя не услышала.

— Валяй, — сказала Кэрол, отворачиваясь. — Иди, снимай его.

Это всё тоже из-за Харджа, подумала Терез. Она минуту помедлила в замешательстве, потом пошла наверх. Она развязала пояс и ленты на рукавах, глянула на себя в зеркало и снова всё завязала. Если Кэрол хочет, чтобы она осталась в платье, она в нём останется.

Они приготовили ужин сами, потому что у Флоренс уже начался трёхнедельный отпуск. Открыли какие-то особенные банки с чем-то, что, сказала Кэрол, она приберегала, а перед самым ужином смешали в шейкере бренди с мятным ликёром. Терез думала, что то настроение у Кэрол прошло, но когда она стала наливать себе второй бокал коктейля, Кэрол коротко обронила:

— Думаю, тебе больше не нужно.

И Терез подчинилась, с улыбкой. А настроение у Кэрол всё не менялось. Что бы Терез ни сказала и ни сделала, ничего не помогало. И Терез во всём винила платье, которое сковывало её мысли, не давало придумать правильные слова. После ужина, с каштанами в бренди и кофе они поднялись

на крыльцо, но в полутьме разговаривали ещё меньше, и Терез чувствовала лишь сонливость и изрядную подавленность.

Наутро на заднем крыльце Терез обнаружила бумажный пакет. Внутри была игрушечная серо-белая меховая обезьянка. Терез показала её Кэрол.

— Боже мой, — тихо проговорила Кэрол и заулыбалась. — Джакопо.

Она взяла обезьянку и указательным пальцем потрепала её по грязноватой белой щеке.

— Когда-то он у нас с Абби катался на заднем сиденье машины, — сказала Кэрол.

— Это Абби его привезла? Вчера вечером?

— Думаю, да. — Кэрол продолжила путь к машине, с обезьянкой и чемоданом.

Терез вспомнила, как прошлой ночью очнулась от дремоты на качелях, проснулась в абсолютной тишине, и Кэрол сидела там во тьме, глядя прямо перед собой. Кэрол должна была слышать подъехавший автомобиль.

Терез помогла Кэрол уложить чемоданы и плед в багажник.

— Почему она не зашла? — спросила Терез.

— О, это Абби, — улыбнулась Кэрол, и в лице мелькнуло смущение, всегда так удивлявшее

Терез. — Ну что, пойдёшь позвонишь Ричарду?

Терез вздохнула.

— Сейчас всё равно не получится. Он уже ушёл из дому. — Времени было восемь сорок, а занятия у него начинались в девять.

— Так позвони его родным. Разве ты не собираешься поблагодарить их за посылку?

— Я думала им написать.

— Позвони сейчас, и тебе не придётся писать письмо. Позвонить — гораздо вежливее в любом случае.

На звонок ответила мать Ричарда. Терез расхвалила платье и мастерство миссис Семко, а также поблагодарила за всю еду и вино.

— Ричард только что ушёл, — сказала миссис Семко. — Ему будет ужасно одиноко. Он уже слоняется в тоске. — Но она рассмеялась своим темпераментным, на высоких тонах, смехом, наполнившим кухню, в которой она — Терез это знала — сейчас стоит; смехом, прозвеневшим по всему дому и даже наверху, в пустой комнате Ричарда.

— У вас с Ричардом всё хорошо? — спросила миссис Семко с едва уловимой тенью подозрительности в голосе, хотя Терез знала, что она всё ещё улыбается.

Терез ответила «да». И пообещала писать. Когда всё закончилось, она почувствовала себя лучше оттого, что позвонила.

Кэрол спросила, закрыла ли она окно у себя наверху, и Терез поднялась проверить, потому что не помнила. Окно оказалось открытым, постель — неубранной, но теперь уж было некогда. Флоренс сможет привести в порядок постель, когда придёт в понедельник запереть дом.

Спустившись, Терез застала Кэрол на телефоне. Кэрол с улыбкой подняла на неё взгляд и протянула трубку. С первого же звука Терез поняла, что это Ринди.

— … у… м-м-м… мистера Байрона. Это ферма. Мама, ты когда-нибудь там была?

— Где это, золотце? — спросила Кэрол.

— У мистера Байрона. У него лошади. Но тебе бы они не понравились.

— Вот как. Почему?

— Ну, они грузные.

В пронзительно-высоком, довольно безэмоциональном голосе Терез пыталась уловить хоть какое-нибудь сходство с голосом Кэрол, но не могла.

— Аллё! — сказала Ринди. — Мама?

— Я здесь.

— Я должна с тобой попрощаться. Папочка готов уходить. — И она закашлялась.

— У тебя кашель? — спросила Кэрол.

— Нет.

— Тогда не кашляй в трубку.

— Если бы ты могла взять меня с собой в поездку…

— Да вот не могу, потому что ты учишься. Но мы этим летом ещё с тобой поездим.

— Но ты мне всё равно сможешь звонить?

— Из поездки? Конечно. Буду звонить. Каждый день. — Кэрол взяла телефон и уселась с ним поудобнее, но продолжала наблюдать за Терез всё то время, пока разговаривала, ещё с минуту.

— У неё такой серьёзный голос, — сказала Терез.

— Она мне рассказывала во всех подробностях о своём вчерашнем большом дне. Хардж позволил ей прогулять школу.

Терез вспомнила, что Кэрол виделась с Ринди позавчера. Из того, что Кэрол рассказала ей по телефону, Терез поняла, что это была несомненно приятная встреча, но Кэрол не упоминала никаких подробностей, и Терез не стала расспрашивать.

Когда они уже совсем собрались выезжать,

Кэрол решила в последний раз позвонить Абби. Терез побрела обратно в кухню, потому что сидеть в машине было слишком холодно.

— Я не знаю никаких маленьких городков в Иллинойсе, — говорила Кэрол. — Почему Иллинойс?.. Хорошо, Рокфорд… Я запомню — буду думать о рокфоре… Разумеется, я буду его беречь. Зря ты не зашла, бестолочь… Что ж, ты заблуждаешься, очень заблуждаешься.

Терез отхлебнула кофе из стоящей на кухонном столе недопитой чашки Кэрол — с той стороны, где был след от помады.

— Ни слова, — подчёркнуто растягивая слова, произнесла Кэрол. — Никто, насколько мне известно, даже Флоренс… Ладно, так и договоримся, дорогая. Ну, всего тебе!

Пять минут спустя они выезжали из городка, где жила Кэрол, по шоссе, отмеченному на карте маршрута красным — шоссе, по которому они будут ехать до Чикаго. Небо было сплошь затянуто облаками. Терез оглядывала уже знакомые ей сельские окрестности — рощицу слева, там, где проходит дорога на Нью-Йорк; высокий флагшток вдалеке — им отмечен клуб, к которому принадлежит Кэрол.

Терез чуть приспустила стекло со своей сторо-

ны, и воздух тонкой струйкой проник в машину. Он был холоднющий, и печка приятно грела лодыжки. Часы на приборной панели показывали без четверти десять, и она вдруг подумала о людях, работающих во «Франкенберге», запертых там без четверти десять утра — этим утром, и завтрашним, и тем, что придёт после него, со стрелками часов, контролирующими каждое их движение. Но стрелки часов на приборной панели для них с Кэрол сейчас не значили ничего. Они будут спать или бодрствовать, ехать или оставаться на месте, когда им заблагорассудится. Она подумала о миссис Робичек, которая в эту минуту продавала свитера на третьем этаже, начиная свой очередной год в магазине, свой пятый год.

— Что ты так притихла? — спросила Кэрол. — Что случилось?

— Ничего. — Ей не хотелось разговаривать. И в то же время у неё было чувство, будто тысячи слов забили горло и не дают дышать, и, возможно, только расстояние, тысячи миль, смогут их упорядочить. Возможно, она подавилась самой свободой.

Где-то в Пенсильвании они проехали кусок дороги, бледно освещённый солнечным светом, словно в небе была пробоина, но к полудню по-

шёл дождь. Кэрол выругалась, однако звук дождя — неровная барабанная дробь по ветровому стеклу и крыше — был приятен слуху.

— Знаешь, что я забыла? — сказала Кэрол. — Плащ. Нужно будет купить где-нибудь.

И Терез вдруг вспомнила, что не взяла с собой книгу, которую сейчас читает. А из неё с обеих сторон торчит вложенный между страниц листок — письмо к Кэрол. Чёрт. Книга лежала отдельно от других, и поэтому Терез о ней забыла и оставила на столике у кровати. Только бы Флоренс не вздумала в неё заглянуть. Терез пыталась вспомнить, называла ли она Кэрол по имени в письме, и не могла. И чек. Она и его забыла порвать.

— Кэрол, ты забрала тот чек?

— Тот, что я тебе дала? Ты ведь сказала, что порвёшь его.

— Я этого не сделала. Он так и остался под скатертью.

— Ладно, это неважно, — ответила Кэрол.

Когда они остановились заправиться, Терез хотела было в продуктовом магазине у заправки купить стаут, который Кэрол иногда любила выпить, но в магазине было только пиво. Она купила одну банку, потому что Кэрол к пиву была равнодушна. Потом они съехали с шоссе

на узкую дорогу, остановились и открыли коробку с бутербродами, которые упаковала для них мать Ричарда. Ещё там был солёный огурец, сыр моцарелла и пара крутых яиц. Терез забыла попросить в магазине открывалку и теперь не могла открыть пиво, но в термосе был кофе. Она поставила банку с пивом на пол под заднее сиденье.

— Икра. До чего же это мило с их стороны, — сказала Кэрол, заглядывая внутрь бутерброда. — Ты любишь икру?

— Нет. Хотела бы я.

— Почему?

Терез наблюдала, как Кэрол откусывает маленький кусочек от бутерброда, с которого до этого сняла верхний слой хлеба, кусочек, где было больше всего икры.

— Потому что те, кто действительно любит икру, всегда любят её так сильно, — ответила Терез.

Кэрол улыбнулась и стала дальше откусывать — медленно, совсем понемногу.

— Это привитый вкус, то, что приходит не сразу. Привитый вкус всегда приносит больше удовольствия, и от него трудно избавиться.

Терез подлила кофе в стаканчик, из которого они обе пили. Она прививала себе вкус к чёрному

кофе.

— Как же я нервничала, когда впервые держала в руках этот стаканчик. Ты мне в тот день привезла кофе. Помнишь?

— Помню.

— Как так случилось, что ты тогда добавила в него сливки?

— Я подумала, что тебе понравится. Почему ты так нервничала?

Терез бросила на неё взгляд.

— Я так была взволнована, так тебе радовалась, — сказала она, поднимая стаканчик. Потом она снова посмотрела на Кэрол и увидела её внезапно застывшее, как в потрясении, лицо. Терез уже видела это выражение раньше, раза два или три, когда говорила Кэрол что-нибудь в этом же духе о своих чувствах или делала необычный комплимент. Терез не могла разобрать, довольна Кэрол или недовольна. Она смотрела, как Кэрол заворачивает вторую половину бутерброда в вощёную бумагу.

Был ещё кекс, но от него Кэрол отказалась. Это был коричневого цвета кекс с пряностями — Терез часто ела такой у Ричарда дома. Они всё уложили обратно, в чемоданчик, где были блоки сигарет и бутылка виски, уложили с тщательной

аккуратностью, которая вызвала бы у Терез раздражение в ком угодно, но только не в Кэрол.

— Ты сказала, что Вашингтон — твой родной штат? — спросила Терез.

— Я там родилась, а мой отец и сейчас там живёт. Я написала ему, что, возможно, загляну в гости, если мы туда доедем.

— Он на тебя похож?

— Похожа ли я на него, да — больше, чем на мать.

— Странно думать о тебе с семьёй, — сказала Терез.

— Почему?

— Потому что я просто думаю о тебе как о тебе. Suigeneris[15].

Кэрол улыбнулась. Она вела машину с поднятой головой.

— Ладно, валяй.

— Братья и сёстры? — спросила Терез.

— Одна сестра. О ней, я полагаю, ты тоже хочешь всё знать? Её зовут Элейн, у неё трое детей, и она живёт в Виргинии. Она старше меня, и я не знаю, понравилась ли бы она тебе. Ты бы сочла её заурядной.

---

[15] notes: 15
Единственная в своём роде, уникальная *(лат.)*.

Да. Терез могла её себе представить — тень Кэрол, со всеми чертами Кэрол, поблекшими и выхолощенными.

Ближе к вечеру они остановились у придорожного ресторана с витриной, изображавшей голландскую деревню в миниатюре. Терез оперлась на перила рядом и стала разглядывать композицию. Там была речка — она вытекала из крана, установленного в конце, бежала по овальному руслу и вращала крылья мельницы. Фигурки людей в национальных нидерландских костюмах стояли разбросанные по деревне, стояли на клочках живой травы. На ум ей пришёл электрический поезд в отделе игрушек «Франкенберга» и ярость, которая гнала его по овальному пути примерно того же размера, что и это русло.

— Я тебе никогда не рассказывала о поезде во «Франкенберге», — сказала Терез. — Ты его заметила, когда?..

— Электрический поезд? — перебила её Кэрол.

Терез улыбалась, но что-то вдруг сжало ей сердце. Слишком сложно было в это углубляться, и разговор прервался.

Кэрол заказала для них обеих какой-то суп. Они закоченели от долгого сидения и холода в машине.

— Интересно, сможет ли эта поездка по-настоящему тебя порадовать, — заговорила Кэрол. — Тебе ведь куда милее отражения в стекле, разве нет? У тебя есть своё личное представление обо всём. Взять хотя бы эту мельницу. Для тебя это практически то же, что побывать в Голландии. Интересно, понравится ли тебе в принципе встреча с настоящими горами и живыми людьми.

Терез почувствовала себя настолько раздавленной, как если бы Кэрол обвинила её во лжи. А ещё, чувствовала она, Кэрол имеет в виду, что у неё есть личное представление и о самой Кэрол, и Кэрол этим возмущена. Живые люди? Терез вдруг подумала о миссис Робичек. И она от неё сбежала, потому что та была омерзительно отталкивающей.

— Как ты вообще хочешь что-либо создавать, если весь твой опыт вторичен? — голос Кэрол звучал мягко и ровно, но вместе с тем беспощадно.

Кэрол заставила её почувствовать себя так, будто она ничего никогда в жизни не совершила, будто была ничем, вроде струйки дыма. А вот Кэрол жила как человек, вышла замуж, родила ребёнка.

К ним направлялся старик из-за прилавка. Он хромал. Остановился у их столика и сложил на

груди руки.

— Были когда-нибудь в Голландии? — приветливо спросил он.

Ответила ему Кэрол:

— Нет, не была. Я полагаю, вы были. Это вы смастерили деревню в витрине?

Он кивнул.

— Пять лет на неё ушло.

Терез посмотрела на его костлявые пальцы, на худые руки с переплетающимися прямо под тонкой кожей фиолетовыми венами. Она лучше Кэрол знала, какой труд вложен в эту маленькую деревушку, но не могла проронить ни слова.

Обратившись к Кэрол, он сказал:

— У меня есть отличные колбасы и окорока по соседству, если вы хотите настоящих пенсильванских. Мы выращиваем собственных свиней и прямо здесь их режем и заготавливаем.

Они вошли в белёную будку-лавочку рядом с рестораном. Внутри стоял дивный запах ветчины, смешанный с ароматом древесного дыма и пряностей.

— Давай выберем что-нибудь, что не нужно готовить, — сказала Кэрол, разглядывая витрину-холодильник. — Вот этого немного, — обратилась она к молодому человеку в ушанке.

Терез вспомнила, как стояла в кулинарии с миссис Робичек, как та покупала тонко нарезанные кусочки салями и ливерной колбасы. Сейчас плакат на стене гласил, что они доставляют товар куда угодно, и она подумала, не послать ли миссис Робичек одну из этих больших, обёрнутых тканью палок колбасы; она представила восторг на лице миссис Робичек, когда та откроет посылку трясущимися руками и обнаружит там колбасу. Но всё же следует ли, спросила себя Терез, делать жест, продиктованный, вероятно, жалостью, или виной, или некой её внутренней извращённостью? Терез нахмурилась, беспомощно барахтаясь в этом море без ориентиров, не чувствуя своего веса, зная лишь одно — она не может доверять собственным побуждениям.

— Терез…

Терез обернулась, и красота Кэрол поразила её, как мимолётное видение Ники Самофракийской. Кэрол спросила, стоит ли, по её мнению, купить целый окорок.

Молодой человек пододвинул к ним на прилавке все свёртки и взял у Кэрол двадцатидолларовую банкноту. И у Терез в памяти возникла миссис Робичек, дрожащей рукой сующая через прилавок свою долларовую бумажку и монету в

двадцать пять центов.

— Видишь что-то ещё? — спросила Кэрол.

— Я подумала, не послать ли что-нибудь одному человеку. Женщине, которая работает в магазине. Она бедная и однажды пригласила меня на ужин.

Кэрол взяла сдачу.

— Что за женщина?

— Вообще-то я не хочу ей ничего слать. — У Терез вдруг появилось желание оттуда уйти.

Кэрол хмуро на неё посмотрела сквозь дым сигареты.

— Сделай это.

— Не хочу. Идём, Кэрол.

Это было снова как в том кошмаре, когда она не могла от неё вырваться.

— Пошли ей, — сказала Кэрол. — Перестань метаться и пошли ей что-нибудь.

Терез перестала метаться, выбрала одну из шестидолларовых колбас и надписала открытку: «Это колбаса из Пенсильвании. Надеюсь, её хватит на несколько воскресных утр. С приветом от Терез Беливет».

Позже, в машине, Кэрол расспрашивала её о миссис Робичек, и Терез отвечала, как она всегда это делала, лаконично и с непроизвольной и аб-

солютной честностью, которая после неизменно вгоняла её в тоску. Миссис Робичек и мир, в котором та жила, были настолько непохожи на мир Кэрол, что Терез с тем же успехом могла бы описывать какой-нибудь другой биологический вид, уродливого зверя, обитающего на другой планете. Кэрол никак не комментировала её рассказ, только задавала и задавала вопросы, ведя машину. Она ничего не сказала и тогда, когда спрашивать уже больше было не о чем, но напряжённое, задумчивое выражение, с каким она слушала, так и осталось на её лице, даже когда они заговорили о другом. Терез зажала большие пальцы обеих рук в кулаках. Почему она позволила миссис Робичек преследовать её? А теперь заразила этим и Кэрол и никогда не сможет всё вернуть, как было.

— Пожалуйста, не напоминай мне о ней больше, хорошо, Кэрол? Обещай.

15

Босиком, подвывая от холода, Кэрол просеменила к душевой кабинке в углу. Ногти у неё на ногах были накрашены красным лаком, голубая пижама велика.

— Сама виновата — так широко открыла окно, — сказала Терез.

Кэрол задёрнула шторку, и Терез услышала, как с шумом хлынула из душа вода.

— Ах, божественно горячая! — проговорила Кэрол. — Лучше, чем вчера вечером.

Это был роскошный коттедж для туристов, с толстым ковром, обшитыми деревом стенами и всем остальным — от запечатанных в целлофан бархоток для обуви до телевизора.

Терез сидела на своей постели в халате, разглядывая карту дорог и пальцами замеряя расстояния. Полторы пяди — это, теоретически, примерно день пути, хотя вряд ли они столько проедут.

— Мы сегодня можем целиком пересечь Огайо, — сказала Терез.

— Огайо. Известен своими реками, резиной и отдельными железными дорогами. Слева от нас — знаменитый разводной мост Чилликоти, где двадцать восемь гуронов когда-то перебили сотню… кретинов.

Терез рассмеялась.

— И где когда-то стояли лагерем Льюис и Кларк, — добавила Кэрол. — Думаю, я сегодня надену брюки. Не хочешь глянуть, есть ли они в том чемодане? Если нет, мне придётся лезть в машину. Не светлые. Тёмно-синие, габардиновые.

Терез подошла к большому чемодану Кэрол у изножья кровати. Он был наполнен джемперами, нижним бельём, обувью, но брюк не было. Она увидела торчащую из сложенного джемпера никелированную трубку. Она вытащила джемпер. Он был тяжёлый. Терез развернула его и чуть не выронила от неожиданности. Это был пистолет с белой рукояткой.

— Нет? — спросила Кэрол.

— Нет. — Терез завернула пистолет обратно в джемпер и положила на место — так, как нашла.

— Дорогая, я забыла полотенце. По-моему, оно на стуле.

Терез взяла полотенце и пошла с ним к Кэрол. В нервозности своей, вкладывая полотенце в протянутую руку Кэрол, она уронила взгляд с её лица на обнажённую грудь и ниже и, разворачиваясь, чтобы уйти, увидела мелькнувшее во взгляде Кэрол удивление. Терез крепко зажмурилась и медленно пошла к кровати. Перед закрытыми глазами у неё была обнажённая фигура Кэрол.

Терез приняла душ, а когда вышла, Кэрол стояла перед зеркалом, почти полностью одетая.

— Что случилось? — спросила Кэрол.

— Ничего.

Кэрол повернулась к ней, расчёсывая волосы,

мокрые после душа и потому слегка потемневшие. В ярких, свеженакрашенных губах — сигарета.

— Ты знаешь, сколько раз в день мне приходится тебя об этом спрашивать? — сказала она. — Тебе не кажется, что это немного эгоистично?

За завтраком Терез решилась:

— Зачем ты взяла с собой этот пистолет, Кэрол?

— А! Так вот что тебя беспокоит. Это пистолет Харджа, ещё одна забытая им вещь. — Голос Кэрол звучал непринуждённо. — Я решила, что лучше взять его с собой, чем оставлять.

— Он заряжен?

— Да, заряжен. Хардж получил разрешение, потому что однажды к нам в дом забрался грабитель.

— Ты умеешь им пользоваться?

Кэрол улыбнулась.

— Я, конечно, не Энни Окли. Умею. По-моему, ты из-за этого переживаешь, да? Я не планирую им воспользоваться.

Больше Терез к этому не возвращалась. Но ей делалось нехорошо всякий раз, когда она об этом думала. Подумала она об этом на следующий ве-

чер, когда коридорный тяжело опустил чемодан на тротуар. Может ли, задалась она вопросом, пистолет вообще выстрелить от такого толчка?

Они наснимали фотографий в Огайо, и, поскольку была возможность ранним утром следующего дня получить их напечатанными, провели долгий вечер и ночь в городке под названием Дефайанс. Весь вечер они бродили по улицам, заглядывая в витрины магазинов, проходя безмолвные жилые кварталы, где в окнах гостиных горел свет и дома выглядели уютными и защищёнными, как птичьи гнёзда. Терез боялась, что Кэрол заскучает от бесцельного хождения, но Кэрол сама предложила пройти ещё один квартал и подняться на самый верх холма, чтобы посмотреть, что там, с другой стороны. Кэрол говорила о них с Харджем. Терез пыталась сформулировать одним словом, что их разлучило, но почти сразу забраковывала каждое — скука, недовольство, безразличие. Кэрол рассказала, как однажды Хардж повёз Ринди на рыбалку и не выходил на связь несколько дней. Он это сделал в отместку за её отказ провести отпуск с ним в летнем доме его родителей в Массачусетсе. Это было взаимно. И не с этого началось.

Два снимка Кэрол вложила в бумажник: один,

с первой половины плёнки — Ринди в галифе для верховой езды и шляпе-котелке, а второй — Терез, с сигаретой во рту и развевающимися на ветру волосами. Была одна неудачная фотография, где Кэрол стояла съёжившись в своём пальто, — Кэрол сказала, что пошлёт её Абби, настолько плоха была фотография.

В один из дней, ближе к вечеру они добрались до Чикаго — вползли в его серую, раскинувшуюся во все стороны неупорядоченность вслед за внушительным грузовиком мясной компании. Терез сидела, подавшись вперёд, к ветровому стеклу. Она ничего не помнила о городе со времён поездки сюда с отцом. Кэрол же, похоже, знала Чикаго так же хорошо, как Манхэттен. Кэрол показала ей знаменитый Луп[16], и они на некоторое время остановились посмотреть на поезда в вечерний час пик, в полшестого, когда народ возвращается домой с работы. Это не шло ни в какое сравнение с сумасшедшим домом, творящимся в половине шестого в Нью-Йорке.

На почтамте Терез получила открытку от Дэнни, от Фила не было ничего, а от Ричарда — письмо. Терез пробежала письмо глазами — оно

---

[16] notes: 16
Чикаго-Луп — исторический деловой центр Чикаго.

начиналось и заканчивалось ласково. Именно этого она и ожидала — что Ричард возьмёт адрес до востребования у Фила и напишет ей ласковое письмо. Она положила письмо в карман перед тем, как вернуться к Кэрол.

— Есть что-нибудь?

— Только открытка. От Дэнни. У него закончились экзамены.

Кэрол повела машину к отелю «Дрейк». В отеле был пол в чёрно-белую клетку, фонтан в холле, и Терез сочла его великолепным. В номере Кэрол сняла пальто и бросилась на одну из двух односпальных кроватей.

— У меня здесь есть несколько знакомых, — сказала она сонно. — Поищем кого-нибудь?

Но она уснула до того, как они окончательно что-либо решили.

Терез выглянула в окно на огороженное огнями озеро и изрезанный, незнакомый контур небоскрёбов на фоне неподвижного сероватого неба. Всё было размыто и однообразно, как на картине Писсарро. Сравнение, которого бы Кэрол не оценила, подумала она. Она прильнула к подоконнику, вглядываясь в город, наблюдая, как морзянкой мигают за деревьями огни проезжающего вдалеке автомобиля. Она была счастлива.

— Может, позвонишь и закажешь коктейли? — услышала она за спиной голос Кэрол.

— Какого бы тебе хотелось?

— А тебе?

— Мартини.

Кэрол свистнула ей:

— Двойного «Гибсона». — Она перехватила Терез, когда та уже набирала номер на телефоне. — И порцию канапе. Можешь взять сразу четыре мартини.

Терез прочла письмо Ричарда, пока Кэрол была в душе. Письмо было ласковым от начала до конца. «Ты не похожа ни на одну другую девушку», — писал он. Он ждал и будет ждать, потому что совершенно убеждён в том, что они могут быть счастливы вместе. Он хочет, чтобы она писала ему каждый день, хотя бы отправляла открытку. Он рассказал, как однажды вечером сел и перечитал три её письма — те, что она посылала ему, когда он был в Кингстоне штата Нью-Йорк прошлым летом. Письмо отличалось совершенно не свойственной Ричарду сентиментальностью, и первая мысль Терез была — он притворяется. Возможно, для того, чтобы потом нанести удар. Следующей её реакцией было отвращение. Она вернулась к своему изначальному решению,

что положить этому скорейший конец — это не писать ему, не говорить больше ничего.

Прибыли коктейли, и Терез за них заплатила вместо того, чтобы просто расписаться. Ей никогда не удавалось оплатить ни один счёт иначе чем за спиной у Кэрол.

— Наденешь чёрный костюм? — спросила Терез, когда Кэрол вошла в комнату.

Кэрол бросила на неё многозначительный взгляд.

— Лезть на самое дно этого чемодана? — протянула она, направляясь к чемодану. — Вытаскивать его, чистить щёткой, полчаса выглаживать все морщинки?

— Мы полчаса будем пить это.

— Твой дар убеждения неотразим. — Кэрол отнесла костюм в ванную и пустила там воду.

Это был костюм, в котором Кэрол была в день их первого обеда.

— А ты заметила, что это мой первый бокал с самого Нью-Йорка? — спросила Кэрол. — Разумеется, не заметила. Знаешь почему? Я счастлива.

— Ты прекрасна, — сказала Терез.

И Кэрол одарила её пренебрежительной улыбкой, которую Терез так любила, и пошла к туалетному столику. Она накинула на шею жёл-

тый шёлковый платок, повязала его свободно и начала причёсываться. Свет лампы обрамлял её фигуру, как картину, и у Терез возникло чувство, что всё это уже когда-то происходило. Она вдруг вспомнила: женщина в окне, расчёсывающая длинные волосы; вспомнила даже самые кирпичи в стене, ощущение на коже и вид мелкой, как водяная пыль, измороси.

— А что, если мы тебя немного надушим? — спросила Кэрол, двинувшись к ней с флаконом. Она коснулась пальцами лба Терез, кромки её волос там, где тогда поцеловала.

— Ты напоминаешь мне женщину, которую я однажды увидела, — сказала Терез, — где-то неподалёку от Лексингтон. Не ты сама, но свет. Она расчёсывала волосы. — Терез замолчала, но Кэрол ждала, когда она продолжит. Кэрол всегда ждала, а у Терез никогда не получалось сказать в точности то, что она хотела. — Однажды рано утром, когда я шла на работу, и я помню, что начинался дождь. — Она продолжала сражаться со словами. — Я увидела её в окне.

Она и в самом деле не могла говорить дальше, о том, как стояла там, может быть, минуты три или четыре, и ей так сильно хотелось — что это лишило её сил, — чтобы женщина оказалась её

знакомой, чтобы обрадовалась ей, если она зайдёт в дом и постучится в дверь. Если бы только она могла сделать это вместо того, чтобы идти на работу в «Пеликан-Пресс».

— Моя сиротка, — проговорила Кэрол.

Терез улыбнулась. В слове, как его произнесла Кэрол, не было ничего гнетущего или обидного.

— Как выглядит твоя мать?

— У неё были чёрные волосы, — быстро ответила Терез. — Она совсем не была на меня похожа.

Всегда как — то так выходило, что Терез говорила о матери в прошедшем времени, хотя в эту самую минуту её мать была вполне себе жива, где-то в Коннектикуте.

— Ты в самом деле думаешь, что она больше никогда не захочет тебя увидеть? — Кэрол стояла перед зеркалом.

— Да, думаю.

— А родные твоего отца? По-моему, ты говорила, что у него есть брат.

— Я с ним незнакома. Он был каким-то геологом, работал в нефтяной компании. Я не знаю, где он. — Говорить о дяде, которого она никогда в глаза не видела, было легче.

— Какое имя теперь носит твоя мать?

— Эстер… Миссис Николас Струлли. — Это имя

значило для неё не больше, чем любое другое из телефонного справочника. Она посмотрела на Кэрол, внезапно пожалев, что назвала его. А вдруг Кэрол когда-нибудь… Как током, её пронзило чувство утраты, беспомощности. В конце концов, она так мало знает о Кэрол.

Кэрол взглянула на неё.

— Я никогда его не упомяну, — сказала она. — Никогда больше не упомяну. Если ты собираешься загрустить от этого второго бокала, не пей его. Я не хочу, чтобы ты сегодня грустила.

Ресторан, где они ужинали, тоже окнами выходил на озеро. Это был не ужин, а настоящий пир с шампанским и бренди после. Терез впервые в жизни была слегка пьяна; на самом деле гораздо более пьяна, чем ей хотелось показать Кэрол. Лейк-Шор Драйв навсегда останется для неё широким проспектом, утыканным особняками, каждый — на манер Белого дома в Вашингтоне. В памяти сохранится голос Кэрол, рассказывающий то об одном, то о другом доме, в котором она когда-то бывала, и тревожное осознание того, что в какой-то период времени это был мир Кэрол — так же как Рапалло, Париж и другие места, которых Терез не знала, какое-то время составляли каркас всего, чем Кэрол жила.

В тот вечер Кэрол сидела на краю своей кровати и курила перед тем, как выключить свет. Терез лежала в своей постели, сонно наблюдая за ней, пытаясь разгадать её беспокойный, озадаченный взгляд — взгляд, который ненадолго останавливался на чём-то в комнате и тут же перемещался на что-то ещё. О ком думала Кэрол — о ней, о Хардже, о Ринди? Кэрол попросила, чтобы её разбудили завтра в семь утра — она хотела позвонить Ринди до того, как та уйдёт в школу. Терез помнила их телефонный разговор в Дефайансе. Ринди повздорила с какой-то девочкой, и Кэрол пятнадцать минут с ней это обсуждала, пытаясь убедить Ринди сделать первый шаг и извиниться. Терез до сих пор ощущала действие выпитого — шампанское бродило в ней, до боли близко притягивая к Кэрол. Стоит просто попросить, подумала она, и Кэрол разрешит ей лечь спать с собой в одной постели. Она хотела большего — целовать её, чувствовать, как соприкасаются их тела. Терез подумала о двух девушках, которых видела в баре «Палермо». Они это делали, она знала, и не только это. А вдруг Кэрол брезгливо её оттолкнёт, если она всего лишь захочет её обнять? И улетучится в то же мгновение вся теперешняя, какой бы она ни была, привязанность

Кэрол к ней? Картина холодного отпора начисто смела всё её мужество. Оно робко прокралось обратно в виде вопроса: нельзя ли попросить просто лечь спать в одну постель?

— Кэрол, ты не против…

— Завтра поедем на скотный двор, — Кэрол заговорила одновременно с ней, и Терез расхохоталась. — Что, чёрт подери, в этом такого смешного? — спросила Кэрол, гася сигарету. Однако она тоже улыбалась.

— Просто смешно. Это ужасно смешно, — ответила Терез, продолжая смеяться, прогоняя смехом всё томление и замысел этой ночи.

— Это ты от шампанского хихикаешь, — сказала Кэрол, щёлкнув выключателем.

БЛИЖЕ К ВЕЧЕРУ НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ они покинули Чикаго и поехали в направлении Рокфорда. Кэрол сказала, что там, возможно, её ждёт письмо от Абби, но, вероятно, нет, потому что Абби не любит писать письма. Терез пошла в обувную мастерскую заштопать мокасин, а когда вернулась, застала Кэрол в машине за чтением письма.

— По какой дороге мы отсюда выезжаем? — лицо Кэрол теперь было более радостным.

— По двадцатой, на запад.

Кэрол включила радио и крутила ручку настройки, пока не поймала какую-то музыку.

— Какой есть подходящий город для ночёвки на пути в Миннеаполис?

— Дубук, — ответила Терез, глядя на карту. — Или вот Ватерлоо, вроде довольно большой, но это ещё миль двести.

— Можем и уложиться.

Они поехали по Двадцатому шоссе в сторону Фрипорта и Галены, которая на карте была отмечена звёздочкой как родной город Улисса С. Гранта.

— Что пишет Абби?

— Ничего особенного. Просто очень славное письмо.

Кэрол мало разговаривала в машине и даже в кафе, куда они заехали позже выпить кофе. Она пошла к музыкальному автомату, встала перед ним и стала медленно опускать монетки в прорезь.

— Жалеешь, что Абби с нами не поехала, да? — спросила Терез.

— Нет, — ответила Кэрол.

— Ты так переменилась после её письма.

Кэрол посмотрела на неё со своей стороны стола.

— Дорогая, это всего лишь дурацкое письмо. Можешь его даже прочесть, если хочешь.

Кэрол потянулась к сумке, но письма не достала.

В какой-то момент в тот вечер Терез уснула в машине, а когда проснулась, в лицо ей светили городские огни. Кэрол сидела, устало положив обе руки на руль. Они ждали зелёного света.

— Здесь и переночуем, — сказала Кэрол.

Сон продолжал одолевать Терез, когда она шла по гостиничному холлу. Она поднималась в лифте и остро осознавала присутствие Кэрол рядом, словно ей снился сон, в котором Кэрол была главным и единственным действующим лицом. В комнате она переставила свой чемодан с пола на стул, расстегнула замки и оставила его, а сама встала у письменного стола, наблюдая за Кэрол. И словно её чувства находились в состоянии ожидания все последние часы или дни, теперь они хлынули и затопили её, пока она наблюдала, как Кэрол открывает чемодан, достаёт оттуда — первым делом, по своему обыкновению — кожаный футляр с туалетными принадлежностями, бросает его на кровать. Она разглядывала руки Кэрол, прядь волос, выбившуюся из-под повязанного вокруг головы платка, царапину,

которая вот уже несколько дней красовалась на носке её мокасина.

— Что ты там стоишь? — спросила Кэрол. — Ложись в постель, соня.

— Кэрол, я тебя люблю.

Кэрол выпрямилась. Терез не сводила с неё напряжённых, сонных глаз. Потом Кэрол закончила вынимать из чемодана пижаму и опустила крышку. Она подошла к Терез и положила руки ей на плечи. Она с силой сжала её плечи, словно беря с неё обещание или, может быть, желая убедиться, что сказанное ею реально. Затем она поцеловала Терез в губы — так, будто они уже тысячу раз до этого целовались.

— Разве ты не знаешь, что я люблю тебя? — сказала Кэрол.

Она пошла с пижамой в ванную и постояла там минуту, глядя на раковину.

— Я выйду, — сказала Кэрол. — Но сейчас же вернусь.

Терез ждала у стола, пока её не было, и время тянулось бесконечно долго, а может быть, и совсем остановилось, до того момента, пока не открылась дверь и Кэрол снова не вошла в комнату. Она поставила на стол бумажный пакет, и Терез поняла, что Кэрол выходила всего лишь

за коробкой молока, как она, да и сама Терез, это часто делали по вечерам.

— Можно мне лечь с тобой спать? — спросила Терез.

— Ты кровать видела?

Это была двуспальная кровать. Они сидели в пижамах, пили молоко и ели на двоих один апельсин — Кэрол была такой сонной, что не могла его доесть. Потом Терез поставила коробку с молоком на пол и посмотрела на Кэрол — та уже спала, на животе, с закинутой рукой, так, как она всегда засыпала. Терез выключила свет. И тут Кэрол просунула руку ей под шею, и их тела соприкоснулись во всю длину, сойдясь вместе так точно, словно каким-то образом это было изначально задумано. Счастье было как зелёная лоза, пронизывающая её, вытягивающая тонкие усики-завитки, распускающаяся цветами сквозь её плоть. Ей привиделся мутно-белый цветок, мерцающий, словно в темноте или из-под воды. Почему люди говорят о небесах, удивлённо подумала она.

— Спи, — сказала Кэрол.

Терез надеялась, что не будет. Но когда она почувствовала движущуюся по её плечу руку Кэрол, она поняла, что уснула. Теперь уже све-

тало. Пальцы Кэрол напряглись в её волосах, Кэрол поцеловала её в губы, и наслаждение снова забилось в ней, словно это было всего лишь продолжение того момента накануне ночью, когда Кэрол скользнула рукой ей под шею. «Я тебя люблю», — снова хотела сказать Терез, и тут слова смыло жгучим и пугающим наслаждением, которое волнами расходилось от губ Кэрол по шее Терез, по её плечам, которое внезапно ринулось во всю длину её тела. Её руки крепко обхватили Кэрол, и в сознании её была Кэрол и ничего больше — рука Кэрол, скользнувшая по её рёбрам, волосы Кэрол, слегка коснувшиеся её обнажённой груди; а потом и её собственное тело тоже словно исчезло во всё расширяющихся кругах, которые толчками расходились дальше и дальше, туда, куда и мысль не достигала. В то время как тысяча воспоминаний, мгновений, слов, первое «дорогая», вторая их с Кэрол встреча в магазине, тысяча воспоминаний о лице Кэрол, её голосе, моментах гнева и смеха хвостом кометы вспыхнули у неё в мозгу. И теперь это была бледно-голубая даль и пространство, расширяющееся пространство, в которое она внезапно была выпущена, как длинная стрела. Стрела эта с видимой лёгкостью пересекла невозможно

широкую бездну, она как будто выгибалась и выгибалась в пространстве, полностью так и не останавливаясь. И тут Терез поняла, что по-прежнему льнёт к Кэрол, что неистово дрожит, и что стрела — это она сама. Она увидела бледные волосы Кэрол перед самыми своими глазами; голова Кэрол теперь была тесно прижата к её голове. И незачем было спрашивать, правильно ли это, ей не нужно было ни от кого это слышать, потому что не могло быть ничего более правильного или совершенного. Она крепче прижала Кэрол к себе и почувствовала её губы на своих улыбающихся губах. Терез лежала неподвижно, глядя на Кэрол, на её лицо всего в паре дюймов от своего; её серые глаза были такими спокойными, какими она их прежде никогда не видела, словно они сохранили в себе часть того пространства, из которого она только что возникла. И казалось странным, что это по-прежнему лицо Кэрол, с её веснушками, со светлой, изгибом, бровью, такой знакомой; рот, такой же спокойный сейчас, как и её глаза, такой же, каким Терез видела его много раз до этого.

— Мой ангел, — сказала Кэрол. — Заброшенный из космоса.

Терез обвела взглядом углы комнаты, теперь куда лучше освещённые, выпуклое бюро с руч-

ками ящиков в форме щитов, скошенное зеркало без рамы, зелёные с узором, свисающие прямо вниз, шторы на окнах и виднеющиеся над самым подоконником две серые верхушки зданий. Она запомнит каждую деталь этой комнаты навсегда.

— Что это за город? — спросила она.

Кэрол рассмеялась.

— Это? Это Ватерлоо. — Она потянулась за сигаретой. — Ужас, да?

Улыбаясь, Терез приподнялась на локте. Кэрол зажала сигарету губами.

— В каждом штате есть по паре Ватерлоо, — сказала Терез.

16

Терез вышла за газетами, пока Кэрол одевалась. Она вошла в лифт и развернулась ровно в его центре. У неё было странноватое чувство — будто всё сместилось, и расстояния были не совсем те, что раньше, равновесие было не совсем то. Она прошла через холл к газетному киоску в углу.

— «Курьер» и «Трибуна», — сказала она продавцу, беря газеты, и даже произносить слова было так же странно, как странны были названия газет, которые она покупала.

— Восемь центов, — откликнулся продавец, и Терез посмотрела на сдачу, которую он ей дал, и увидела, что разница между восемью центами и двадцатью пятью была всё той же.

Она побрела по холлу, заглянула через стекло в парикмахерскую, где брились пара-тройка мужчин. Чернокожий чистильщик обуви наводил лоск на чьи-то туфли. Высокий человек с сигарой, в широкополой шляпе и ковбойских сапогах прошёл мимо неё. Она запомнит навсегда и этот холл тоже — этих людей, старомодного вида деревянную резную панель регистрационной стойки и мужчину в тёмном пальто, который посмотрел на неё поверх газеты, вжался в своё кресло у чёрно-кремовой мраморной колонны и продолжил чтение.

Терез открыла дверь в комнату, и при виде Кэрол её пронзило как копьём. Она на секунду застыла, взявшись за дверную ручку.

Кэрол посмотрела на неё из ванной, с занесённой над головой расчёской. Кэрол обвела её взглядом с головы до ног.

— Не делай этого прилюдно.

Терез бросила газеты на кровать и подошла к ней. Кэрол вдруг обхватила её руками. Они стояли, обнявшись так, будто больше никогда не

собирались разлучаться. Терез дрожала, в глазах появились слёзы. Трудно было найти слова, стоя вот так заключённой в объятия Кэрол, ближе чем при поцелуе.

— Почему ты так долго ждала? — спросила Терез.

— Потому что… я думала, что второго раза не будет, что я не захочу. Но это не так.

Терез вспомнила про Абби, и словно тонкая завеса горечи опустилась между ними. Кэрол разомкнула руки.

— И ещё… чтобы ты была рядом, напоминала мне, чтобы, зная тебя, я знала, как это было бы легко. Прости. Это было нечестно по отношению к тебе.

Терез крепко стиснула зубы. Она смотрела, как Кэрол медленно удаляется от неё через комнату, как пространство между ними ширится, и вспоминала тот первый раз, когда Кэрол так же медленно уходила от неё в магазине — ей тогда казалось, навсегда. Когда-то Кэрол любила Абби тоже, и сейчас она корила себя за это. Интересно, подумала Терез, а за любовь к ней она тоже однажды станет себя корить? Теперь ей стали понятны гнев и нерешительность декабрьских и январских недель, суровые выговоры, чередую-

щиеся со всевозможным потворством. Но также она сейчас понимала — что бы Кэрол ни говорила на словах, теперь больше нет ни преград, ни колебаний. И Абби, начиная с сегодняшнего утра, тоже не было, что бы там ни произошло между Абби и Кэрол в прошлом.

— Да? — спросила Кэрол.

— Я так счастлива с тобой, с той самой минуты, как тебя узнала, — сказала Терез.

— Вряд ли ты можешь судить.

— Сегодня я могу судить.

Кэрол не ответила. Лишь дверной замок лязгнул в ответ. Кэрол заперла дверь, и они были одни. Терез пошла к ней, прямо в объятия.

— Я люблю тебя, — проговорила Терез, просто чтобы услышать эти слова. — Я люблю тебя, я люблю тебя.

Но в тот день Кэрол, казалось, намеренно почти не обращала на неё внимания. Больше надменности было в наклоне её сигареты, в том, как она задним ходом отъехала от бордюра, выругавшись, не совсем в шутку.

— Чёрта с два я опущу монету в парковочный счётчик с прерией прямо на виду, — сказала Кэрол. Но когда Терез всё-таки удалось поймать на себе её взгляд, глаза Кэрол смеялись. Кэрол

дразнила её, то приникая к её плечу, когда они стояли перед сигаретным автоматом, то ногой касаясь её ноги под столом. Тело Терез от этого одновременно делалось обмякшим и напряжённым. Она думала о киногероях, как они держатся за руки, и почему им с Кэрол нельзя так же? При этом, когда она всего лишь взяла Кэрол под руку, пока они стояли в лавке, выбирая конфеты, Кэрол пробормотала: «Не надо».

Терез послала коробку конфет миссис Робичек, и ещё одну — супругам Келли, из магазина сладостей в Миннеаполисе. Матери Ричарда она отправила необычайно большую коробку — двухъярусную, с деревянными отделениями, которые, она знала, миссис Семко потом приспособит для швейных принадлежностей.

— А с Абби ты это когда-нибудь делала? — неожиданно спросила Терез в тот вечер в машине.

В глазах Кэрол вдруг появилось понимание, и она моргнула.

— Ну и вопросы ты задаёшь, — сказала Кэрол. — Разумеется.

Разумеется. Она так и знала.

— А сейчас?..

— Терез…

Натянутым тоном она спросила:

— Это было совсем так же, как со мной?

Кэрол улыбнулась.

— Нет, дорогая.

— Тебе не кажется, что это приятнее, чем спать с мужчинами?

Кэрол улыбнулась, она была позабавлена:

— Не обязательно. Может быть по-разному. Кого ты вообще знала, кроме Ричарда?

— Никого.

— Ну и тебе не кажется, что стоило бы попробовать с другими?

На секунду Терез лишилась дара речи, но пыталась держаться как ни в чём не бывало, барабаня пальцами по лежащей на коленях книге.

— Я имею в виду когда-нибудь, дорогая. У тебя ещё много лет впереди.

Терез промолчала. Она не могла себе представить, что в принципе когда-либо расстанется с Кэрол. Это был ещё один ужасный вопрос, который засел в её голове с самого начала и сейчас бился в мозг с болезненным и настойчивым требованием ответа. Захочет ли Кэрол когда-нибудь от неё уйти?

— То есть то, с кем ты спишь, во многом зависит от привычки, — продолжала Кэрол. — И ты ещё

слишком молода, чтобы принимать грандиозные решения. Или формировать грандиозные привычки.

— Ты просто привычка? — спросила она с улыбкой, но в своём голосе услышала обиду. — То есть не более?

— Терез… нашла же ты время впасть в такую меланхолию…

— Я не в меланхолии, — запротестовала она, но под ногами снова был тонкий лёд — эти неопределённости. Или всё дело в том, что ей всегда хотелось иметь чуточку больше, чем у неё есть, независимо от того, сколько у неё есть?

Она сказала импульсивно:

— Ведь Абби тоже тебя любит, да?

Кэрол чуть вздрогнула.

— Абби любила меня практически всю свою жизнь… даже вот так, как ты.

Терез смотрела на неё во все глаза.

— Я как-нибудь тебе расскажу. Что бы там ни было когда-то — это дело прошлое. Многих-многих месяцев назад, — сказала она так тихо, что Терез едва услышала.

— Всего лишь месяцев?

— Да.

— Расскажи сейчас.

— Сейчас не время и не место.

— Никогда не время, — ответила Терез. — Ты ведь сама сказала, что никогда не бывает подходящего времени?

— Я так сказала? О чём?

Но обе они на минуту замолчали, потому что новый шквал ветра с силой запустил дождём, как миллионом пуль, по капоту и ветровому стеклу, и какое-то время они не слышали ничего другого. Грома не было, словно гром, где-то там наверху, скромно воздержался от поединка с этим другим богом, богом дождя. Они пережидали в ненадёжном укрытии холма на обочине.

— Я могу рассказать тебе середину, — сказала Кэрол. — Потому что она смешная… и в ней есть ирония. Это случилось прошлой зимой, когда мы с Абби держали мебельный магазин. Но я не могу начать, не рассказав тебе первой части — а она произошла, когда мы были детьми. Наши семьи жили по соседству друг с другом в Нью-Джерси, так что мы виделись во время каникул. Абби всегда была в меня чуточку влюблена, как мне казалось, даже тогда ещё, когда нам было лет по шесть и восемь. Потом она написала мне пару писем, когда ей было лет четырнадцать, из школы. И к тому времени я уже слышала о девушках,

которые предпочитают девушек. Но в книгах также говорилось, что с возрастом это проходит. — Она делала паузы между предложениями, словно в промежутках оставляя какие-то из них непроизнесёнными.

— Ты была с ней в одной школе? — спросила Терез.

— Нет, никогда. Отец отправил меня в другую школу, не в нашем городе. Потом, в шестнадцать лет, Абби уехала в Европу, а когда вернулась, меня не было дома. Однажды, примерно в то время, когда я вышла замуж, я встретила её на какой-то вечеринке. Абби совершенно изменилась, она больше не выглядела сорванцом. Потом мы с Харджем жили в другом городе, и я её не видела… много лет на самом деле, долго ещё после рождения Ринди. Иногда она появлялась на конюшне, где мы с Харджем занимались верховой ездой. Несколько раз мы катались верхом все вместе. Потом мы с Абби начали играть в теннис по субботам, когда Хардж обычно играл в гольф. Мы с Абби всегда вместе хорошо проводили время. Я и не вспоминала об её прежнем увлечении мною — мы обе настолько повзрослели, и столько всего успело произойти. У меня была идея открыть магазин, потому что я хотела поменьше видеть-

ся с Харджем. Мне казалось, что мы начинаем тяготиться друг другом и это поможет. Вот я и спросила Абби, не хочет ли она со мной партнёрствовать, и мы открыли мебельную лавку. Спустя несколько недель, к своему удивлению, я почувствовала, что меня к ней влечёт, — сказала Кэрол тем же тихим голосом. — Я этого не понимала и побаивалась — помня Абби в прошлом и понимая, что она может испытывать ко мне то же самое, то есть что мы обе, возможно, одинаково чувствуем. Поэтому я старалась скрыть это от неё и, кажется, преуспела. Но в конце концов — вот она, смешная часть, в конце концов — как-то прошлой зимой случилась ночь дома у Абби. Дороги в ту ночь были занесены снегом, и её мать настояла, чтобы мы остались вдвоём в комнате Абби, просто потому, что в комнате, где я ночевала раньше, в тот момент не было постельного белья, а час был очень поздний. Абби сказала, что постелит там, мы обе протестовали, но её мать была непреклонна. — Кэрол слегка улыбнулась и взглянула на Терез, но у Терез было чувство, что Кэрол её даже не видит. — И я осталась с Абби. Ничего бы не произошло, если бы не та ночь, я в этом уверена. Если бы не мать Абби — и в этом вся ирония, потому что она об этом ничего не

знает. Но это произошло, и я была, видимо, совсем как ты… счастлива, как ты. — Последние слова как будто сорвались с её языка ненароком, хотя голос при этом оставался ровным и на удивление лишённым каких-либо эмоций.

Терез смотрела на неё во все глаза, не зная, ревность это, или потрясение, или гнев вдруг всё смешали в кучу.

— А после этого? — спросила она.

— После этого я поняла, что влюблена в Абби. Я не знаю, почему нельзя назвать это любовью — оно обладало всеми признаками. Но продлилось всего два месяца, как болезнь, — пришло и ушло.

И другим тоном Кэрол добавила:

— Дорогая, к тебе это не имеет ни малейшего отношения, и теперь всё это позади. Я понимала, что ты хочешь знать, но не видела нужды рассказывать. Настолько это неважно.

— Но если у тебя к ней были такие же чувства…

— Два месяца? — отозвалась она. — Когда у тебя муж и ребёнок, знаешь ли, всё немного иначе.

Иначе, чем у неё, у Терез, — вот что имела в виду Кэрол, потому что у неё нет никаких обязанностей.

— Правда? Можно вот так просто начать и

прекратить?

— Когда это обречено, — ответила Кэрол.

Дождь стих, но лишь настолько, что теперь ей стало видно, что это дождь, а не сплошная серебряная пелена.

— Я в это не верю.

— Ты едва ли можешь об этом рассуждать.

— Почему ты так цинична?

— Цинична? Разве?

Терез была недостаточно уверена, чтобы ответить. Что значит любить кого-то, что именно есть любовь и почему она проходит или не проходит? Вот настоящие вопросы, и кто сможет на них ответить?

— Он унимается, — сказала Кэрол. — Что, если нам поехать и найти где-нибудь хорошего бренди? Или это «сухой» штат?

Они доехали до следующего городка и обнаружили безлюдный бар в самой большой гостинице. Бренди оказался восхитительно вкусен, и они заказали ещё два.

— Это французский бренди, — сказала Кэрол. — Когда-нибудь мы поедем во Францию.

Терез вертела в пальцах маленький кубок-бокал. В конце барной стойки тикали часы. Вдалеке загудел паровоз. Кэрол откашлялась. Обычные

звуки, но момент при этом был необычный. Ни один момент не был обычным с того утра в Ватерлоо. Терез пристально смотрела на яркий коричневый свет в бокале бренди, и у неё вдруг не осталось сомнений в том, что однажды они с Кэрол поедут во Францию. И тут из сияющего в бокале коричневого солнца возникло лицо Харджа — губы, нос, глаза.

— Хардж знает про Абби, да? — спросила Терез.

— Да. Несколько месяцев назад он что-то у меня спросил о ней, и я рассказала ему всю правду от начала до конца.

— Вот как… — Она подумала о Ричарде, представила, как бы он отреагировал. — Поэтому вы разводитесь?

— Нет. К разводу это не имеет никакого отношения. И в этом тоже есть ирония — в том, что я рассказала Харджу, когда всё уже было кончено. Это было ошибкой — эта попытка честности, когда нам с Харджем больше нечего было спасать. Мы тогда уже говорили о разводе. Пожалуйста, не напоминай мне об ошибках! — Кэрол нахмурилась.

— Ты имеешь в виду… Наверняка у него это вызвало ревность.

— Да. Потому что из того, как я это преподнесла,

похоже, вышло, что Абби в определённый период была мне дороже, чем он когда-либо вообще. В какой-то момент я готова была, невзирая даже на Ринди, оставить всё, чтобы быть с Абби. Не знаю, как так получилось, что я этого не сделала.

— И ты бы забрала Ринди с собой?

— Не знаю. Знаю, что из-за Ринди я тогда не ушла от Харджа.

— Ты об этом жалеешь?

Кэрол медленно покачала головой.

— Нет. Это бы долго не протянулось. Оно и не протянулось, и, возможно, я знала, что так случится. Мой брак рушился, мне было очень страшно, и я была слишком слаба… — Она замолчала.

— А сейчас тебе страшно?

Кэрол молчала.

— Кэрол…

— Мне не страшно, — упрямо проговорила она, поднимая голову.

Терез посмотрела на её профиль в тусклом свете. А что теперь с Ринди, хотела спросить она, как всё будет? Но она знала, что ещё чуть-чуть, и Кэрол вдруг потеряет терпение, ответит ей как попало или не ответит вовсе. В другой раз, подумала Терез, не сейчас. Это может всё разрушить, даже незыблемость тела Кэрол рядом. А между

тем изгиб её тела в чёрном джемпере казался единственным, что было в мире незыблемого. Терез провела большим пальцем от подмышки Кэрол до её талии.

— Я помню, Хардж был особенно недоволен нашей с Абби поездкой в Коннектикут. Мы поехали туда прикупить кое-что для магазина. Всего на два дня, но он сказал: «За моей спиной. Тебе понадобилось сбежать», — Кэрол произнесла это с горечью. В её голосе было больше самобичевания, чем подражания интонациям Харджа.

— Он до сих пор об этом говорит?

— Нет. Разве тут есть о чём говорить? Есть чем гордиться?

— Разве есть чего стыдиться?

— Да. Ты ведь это знаешь, правда? — голос Кэрол звучал ровно и ясно. — В глазах мира это мерзость.

Она произнесла это так, что Терез не смогла просто улыбнуться.

— Ты так не думаешь.

— Такие люди, как родные Харджа, думают.

— Они не весь мир.

— Их достаточно. И тебе жить в мире, и я сейчас даже не говорю о том, кого ты решишь любить. — Она посмотрела на Терез, и Терез на-

конец увидела медленно восходящую в её глазах улыбку, вместе с которой возвращалась и сама Кэрол. — Я говорю об обязанностях в мире, где живут другие люди, в мире, который, возможно, и не твой. В данный момент — не твой, и поэтому в Нью-Йорке я была именно тем человеком, с кем тебе не следовало бы водить знакомство, — потому что я тебе потакаю и не даю взрослеть.

— Почему бы тебе не перестать?

— Я попытаюсь. Беда в том, что мне нравится тебе потакать.

— Ты для меня именно тот человек, с кем следует водить знакомство, — проговорила Терез.

— Правда?

На улице Терез сказала:

— Вряд ли бы Хардж обрадовался, если бы узнал, что мы с тобой тоже вместе путешествуем, да?

— Он об этом не узнает.

— Ты по-прежнему хочешь ехать в Вашингтон?

— Обязательно, если у тебя есть время. Ты можешь не возвращаться весь февраль?

Терез кивнула.

— Если только не получу каких-нибудь известий в Солт-Лейк-Сити. Я сказала Филу, чтобы он мне написал туда. Шанс довольно невелик.

Фил, наверное, даже и не напишет, подумала она. Но если обнаружится хотя бы малейшая возможность получить работу в Нью-Йорке, она должна будет вернуться.

— А ты бы поехала в Вашингтон без меня?

Кэрол взглянула на неё.

— На самом деле не поехала бы, — ответила она, чуть улыбнувшись.

В ТОТ ВЕЧЕР, когда они вернулись, в гостиничном номере было так натоплено, что им пришлось на какое-то время распахнуть окна. Кэрол прильнула к подоконнику, ругая жару на потеху Терез и называя Терез саламандрой за то, что та в состоянии была эту жару переносить. Потом Кэрол вдруг спросила:

— Что Ричард вчера написал?

Терез даже не предполагала, что Кэрол знает о последнем письме. Том самом, про которое в чикагском письме он написал, что пошлёт в Миннеаполис и Сиэттл.

— Ничего особенного, — сказала Терез. — Письмо на одной страничке. Он по-прежнему хочет, чтобы я ему писала. А я не намерена этого делать.

Письмо она выбросила, но запомнила его наизусть:

«Ты молчишь, и до моего сознания начинает доходить, какой невообразимый конгломерат противоречий ты собой представляешь. Ты чувствительна и при этом так бесчувственна, одарена воображением и в то же время его лишена… Если твоя эксцентричная подруга бросит тебя на произвол судьбы, дай знать, и я за тобой приеду. Это долго не продлится, Терри. Я немного разбираюсь в таких вещах. Я встречался с Дэнни, и он спрашивал, что от тебя слышно, чем ты занимаешься. Как бы тебе понравилось, если бы я ему рассказал? Я не сказал ничего, ради тебя, потому что я думаю, что в один прекрасный день тебе станет стыдно. Я по-прежнему люблю тебя, я это признаю. Я приеду к тебе — и покажу, какая она на самом деле, Америка, — если я тебе дорог настолько, что ты мне напишешь и позовёшь…»

Письмо было оскорбительно по отношению к Кэрол, и Терез его порвала. Она сидела на постели, обняв колени, спрятав ладони в рукава халата и обхватив себя за запястья. Кэрол перестаралась с проветриванием, и в номере стало холодно. Миннесотские ветра завладели комнатой, они хватали дым сигареты, которую курила Кэрол, и рвали его, превращая в ничто. Терез смотрела, как Кэрол спокойно чистит над раковиной зубы.

— Ты в самом деле не собираешься ему писать? Это твоё решение? — спросила Кэрол.

— Да.

Терез наблюдала, как Кэрол стряхивает воду с зубной щётки, как отворачивается от раковины, промокая полотенцем лицо. Ничто, связанное с Ричардом, не значило для неё столько, сколько значило то, как Кэрол промокает лицо полотенцем.

— И не будем больше об этом.

Она знала, что Кэрол больше об этом не заговорит. Она знала, что Кэрол подталкивала её к нему, до этого самого момента. Теперь казалось, что, возможно, всё было ради этого момента, когда Кэрол повернулась и пошла к ней, и её сердце сделало гигантский шаг навстречу.

Они поехали дальше на запад, через Слипи-Ай, Трэйси и Пайпстоун, иногда прихоти ради выбирая окольную дорогу. Запад расстилался, как волшебный ковёр, усеянный аккуратными, компактными блоками — фермерский дом, хлев, силосная башня, — которые возникали в поле их зрения за полчаса до того, как они с ними поравняются. Однажды они остановились у фермерского дома спросить, нельзя ли там купить бензина, чтобы хватило доехать до следующей

заправки. В доме пахло свежим сыром. Их шаги звучали гулко и одиноко на крепких коричневых половицах, и в пылком порыве патриотизма Терез подумала: «*Америка*». На стене висело изображение петуха, сделанное из цветистых, нашитых на чёрную основу, лоскутов ткани — такое красивое, хоть в музее вешай. Фермер предупредил их о гололедице на дороге, идущей прямо на запад, поэтому они отправились по другому шоссе на юг.

В тот вечер они обнаружили цирк с одним манежем возле железнодорожных путей в городе под названием Су-Фолс. Артисты не отличались большим мастерством. Терез и Кэрол сидели на паре оранжевых ящиков в первом ряду. Один из акробатов пригласил их в артистический шатёр после представления и настоял на том, чтобы Кэрол приняла от него в подарок дюжину цирковых афиш, потому что она ими восхитилась. Какие-то из них Кэрол послала Абби, другие — Ринди, и ещё она послала Ринди зелёного хамелеона в картонной коробке. Это был вечер, который Терез не забудет никогда, и в отличие от большинства подобных вечеров этот запечатлелся как незабываемый ещё до своего окончания. Тут всё сошлось — и попкорн, который они ели из

одного пакета, и цирк, и поцелуй Кэрол в глубине какой-то кабинки в артистическом шатре. И то особенное, исходящее от Кэрол магическое воздействие — при том, что сама Кэрол относилась к их прекрасному времяпрепровождению, как к само собой разумеющемуся, — и эти чары, казалось, действуют на весь окружающий их мир: всё шло идеально, без разочарований и заминок, шло именно так, как они того желали.

Терез брела из цирка, опустив голову, погружённая в раздумья.

— Интересно, захочу ли я когда-нибудь ещё что-то создавать, — проговорила она.

— Что это вдруг?

— Я имею в виду — к чему ещё я когда-либо стремилась, если не к этому? Я счастлива.

Кэрол взяла её под руку и сжала её руку, с такой силой вдавив в неё большой палец, что Терез вскрикнула. Кэрол подняла глаза на табличку с названием улицы и сказала:

— Пятая и Небраска. По-моему, нам сюда.

— Что будет, когда мы вернёмся в Нью-Йорк? Это ведь не может оставаться как есть, а?

— Может. Пока я тебе не надоем.

Терез рассмеялась. Она услышала, как тихонько хлопнул на ветру шарф Кэрол.

— Мы не обязательно будем жить вместе, но всё будет точно так же.

Они не смогут жить вместе с Ринди, Терез знала. Бессмысленно об этом мечтать. Но того, что Кэрол вслух пообещала, что всё останется точно так же, было более чем достаточно.

Недалеко от границы между Небраской и Вайомингом они остановились поужинать в большом ресторане, построенном как охотничий домик посреди вечнозелёного леса. Они были едва ли не единственными в просторном обеденном зале и выбрали себе столик у камина. Они разложили дорожную карту и решили взять курс прямо на Солт-Лейк-Сити. Возможно, там они останутся на несколько дней, сказала Кэрол, потому что это интересное место, и она устала от сидения за рулём.

— Ласк, — произнесла Терез, глядя на карту. — Какое эротичное название.

Кэрол запрокинула голову и рассмеялась.

— Где это?

— По пути.

Кэрол подняла бокал с вином и сказала:

— Шатонёф-дю-Пап в Небраске. За что выпьем?

— За нас.

Это было вроде утра в Ватерлоо, подумала Те-

рез, час слишком абсолютный и безупречный, чтобы представляться реальным, и тем не менее он был реален, это была не просто бутафория в спектакле: их бокалы с бренди на каминной полке, чуть выше — висящие в ряд оленьи рога, зажигалка Кэрол, сам огонь. Но в какие-то моменты она чувствовала себя актрисой, лишь время от времени с удивлением вспоминая, кто она такая, словно все эти последние дни она играла роль какого-то другого человека, человека, фантастически и сверх меры везучего. Она подняла взгляд на прикреплённые к стропилам еловые ветви, на мужчину с женщиной, которые вели неслышный разговор за столиком у стены; на мужчину, одиноко и неспешно курящего сигарету за другим столом. Она вспомнила о мужчине с газетой в гостинице Ватерлоо. Не те же ли у того были бесцветные глаза и длинные складки по обе стороны рта? Или дело лишь в том, что этот момент осознанности был настолько сходен с тем, другим моментом?

Ночь они провели в Ласке, за девяносто миль от этого места.

17

— **М**иссис Х. Ф. Эрд? — портье посмотрел на Кэрол после того, как она расписалась в журнале. — Вы миссис Кэрол Эрд?

— Да.

— Вам весточка. — Он развернулся и достал конверт из ячейки для корреспонденции. — Телеграмма.

— Спасибо. — Кэрол глянула на Терез, чуть приподняв брови, прежде чем вскрыть телеграмму. Она прочла её, нахмурясь, потом обернулась к портье. — Где находится отель «Бельведер»?

Портье объяснил.

— Я должна забрать ещё одну телеграмму, — сказала Кэрол. — Хочешь подождать здесь, пока я за ней схожу?

— От кого?

— От Абби.

— Ладно. Плохие новости?

Взгляд Кэрол был по-прежнему хмурым.

— Не знаю, пока не прочту. Абби просто пишет, что в «Бельведере» меня ждёт телеграмма.

— Сказать, чтобы багаж отнесли наверх?

— Так… Просто подожди. Машина запаркована.

— Почему мне нельзя пойти с тобой?

— Можно, разумеется, если хочешь. Пойдём пешком. Это всего пара кварталов.

Кэрол шла быстро. Холод пробирал до костей. Терез глядела по сторонам на однообразный, опрятного вида город и вспоминала слова Кэрол о том, что Солт-Лейк-Сити — самый чистый город в Соединённых Штатах. Когда «Бельведер» появился в поле зрения, Кэрол вдруг посмотрела на неё и сказала:

— На Абби, вероятно, снизошло озарение, и она решила прилететь к нам.

В «Бельведере» Терез купила газету, пока Кэрол ходила к стойке портье. В момент, когда Терез обернулась к ней, Кэрол как раз опускала руку с телеграммой после прочтения. Выражение лица у неё было ошеломлённое. Она медленно пошла к Терез, и в голове у Терез пронеслась мысль, что Абби умерла и эта вторая весточка была от её родителей.

— Что стряслось? — спросила Терез.

— Ничего. Пока не знаю. — Кэрол огляделась и шлёпнула телеграммой по пальцам. — Мне надо позвонить. Это может занять несколько минут. — Она посмотрела на часы.

Было без четверти два. Портье сказал, что её

смогут соединить с Нью-Джерси, вероятно, минут через двадцать. А пока Кэрол хотела выпить. Они нашли в гостинице бар.

— Что такое? Абби заболела?

Кэрол улыбнулась.

— Нет. Потом скажу.

— Ринди?

— Нет! — Кэрол допила бренди.

Терез ходила взад-вперёд по холлу, пока Кэрол оставалась в телефонной кабинке. Ей было видно, как Кэрол несколько раз медленно кивнула головой, как завозилась с сигаретой и зажигалкой, пытаясь прикурить, но к моменту, когда Терез подоспела на помощь, она уже справилась сама и знаком показала, что не надо. Кэрол проговорила минуты три-четыре, потом вышла и оплатила счёт.

— Ну что, Кэрол?

Кэрол на секунду остановилась в дверях отеля, выглядывая на улицу.

— Теперь нам в гостиницу «Темпл-Сквер», — сказала она.

Там они забрали ещё одну телеграмму. Кэрол вскрыла её, пробежала глазами и порвала, пока они шли к двери.

— Думаю, мы здесь на ночь не останемся, —

сказала Кэрол. — Идём обратно к машине.

Они вернулись в отель, где Кэрол получила первую телеграмму. Терез ничего не сказала, но она чувствовала — случилось что-то, из-за чего Кэрол придётся немедленно вернуться домой. Кэрол отменила их бронь у портье.

— Я бы хотела оставить адрес для пересылки корреспонденции, если вдруг что-нибудь ещё придёт, — сказала она. — «Браун-Палас», Денвер.

— Будет сделано.

— Большое спасибо. Адрес будет годен всю следующую неделю как минимум.

В машине Кэрол спросила:

— Какой следующий город на запад?

— Запад? — Терез посмотрела на карту. — Уэндовер. Это тот самый отрезок. Сто двадцать семь миль.

— Чёрт! — вдруг воскликнула Кэрол. Она полностью остановила машину, взяла карту и стала её изучать.

— А Денвер?

— Я не хочу ехать в Денвер. — Кэрол сложила карту и завела мотор. — Ну что ж, мы поедем туда в любом случае. Прикуришь мне сигарету, хорошо, дорогая? И следи, когда появится следующее место, где можно что-нибудь съесть.

Они ещё не обедали, а было уже начало четвёртого. Накануне вечером они обсуждали этот отрезок пути — прямую дорогу на запад от Солт-Лейк-Сити через пустыню Большого Солёного озера. Бензина им хватало, Терез это заметила, да и места здесь, вероятно, были не совсем безлюдные, но Кэрол устала. Они были в дороге с шести утра. Кэрол вела машину на большой скорости. То и дело она жала на педаль, вдавливая её в пол до упора, и долго не отпускала. Терез поглядывала на неё с опаской. Она чувствовала, что они от чего-то бегут.

— За нами кто-то есть? — спросила Кэрол.

— Нет. — На сиденье между ними ей был виден торчащий из сумки Кэрол кусок телеграммы. «ЭТО ПОЛУЧИШЬ. ДЖАКОПО». Это всё, что ей удалось прочесть. Она вспомнила, что Джакопо — это имя обезьянки, которая ехала с ними на заднем сиденье.

Они зашли в кафе на заправочной станции — оно стояло совсем одиноко, как бородавка посреди плоского ландшафта. Вполне возможно, что они были первыми, кто туда заглянул за все последние дни. Кэрол посмотрела на неё через накрытый белой клеёнкой стол и откинулась на прямую спинку стула. Прежде чем она успела

заговорить, к ним из кухни в глубине помещения вышел пожилой человек в фартуке и сказал, что ничего, кроме ветчины и яиц, нет, так что они заказали ветчину, яйца и кофе. Потом Кэрол закурила и подалась вперёд, опустив взгляд на стол.

— Знаешь, что происходит? — сказала она. — Хардж нанял детектива, который едет за нами от самого Чикаго.

— Детектива? Зачем?

— Не догадываешься? — ответила Кэрол почти шёпотом.

Терез прикусила язык. Да, она догадалась. Харджу стало известно, что они вместе путешествуют.

— Это Абби тебе сказала?

— Абби об этом узнала. — Пальцы Кэрол соскользнули с сигареты, и она обожглась. Когда она вынула сигарету изо рта, на губах выступила кровь.

Терез огляделась. В заведении было пусто.

— Едет за нами? — спросила она. — *С* нами?

— Сейчас он, возможно, в Солт-Лейк-Сити. Проверяет все отели. Это очень грязное дело, дорогая. Прости, прости, прости. — Кэрол снова беспокойно откинулась на спинку стула. — Может быть, мне лучше посадить тебя на поезд и отправить

домой.

— Хорошо — если ты считаешь, что так лучше всего.

— Тебе вовсе не обязательно быть во всё это впутанной. Пусть они гонятся за мной хоть до Аляски, если хотят. Не знаю, что они уже насобирали. Думаю, немного.

Терез не шевелясь сидела на краешке стула.

— Что он делает — ведёт записи о нас?

Старик возвращался, неся им стаканы с водой.

Кэрол кивнула.

— Ещё есть трюк с диктофоном, — сказала Кэрол, когда он ушёл. — Не знаю, зайдут ли они так далеко. Не знаю, станет ли Хардж этим заниматься. — Уголок её рта дрогнул. Она уткнулась взглядом в одну точку на истёртой белой клеёнке. — Интересно, успели ли они воспользоваться диктофоном в Чикаго. Это единственное место, где мы оставались дольше десяти часов. Уж лучше бы успели. Вот ирония. Ты помнишь Чикаго?

— Конечно. — Она старалась сохранять ровный тон голоса, но это было притворство — как изображаешь самообладание, когда у тебя на глазах умирает нечто тебе дорогое. Им придётся здесь разлучиться. — А Ватерлоо? — Она вдруг подумала о человеке в холле.

— Мы туда поздно добрались. Это было бы нелегко.

— Кэрол, я видела человека… я не уверена, но мне кажется, я видела его дважды.

— Где?

— В холле в Ватерлоо — первый раз. Утром. Потом мне показалось, что я видела его же в ресторане с камином. — Это было только вчера вечером — ресторан с камином.

Кэрол заставила её рассказать всё полностью про оба раза и полностью описать этого человека. Его сложно было описать. Но сейчас она ломала голову, пытаясь извлечь из памяти всё до последней мелочи, включая даже цвет его туфель. И это было странно и довольно страшно — тянуть наружу то, что, вероятно, было лишь плодом её воображения, и привязывать это к реальной ситуации. Видя, как взгляд Кэрол становится всё более напряжённым, она почувствовала, что, возможно, даже лжёт ей.

— Что ты думаешь? — спросила Терез.

Кэрол вздохнула.

— Что тут можно думать? Просто будь начеку, если увидишь его в третий раз.

Терез опустила взгляд на тарелку. Она совершенно не могла есть.

— Это связано с Ринди, да?

— Да. — Кэрол положила вилку, не прикоснувшись к еде, и потянулась за сигаретой. — Хардж хочет её — in toto[17]. Возможно, с помощью этого всего, он считает, ему удастся.

— Просто потому что мы вместе путешествуем?

— Да.

— Мне лучше тебя оставить.

— Чёрт его подери, — тихо проговорила Кэрол, глядя куда-то в угол комнаты.

Терез ждала. Но чего было ждать?

— Я могу автобусом уехать отсюда куда-нибудь, а там пересесть на поезд.

— Ты хочешь уехать? — спросила Кэрол.

— Конечно, нет. Просто я думаю, что так будет лучше всего.

— Ты боишься?

— Боюсь? Нет. — Она чувствовала, что глаза Кэрол оценивают её, так же сурово, как в тот момент в Ватерлоо, когда она призналась Кэрол в любви.

— В таком случае чёрта с два ты уедешь. Я хочу, чтобы ты была со мной.

---

[17] notes: 17
In toto *(лат.)* — полностью, целиком.

— Ты серьёзно?

— Да. Ешь яйца. Брось глупости. — И Кэрол даже чуточку улыбнулась. — Поедем в Рино, как планировали?

— Куда угодно.

— И не будем торопиться.

Несколько минут спустя, когда они были уже в пути, Терез снова сказала:

— Ты знаешь, я всё-таки не уверена, тот же ли это был человек во второй раз.

— Думаю, ты уверена, — ответила Кэрол. Потом, неожиданно, на длинной прямой дороге она остановила машину. Минуту она сидела молча, глядя вперёд на дорогу. Потом бросила взгляд на Терез. — Я не могу ехать в Рино. Это уже будет немного похоже на дурную шутку. Я знаю одно чудесное место чуть к югу от Денвера.

— Денвера?

— Денвера, — твёрдо сказала Кэрол и развернула машину.

18

Наутро они ещё долго лежали обнявшись уже после того, как солнце вошло в комнату. Солнце согревало их сквозь гостиничное окно в крохотном городке, названия которого они не заметили.

Снаружи на земле лежал снег.

— В Эстес-Парке будет снег, — сказала ей Кэрол.

— Что такое Эстес-Парк?

— Тебе понравится. Он не такой, как Йеллоустоун. Открыт круглый год.

— Кэрол, ты ведь не беспокоишься, а?

Кэрол притянула её ближе к себе.

— А что, похоже, что беспокоюсь?

Терез не беспокоилась. Та первая паника улетучилась. Она была начеку, но не так, как вчера, сразу после Солт-Лейк-Сити. Кэрол хочет, чтобы она оставалась с ней, и что бы там ни случилось, они это встретят, не пускаясь в бега. «Как можно бояться и быть влюблённой? — думала Терез. — Это две несочетаемые вещи». Как можно бояться, когда они вместе становятся всё сильнее с каждым днём? И с каждой ночью. Все ночи были разные. И утра тоже. Вместе они владели чудом.

Дорога в Эстес-Парк шла под уклон. Сугробы по обеим сторонам громоздились всё выше, а потом появились огни, натянутые вдоль елей, аркой выгибающиеся над дорогой. Это была деревня вся из коричневых бревенчатых домов, лавочек и гостиниц. Играла музыка, и люди шли по ярко освещённой улице с поднятыми головами, слов-

но зачарованные.

— Мне и правда нравится, — сказала Терез.

— Это не значит, что можно не быть начеку с нашим мужичком.

Они принесли в комнату патефон и стали крутить пластинки — те, что только что купили, и старые, из Нью-Джерси. Терез пару раз поставила «Лёгкую жизнь», а Кэрол наблюдала за ней, сидя напротив, на подлокотнике кресла, со скрещёнными на груди руками.

— Достаётся же тебе со мной, а?

— О, Кэрол… — Терез попыталась улыбнуться. Это всего лишь настроение, миг, который пройдёт. Но тем не менее она почувствовала себя беспомощной.

Кэрол оглянулась на окно.

— И почему мы не поехали сразу в Европу? В Швейцарию. Или хотя бы не прилетели сюда самолётом?

— Мне бы это совсем не понравилось. — Терез посмотрела на свисающую со спинки стула жёлтую замшевую рубашку, которую ей купила Кэрол. Кэрол послала Ринди такую же зелёную. Она купила серебряные серёжки, пару книг и

бутылку трипл-сека[18]. Ещё полчаса назад они, счастливые, вместе гуляли по улицам. — Это та последняя рюмка виски внизу, — сказала Терез. — Виски вгоняет тебя в депрессию.

— Да?

— Хуже, чем бренди.

— Я повезу тебя в самое симпатичное место из всех, что знаю по эту сторону от Сан-Валли, — сказала она.

— А чем плох Сан-Валли? — она знала, что Кэрол любит кататься на лыжах.

— Просто Сан-Валли — это не то, — загадочно ответила Кэрол. — То место находится рядом с Колорадо-Спрингс.

В Денвере Кэрол сделала остановку и продала своё бриллиантовое обручальное кольцо ювелиру. Терез это немного обеспокоило, но Кэрол сказала, что кольцо для неё ничего не значит, и вообще она терпеть не может бриллианты. И это быстрее, чем запрашивать деньги телеграфом из банка. Кэрол хотела остановиться в том отеле, где она уже бывала раньше, в нескольких милях от Колорадо-Спрингс, но передумала почти в ту же

[18] notes: 18

Трипл-сек (*фр.* TripleSec — «тройной сухой») — ликёр с апельсиновым ароматом, похож на ликёр «Кюрасао», но менее сладкий и бесцветный.

минуту, как они туда попали. Очень уж похоже на пансионат, сказала она, и они поехали в гостиницу, которая задним фасадом была обращена к городу, а передним — к горам.

ИХ КОМНАТА была длинной, от двери до квадратных, в пол, окон, которые выходили на сад и за ним — на рыже-белые горы. Вкрапления белого были и в саду — непонятного назначения каменные пирамидки, белая не то скамья, не то стул, и сад выглядел глуповато в сравнении с окружающим его величественным ландшафтом, с плоским разлётом пространства, вознесшегося ввысь горами, и ещё горами, на полмира заполнившими горизонт. В комнате была светлая мебель, примерно того же цвета, что волосы Кэрол, и был там книжный шкаф, такой гладкий, о каком только можно мечтать, и в нём хорошие книги перемежались с плохими, и Терез знала, что не прочтёт ни одной из них, пока они с Кэрол будут здесь. Над книжным шкафом висел живописный портрет женщины в большой чёрной шляпе и красном шарфе, а на стене рядом с дверью была натянута коричневая шкура, не настоящая, а вырезанный кем-то кусок коричневой замши. Над ней помещался жестяной фонарь со свечой внутри. Кэрол также сняла соседнюю

с ними комнату, в которую вела дверь из их номера, хотя они этой комнатой не пользовались, даже для хранения чемоданов. Они планировали пробыть здесь неделю или дольше, если им понравится.

Наутро второго дня, обойдя с инспекцией территорию гостиницы и вернувшись в комнату, Терез застала Кэрол стоящей у прикроватной тумбочки. Кэрол лишь глянула на неё и пошла к туалетному столику. Посмотрев под ним, она двинулась дальше — к длинному стенному шкафу, располагавшемуся за панелью в стене.

— Ну и всё, — сказала Кэрол. — И покончим с этим.

Терез знала, что она ищет.

— Мне даже в голову не пришло, — сказала она. — У меня такое чувство, что мы от него избавились.

— Да, только сейчас он, вероятно, уже добрался до Денвера, — спокойно ответила Кэрол. Она улыбнулась, но улыбка вышла кривоватой. — И, вероятно, заглянет к нам сюда.

Конечно же, так и есть. Есть даже, пусть и крайне маленькая, но вероятность, что детектив заметил их, когда они на обратном пути проезжали Солт-Лейк-Сити, и увязался следом. Если

же он не нашёл их в Солт-Лейк-Сити, он может наводить справки в гостиницах. Именно поэтому, собственно — она знала — Кэрол и оставила в отеле денверский адрес, поскольку они не намеревались ехать в Денвер. Терез бросилась в кресло и посмотрела на Кэрол. Кэрол взяла на себя труд искать диктофон, но настроена она была самонадеянно. Уже одним приездом сюда она напрашивалась на неприятности. И объяснение, разрешение этих противоречий было только и исключительно в самой Кэрол, так и не принявшей решения, в её медленном, неприкаянном шаге, когда она вот сейчас прошла к двери и развернулась, в беспечно запрокинутой голове и в нервной линии бровей, в одну секунду отмеченных раздражением и безмятежных в следующую. Терез обвела взглядом просторную комнату — высокий потолок, большую, квадратную, ничем не украшенную кровать; комнату, в которой, при всей её современности, странным образом присутствовал старомодный размах, ассоциировавшийся у Терез с Диким Западом, как те громадные ковбойские сёдла, которые она видела на конюшне внизу. И ещё особого рода чистота. А Кэрол, между тем, искала диктофон. Терез смотрела, как она идёт обратно к ней, всё

ещё в пижаме и халате. У неё был порыв подойти к Кэрол, стиснуть её в объятиях, потянуть на кровать, и то, что она этого не сделала, теперь дало ей ощущение напряжённости и обострило чувства, наполнило подавляемой, но безрассудной весёлостью.

Кэрол выпустила дым в воздух.

— Плевать. Надеюсь, газеты обо всём узнают и ткнут Харджа носом в его собственное свинство. Надеюсь, он выбросит псу под хвост пятьдесят тысяч долларов. Не хочешь днём съездить в эти места, перед которыми пасует человеческий язык? Ты уже пригласила миссис Френч?

Они познакомились с миссис Френч накануне вечером в игровом зале гостиницы. У неё не было машины, и Кэрол спросила, не хочет ли она сегодня с ними прокатиться.

— Пригласила, — ответила Терез. — Она сказала, что будет готова сразу после обеда.

— Надень замшевую рубашку. — Кэрол обхватила лицо Терез ладонями, сжала ей щёки и поцеловала. — Надень её сейчас.

Путь до золотого прииска Крипл-Крик, через Ют-Пасс[19] и вниз под гору занял часов шесть

---

[19] notes: 19
Горный перевал в штате Колорадо.

или семь. Миссис Френч поехала с ними и всю дорогу не умолкала. Миссис Френч была женщина лет семидесяти, с мерилендским выговором и слуховым аппаратом, готовая в любой момент вылезти из машины и взбираться куда угодно, правда, при этом ей на каждом шагу требовалась помощь. Терез очень за неё тревожилась, хотя, вообще говоря, ей и прикасаться к миссис Френч было неприятно. Ей казалось, что если миссис Френч упадёт, она разобьётся на миллион осколков. Кэрол и миссис Френч беседовали о штате Вашингтон, который миссис Френч хорошо знала, поскольку жила там последние несколько лет с одним из своих сыновей. Кэрол задала ей несколько вопросов, и миссис Френч рассказала во всех подробностях о десяти годах путешествий после смерти мужа и о своих двоих сыновьях, один из которых жил в Вашингтоне, а другой — на Гавайях и работал в ананасной компании. И ясное дело, миссис Френч была в восторге от Кэрол, и им ещё немало предстояло наслаждаться компанией миссис Френч. Они вернулись в отель около одиннадцати. Кэрол предложила миссис Френч поужинать с ними в баре, но та ответила, что сил у неё нет больше ни на что, кроме пшеничных подушечек с горячим молоком, которые

она поест у себя в номере.

— Я рада, — сказала Терез, когда она ушла. — Я предпочитаю побыть с тобой наедине.

— В самом деле, мисс Беливет? Что это такое вы имеете в виду? — спросила Кэрол, открывая дверь в бар. — Вам лучше будет сесть и всё мне об этом рассказать.

Но остаться наедине в баре дольше пяти минут им не удалось. Двое мужчин — один по имени Дейв, имени другого Терез не знала, да и не хотела знать — попросили разрешения к ним присоединиться. Это были те двое, что накануне вечером подошли к ним в игровой комнате и пригласили их с Кэрол поиграть в джин. Тогда Кэрол отказалась. Сейчас же она ответила:

— Конечно, присаживайтесь.

Кэрол с Дейвом завели, казалось, очень интересный разговор, но Терез сидела так, что не особенно могла в нём участвовать. А второй мужчина, тот, что был рядом с Терез, желал говорить о другом — о поездке верхом, которую он только что совершил вокруг Стимбот Спрингс. После ужина Терез ждала от Кэрол знака, чтобы уйти, но Кэрол всё ещё была увлечена беседой. Терез читала о том особенном удовольствии, которое человек испытывает от осознания того,

что другие тоже находят его любимого привлекательным. В ней этого попросту не было. Кэрол время от времени смотрела на неё и подмигивала. Так что Терез просидела там полтора часа, и ей удалось оставаться вежливой, потому что она знала, что этого хочет Кэрол.

Люди, подсаживавшиеся к ним в баре и иногда в обеденном зале, раздражали её не так сильно, как миссис Френч, которая чуть ли не каждый день ездила с ними куда-нибудь на машине. Вот тут в ней поднималось гневное возмущение — которого Терез на самом деле стыдилась, — оттого что ей не дают остаться наедине с Кэрол.

— Дорогая, ты никогда не задумывалась о том, что однажды тебе тоже будет семьдесят один год?

— Нет, — ответила Терез.

Но бывали и другие дни — когда они уезжали в горы вдвоём, по первой попавшейся дороге. Однажды они наткнулись на маленький городок — он им понравился, и они остались там ночевать, без пижам и зубных щёток, без прошлого и будущего, и эта ночь стала одним из тех островков во времени, подвешенных где-то в сердце или в памяти, неприкосновенных и абсолютных. «А может быть, это не что иное как счастье, —

подумала Терез, — полное счастье, настолько, должно быть, редкое, что его вообще знают лишь единицы». Но если это просто счастье, тогда оно вышло за обычные границы и превратилось в нечто другое, превратилось в некое избыточное давление, так что вес кофейной чашки в руке, скорость перебегающего сад кота там, внизу, беззвучное столкновение двух облаков стали для неё почти непереносимы. И совсем так же, как месяц назад она не могла понять феномена внезапно свалившегося на неё счастья, так и сейчас она не понимала своего нынешнего состояния, которое, похоже, было отголоском того, первого. Оно причиняло боль чаще, чем доставляло удовольствие, и вследствие этого Терез стала опасаться, что в ней есть какой-то серьёзный и только ей присущий изъян. Временами ей становилось так страшно, как будто она ходит со сломанным позвоночником. И если у неё вдруг возникало побуждение рассказать об этом Кэрол, слова растворялись ещё до того, как она успевала что-либо произнести, в страхе и её обычном недоверии к собственным реакциям, в опасении, что никому другому они не свойственны, и потому даже Кэрол не сможет их понять.

По утрам они обычно уезжали куда-нибудь

в горы и оставляли машину, чтобы взобраться наверх. Они ездили бесцельно по извивающимся зигзагами дорогам, которые были словно прочерчены белым мелом и соединяли одну вершину горы с другой. Издалека можно было видеть разбросанные по выступающим пикам облака, так что казалось, будто они плывут вместе в пространстве, чуть ближе к небесам, чем к земле. Любимым местом Терез был участок шоссе над Крипл-Криком, где дорога неожиданно прижималась к краю гигантской впадины. Внизу, на расстоянии сотен футов, в беспорядке лежал крохотный заброшенный шахтёрский посёлок. Тут зрение и ум начинали шутить друг с другом шутки, потому что невозможно было удерживать стойкое представление о пропорциях внизу, невозможно было сопоставить их ни в каком человеческом масштабе. Её собственная вытянутая вперёд рука казалась то лилипутской, то необычайно огромной. И посёлок занимал лишь мизерную часть громадной воронки в земле, как единичный опыт, единичное ничем не примечательное событие, развернувшееся на некой неизмеримой территории рассудка. Плавающий в пространстве взгляд возвращался к тому, что было похоже на раздавленный автомобилем

спичечный коробок, к рукотворной путанице маленького посёлка.

Всегда Терез высматривала мужчину со складками по сторонам рта, но Кэрол никогда этого не делала. Кэрол никогда даже о нём не заговаривала с того самого второго дня их пребывания в Колорадо-Спрингс, а сейчас уже прошло десять дней. Поскольку ресторан при гостинице был знаменит, каждый вечер в большом обеденном зале появлялись новые люди, и Терез всегда поглядывала по сторонам, не потому что в действительности ожидала его увидеть, а в качестве некой меры предосторожности, превратившейся уже в привычку. Кэрол же не обращала внимания ни на кого, кроме Уолтера, их официанта, который неизменно подходил к их столику спросить, какой коктейль они сегодня желают. На Кэрол, вместе с тем, заглядывались многие, потому что она, как правило, была самой привлекательной женщиной в зале. И Терез пребывала в таком блаженстве рядом с ней, она так гордилась ею, она не смотрела ни на кого, кроме Кэрол. И потом, читая меню, Кэрол медленно наступала ей на ногу под столом, чтобы заставить её улыбнуться.

— Что ты скажешь насчёт Исландии летом? — могла спросить Кэрол, потому что они взяли себе

за правило говорить о путешествиях, садясь за стол, если в этот момент не говорили ни о чём другом.

— Ты нарочно выбираешь такие холодные места? Когда я вообще буду работать?

— Брось унывать. Пригласим миссис Френч? Думаешь, она будет против, если мы станем держаться за руки?

Однажды утром пришло три письма — от Ринди, Абби и Дэнни. Это было уже второе письмо от Абби. В предыдущем не было никаких новостей, и сейчас Терез заметила, что Кэрол вскрыла письмо Ринди первым. Дэнни писал, что всё ещё ждёт результатов двух собеседований по поводу работы. А также передал от Фила, что Гаркеви собирается в марте делать декорации к английской пьесе под названием «Малодушный».

— Ты только послушай, — сказала Кэрол. — «Тебе не попадались в Колорадо броненосцы? Можешь мне прислать одного, потому что хамелеон потерялся? Мы с папочкой обыскали весь дом. Но если ты пришлёшь броненосца, он будет большой и не потеряется». Красная строка. «Я получила девяносто по правописанию, но всего семьдесят — по арифметике. Я её ненавижу. Я ненавижу учительницу. Ладно, мне надо закан-

чивать. Огромный привет тебе и Абби. Ринди. XX. P.S. Большое спасибо за кожаную рубашку. Папочка купил мне на Рождество двухколёсный велосипед взрослого размера, для которого, он говорит, я ещё маленькая. Я не маленькая. Это красивый велосипед». Точка. Что толку? Хардж всегда сможет меня переплюнуть. — Кэрол положила письмо и взяла в руки то, что было от Абби.

— Почему Ринди пишет «привет тебе и Абби»? — спросила Терез. — Она думает, что ты с Абби?

— Нет. — Деревянный нож, которым Кэрол начала вскрывать конверт от Абби, остановился на полпути. — Наверное, она думает, что я с ней переписываюсь, — сказала Кэрол и разрезала конверт до конца.

— То есть Хардж ведь не стал бы ей этого говорить?

— Нет, дорогая, — рассеянно ответила Кэрол, поглощённая чтением письма.

Терез встала, прошла через комнату и остановилась у окна, глядя на горы. Надо бы после обеда написать Гаркеви, подумала она, и спросить, есть ли у неё шанс получить работу ассистента в его группе в марте. Она начала в уме сочинять пись-

мо. Горы в ответ смотрели на неё, как величавые рыжие львы, пристальным взором свысока. Кэрол дважды рассмеялась, но вслух ей ничего зачитывать не стала.

— Никаких новостей? — спросила Терез, когда Кэрол закончила.

— Никаких новостей.

Кэрол научила её водить машину на дорогах вокруг подножия гор, где почти никогда никто не проезжал. Терез освоила вождение быстрее, чем когда-либо что-либо ещё, и через пару дней Кэрол позволила ей сесть за руль в Колорадо-Спрингс. В Денвере она сдала экзамен и получила права. Кэрол сказала, что она сможет вести половину пути обратно в Нью-Йорк, если захочет.

ОН СИДЕЛ один за столиком слева от Кэрол, за её спиной. Был вечер, час ужина. Терез подавилась воздухом и опустила вилку на стол. Сердце заколотилось так, будто вот-вот готово было пробиться наружу из груди. Как она умудрилась съесть половину ужина и не заметить его? Она подняла глаза на Кэрол и увидела, что та за ней наблюдает, считывает её серыми глазами, сейчас уже не такими спокойными, как секунду назад. Кэрол смолкла на полуслове.

— Закури, — сказала она, протягивая Терез си-

гарету, щёлкнув зажигалкой. — Он ведь не знает, что ты можешь его узнать?

— Нет.

— Вот пусть и не догадывается. — Кэрол улыбнулась ей, закурила сама и посмотрела в противоположную от детектива сторону. — Просто не нервничай, — добавила она тем же тоном.

Легко сказать, легко было думать, что она сможет на него смотреть, когда в следующий раз увидит. Но что толку пытаться, если ощущение от этого — как от удара пушечным ядром в лицо.

— Сегодня нет «Запечённой Аляски»? — сказала Кэрол, глядя в меню. — Моё сердце разбито. Знаешь, что мы закажем? — Она подозвала официанта: — Уолтер!

Уолтер подошёл улыбающийся, ревностно желающий услужить, как и во всякий другой вечер.

— Да, мадам.

— Пожалуйста, Уолтер, два бокала «Реми Мартена», — сказала Кэрол.

Бренди если и помог, то весьма незначительно. Детектив ни разу на них не взглянул. Он читал прислонённую к металлической салфетнице книгу, и даже сейчас Терез испытывала сомнения такие же сильные, как тогда в кафе под Солт-

Лейк-Сити, неопределённость странным образом более ужасную, чем была бы положительная уверенность в том, что это детектив.

— Кэрол, нам обязательно проходить мимо него? — спросила Терез. У неё за спиной была дверь, ведущая в бар.

— Да. Так мы отсюда выходим. — Брови Кэрол приподнялись в улыбке, точно так же, как в любой другой вечер. — Он ничего не может с нами сделать. Ты что, думаешь, он выхватит пистолет?

Терез направилась за ней, пройдя не более чем в двенадцати дюймах от этого господина с опущенной к книге головой. Она увидела, как впереди неё фигура Кэрол грациозно склонилась в приветствии миссис Френч — та была за столиком одна.

— Почему вы не подошли и не сели с нами? — спросила Кэрол, и Терез вспомнила, что две женщины, с которыми миссис Френч обычно сидела за столом, сегодня уехали.

Кэрол даже задержалась там на некоторое время, чтобы поболтать с миссис Френч, и Терез восхитилась ею, однако сама не могла там оставаться и прошла дальше — ждать Кэрол у лифтов.

Наверху Кэрол обнаружила прикреплённый в углу под прикроватной тумбочкой маленький прибор. Она взяла ножницы и, помогая себе обеими руками, перерезала уходящий под ковёр провод.

— Думаешь, работники отеля его сюда впустили? — в ужасе спросила Терез.

— Вероятно, у него был подходящий ключ. — Кэрол отодрала вещицу от тумбочки и бросила её на ковёр — маленькую чёрную коробочку с обрезком провода. — Посмотри на него — чистая крыса. Портрет Харджа. — Лицо её внезапно вспыхнуло.

— Куда он ведёт?

— В какую-то комнату, где всё записывается. Вероятно, по ту сторону коридора. *Спасибо превеликое* этим роскошным коврам от стены до стены!

Кэрол пнула диктофон, и он отлетел на середину комнаты.

Терез посмотрела на маленький прямоугольный корпус и подумала о том, как прошлой ночью он жадно впитывал их слова.

— Интересно, как долго эта штука там находилась?

— Как долго, по-твоему, он мог быть здесь и не

попадаться тебе на глаза?

— В худшем случае со вчера. — Но уже произнося это, она знала, что, возможно, ошибается. Она не могла видеть каждое вновь появляющееся в отеле лицо.

Да и Кэрол покачала головой.

— Неужели бы ему понадобилось почти две недели, чтобы выследить нас от Солт-Лейк-Сити? Нет, он просто сегодня решил с нами поужинать. — Кэрол отвернулась от книжного шкафа с бокалом бренди в руке. Лицо её больше не пылало. Теперь она даже слегка улыбнулась. — Вот ведь недотёпа, а? — Она села на кровать, перебросила подушку себе за спину и откинулась на неё.

— Ну что ж, мы, пожалуй, достаточно долго тут пробыли, да?

— Когда ты хочешь ехать?

— Может быть, завтра. Утром соберём вещи и отбудем после обеда. Как думаешь?

Позже они спустились к машине и поехали прокатиться — в западном направлении, в темноту. «Мы не поедем дальше на запад», — подумала Терез. Она не могла унять панику, которая плясала в самом её сердце и вызвана была чем-то, что произошло раньше, что случилось давно, не сейчас, не вот это. Ей было не по себе, а Кэрол

вела себя как ни в чём не бывало. Кэрол не просто разыгрывала хладнокровие, ей и в самом деле не было страшно. Что он, в конце концов, может сделать, сказала Кэрол, — просто она не хочет, чтобы за ней шпионили.

— И ещё одно, — добавила Кэрол. — Попробуй выяснить, что у него за машина.

Той ночью, обсуждая над картой дорог завтрашний маршрут, они разговаривали так по-деловому, как пара незнакомцев, и Терез подумала, что наверняка сегодняшняя ночь не будет такой, как предыдущая. Но когда они в постели поцеловались, желая друг другу спокойной ночи, Терез почувствовала, как их вдруг отпустило, она ощутила этот жадный отклик в них обеих, словно их тела были из таких материалов, которые при контакте неизбежно вызывают желание.

19

Терез не удалось выяснить, что у него за машина, потому что машины были заперты в отдельных гаражах, и хотя гаражи были ей видны с веранды, в то утро она не заметила, чтобы он выходил из гостиницы. И в обед они его тоже не видели.

Миссис Френч настояла на том, чтобы они

зашли к ней в комнату выпить ликёра, когда услышала, что они уезжают.

— Вы должны выпить по рюмке на дорожку, — сказала она Кэрол. — Да и вашего адреса у меня ещё даже нет!

Терез вспомнила, что они пообещали друг другу обменяться цветочными луковицами. Она вспомнила долгий разговор о луковицах, который случился у них как-то раз в машине, разговор, скрепивший их дружбу. Кэрол держалась с поразительным терпением до самого конца. Глядя, как она сидит на диване у миссис Френч с рюмкой, в которую миссис Френч всё подливала и подливала, в жизни было не догадаться, что Кэрол торопится поскорее оттуда выбраться. На прощание миссис Френч расцеловала их обеих в щеки.

Из Денвера они поехали по шоссе на север, в сторону Вайоминга. Они остановились выпить кофе в заведении из тех, что им всегда нравились, — обычный ресторан со стойкой и музыкальным автоматом. Они опускали монетки в автомат, но всё это было не то, что раньше. Терез знала, что как раньше уже не будет до конца поездки, хотя Кэрол и сейчас ещё говорила о том, чтобы доехать до Вашингтона и, может быть, даже дальше на

север, в Канаду. Терез чувствовала, что Кэрол была нацелена на Нью-Йорк.

Первую ночь они провели в туристическом лагере, устроенном в виде расположенных по кругу вигвамов. Когда они раздевались, Кэрол посмотрела на потолок, туда, где в одной точке сходились опорные жерди, и скучающим тоном произнесла:

— Не лень же некоторым идиотам.

И Терез это почему-то показалось уморительно смешным. Она хохотала до тех пор, пока Кэрол от этого не устала и не пригрозила, что заставит её выпить стакан бренди, если она не прекратит. И Терез всё ещё улыбалась, стоя у окна с бренди в руке и поджидая, чтобы Кэрол вышла из душа, когда к большому вигваму-конторе подъехал автомобиль и остановился. Через минуту вошедший в контору человек вышел оттуда и огляделся в темноте, внутри круга вигвамов. Его крадущийся шаг — вот что привлекло внимание Терез. Она вдруг без сомнений поняла — хоть и не видела его лица, да и фигуры толком, — что это детектив.

— Кэрол! — позвала она.

Кэрол отдёрнула шторку душа, взглянула на неё и перестала вытираться.

— Это…

— Не знаю, но думаю, да, — сказала Терез и увидела, как гнев медленно расходится по лицу Кэрол, и оно становится каменным. От потрясения Терез протрезвела, словно сейчас только осознав оскорбительность происходящего для себя и для Кэрол.

— Ч-чёрт! — сказала Кэрол и швырнула полотенце на пол. Она накинула халат и завязала пояс. — Ну… что он делает?

— По-моему, он собирается здесь остаться. — Терез отступила к краю окна. — Во всяком случае, его машина по-прежнему перед конторой. Если мы выключим свет, мне будет гораздо лучше видно.

Кэрол застонала.

— О, не надо. Я не смогу. Мне это наскучило, — произнесла она с величайшей скукой и брезгливостью в голосе.

И Терез улыбнулась, кривя губы, сдерживая очередной безумный приступ смеха, потому что знала, что Кэрол придет в бешенство, если она рассмеется. Потом она увидела, как автомобиль вкатывается в гаражную дверь вигвама напротив.

— Да, он остаётся здесь. Чёрный двухдверный седан.

Кэрол со вздохом опустилась на кровать. Она улыбнулась Терез — беглой улыбкой, в которой были утомлённость и скука, смирение, беспомощность и гнев.

— Прими душ. И потом снова оденься.

— Но я не знаю, он ли это вообще.

— В этом-то вся чертовщина, дорогая.

Терез приняла душ и легла одетая рядом с Кэрол. Кэрол выключила свет. Она молча курила в темноте сигарету за сигаретой, пока в конце концов не коснулась руки Терез и не сказала:

— Пойдём.

Была половина четвёртого, когда они выехали из лагеря. Счёт они оплатили заранее. Везде было темно, и если только детектив не следил за ними из своей комнаты при выключенном свете, никто не должен был их заметить.

— Что ты хочешь делать — где-нибудь ещё поспать? — спросила Кэрол.

— Нет. А ты?

— Нет. Давай посмотрим, сколько нам удастся проехать. — Она вдавила педаль в пол. Дорога была пустынной и гладкой на всём расстоянии, какое охватывал свет фар.

Рассвет только начал заниматься, когда их остановил сотрудник дорожного патруля за

превышение скорости, и Кэрол пришлось заплатить двадцать долларов штрафа в городке под названием Сентрал-Сити штата Небраска. Они потеряли тридцать миль пути, поскольку им пришлось ехать вслед за патрульным обратно в этот городишко, но Кэрол всё перенесла безропотно, не в пример самой себе, не в пример тому случаю, когда она спорила и пыталась умаслить патрульного, а заодно и нью-джерсийского автоинспектора, который там был, чтобы они не арестовывали её за превышение скорости.

— Раздражает, — сказала Кэрол, когда они вернулись в машину, и это было всё, что она произнесла на протяжении нескольких часов.

Терез предложила вести машину, но Кэрол ответила, что хочет сама. И перед ними развернулась плоская небраскинская прерия, жёлтая от пшеничного жнивья, с коричневыми вкраплениями голой земли и камней, обманчиво тёплая под белым зимним солнцем. Оттого, что теперь они ехали чуть медленнее, у Терез было паническое ощущение, что они не двигаются вовсе, как будто земля дрейфует под ними, и они стоят на месте. Она следила за дорогой позади них, высматривая очередную патрульную машину, автомобиль детектива и то безымянное, бесформенное, что

— она чувствовала — преследует их неотступно от Колорадо-Спрингс. На земле и в небе она выискивала ничего не значащие проявления, и её рассудок упорно стремился приписать им значимость — это мог быть канюк, проделывающий в небе медленный вираж; или направление движения клубка сорняков, подгоняемого ветром и подпрыгивающего по изрытому колеями полю; и идёт ли из дымоходной трубы дым. Часов в восемь ей непреодолимо захотелось спать, веки отяжелели, ум затуманился, и она почти не удивилась, увидев позади автомобиль, такой, как и высматривала, — двухдверный седан тёмного цвета.

— За нами машина, такая, как та, — сказала она. — С жёлтыми номерами.

Кэрол минуту ничего не говорила, но глянула в зеркало и выпустила воздух сквозь сжатые губы.

— Сомневаюсь. Если это так, то он способнее, чем я думала. — Она начала тормозить. — Если я его пропущу вперёд, как думаешь, ты его узнаешь?

— Да. — Неужели бы теперь, после всего, она не узнала его, промелькни он даже самым смутным видением?

Кэрол сбавила скорость почти до полной оста-

новки, взяла карту дорог, разложила её на руле и стала разглядывать. Вторая машина приблизилась — внутри был он — и проехала дальше.

— Да, — сказала Терез. Мужчина даже на неё не взглянул.

Кэрол нажала на газ.

— Ты уверена, точно?

— Абсолютно. — Стрелка на спидометре дошла до шестидесяти пяти и пошла выше. — Что ты собираешься делать?

— Поговорить с ним.

Кэрол скинула скорость, когда расстояние между ними сошло на нет. Они поравнялись с машиной детектива, и он оглянулся на них — длинные, прямой линией, неподвижные губы, глаза — круглые серые точки, так же лишённые выражения, как и его рот. Кэрол сделала ему знак рукой остановиться. Он поехал медленнее.

— Опусти стекло, — сказала ей Кэрол.

Автомобиль детектива съехал на песчаную обочину и встал.

Кэрол остановила машину так, что задние колёса остались на шоссе, и заговорила через голову Терез:

— Вам наша компания, что ли, нравится?

Он вышел из машины и захлопнул дверь. Ярда

три разделяло их автомобили. Детектив прошёл половину этого пути и остановился. Серые радужки его мертвенных маленьких глазок были обведены темноватой каймой, как пустые, с остановившимся взглядом, глаза куклы. Он был немолод. Лицо его было потрёпано непогодами, по которым он его таскал, и из-за отбрасываемых бородой теней искривленные складки по обеим сторонам рта казались ещё глубже.

— Я делаю свою работу, миссис Эрд, — сказал он.

— Это довольно очевидно. Мерзкая работа, не правда ли?

Детектив постучал сигаретой по ногтю большого пальца и закурил её на порывистом ветру с театральной медлительностью.

— По крайней мере, она почти окончена.

— Почему бы вам в таком случае не отстать от нас, — голос Кэрол был таким же напряжённым, как её рука, которой она опиралась на руль.

— Потому что у меня есть указание следовать за вами в этой поездке. Но если вы возвращаетесь в Нью-Йорк, я больше не должен буду этого делать. Советую вам вернуться, миссис Эрд. Вы теперь возвращаетесь?

— Нет, не возвращаюсь.

— Потому что у меня есть кое-какая информация… информация, я бы сказал, свидетельствующая о том, что в ваших интересах было бы вернуться в Нью-Йорк и всё уладить.

— Спасибо, — циничным тоном ответила Кэрол. — Большое спасибо, что сказали. Возвращение пока не входит в мои планы. Но я готова дать вам свой маршрут, чтобы вы могли оставить нас в покое и отоспаться.

Детектив посмотрел на неё с фальшивой и бессмысленной улыбкой, вовсе не как человек, а как механизм, заведённый и нацеленный на курс.

— Думаю, вы вернётесь в Нью-Йорк. Я вам даю дельный совет. Речь о вашем ребёнке. Я полагаю, вы об этом знаете, не правда ли?

— Мой ребёнок — моя собственность!

Складка на его щеке дёрнулась.

— Человеческое существо — не собственность, миссис Эрд.

Кэрол повысила голос:

— Вы собираетесь тащиться за нами весь остаток пути?

— Вы едете обратно в Нью-Йорк?

— Нет.

— Думаю, поедете, — сказал детектив и медленно развернулся к своей машине.

Кэрол поставила ногу на стартёр. Она потянулась к руке Терез, ободряюще сжала её на секунду, и автомобиль рванул вперёд. Терез сидела, уткнувшись локтями в колени, прижав ладони ко лбу, сдавшись перед стыдом и потрясением, каких прежде никогда не знала, которые при детективе подавляла.

— Кэрол!

Кэрол беззвучно плакала. Терез смотрела на опущенные углы изогнутого рта и видела вовсе не Кэрол, а искажённое плачем лицо маленькой девочки. Недоверчиво, широко раскрыв глаза, смотрела она на катящуюся по скуле Кэрол слезу.

— Достань мне сигарету, — проговорила Кэрол.

К моменту, когда Терез протянула ей зажжённую сигарету, Кэрол уже смахнула слезу, и на этом всё было кончено. Какую-то минуту Кэрол медленно вела машину и курила.

— Перелезь на заднее сиденье и достань пистолет, — сказала Кэрол.

Секунду Терез не шевелилась.

Кэрол бросила на неё взгляд:

— Ну?

Терез ловко скользнула в своих брюках через спинку и затащила на сиденье синий чемодан.

Она расстегнула застёжки и вынула джемпер с завёрнутым в него пистолетом.

— Просто дай его мне, — спокойно сказала Кэрол. — Я хочу, чтобы он был в боковом кармане. — Кэрол протянула руку назад через плечо, Терез вложила в неё белую рукоятку пистолета и переползла обратно на переднее сиденье.

Детектив по-прежнему ехал за ними, в полумиле, позади лошади с фермерской телегой, которая свернула на шоссе с грунтовой дороги. Кэрол держала Терез за руку и вела машину одной левой рукой. Терез опустила взгляд на пальцы в бледных веснушках, прохладными сильными кончиками зарывшиеся в её ладонь.

— Я ещё раз с ним поговорю, — сказала Кэрол, нажала на педаль газа и не отпускала её. — Если хочешь выйти, я высажу тебя на следующей заправке или ещё где-нибудь и потом за тобой вернусь.

— Я не хочу тебя оставлять, — ответила Терез. Кэрол собиралась потребовать у него записи, и перед глазами у Терез возникла картина, как он делает с Кэрол страшное, как с безупречной профессиональной сноровкой выхватывает пистолет, как стреляет, прежде чем Кэрол даже успеет нажать на спусковой крючок. Но всего

этого не было и не будет, подумала она и стиснула зубы. Она сжимала пальцами руку Кэрол.

— Хорошо. И не волнуйся. Я всего лишь хочу с ним поговорить. — Она вдруг съехала с шоссе влево, на дорогу поуже. Дорога шла вверх, между отлогих склонов, потом сворачивала и уходила в лес. Кэрол вела быстро, хотя дорога была плохая. — Он едет за нами, да?

— Да.

Один фермерский дом приютился среди холмов, а дальше — ничего, лишь поросшая низким кустарником, каменистая земля и дорога, то и дело пропадающая в изгибах ландшафта прямо у них перед глазами. Там, где дорога прижималась к отлогому холму, Кэрол свернула за поворот и остановила машину как попало, наполовину поперёк дороги.

Она потянулась к боковому карману и вытащила пистолет. Она что-то в нём открыла, и Терез увидела внутри пули. Потом Кэрол посмотрела сквозь ветровое стекло и уронила руки с пистолетом на колени.

— Лучше не надо, не надо, — быстро проговорила она и бросила пистолет обратно в боковой карман. Потом она подтянула машину вперёд и выровняла её вдоль края холма. — Оставайся

здесь, — сказала она и вышла.

Терез услышала приближающийся автомобиль детектива. Кэрол медленно пошла в сторону звука, и тут автомобиль выехал из-за поворота, небыстро, но тормоза взвизгнули, и Кэрол отступила на обочину. Терез приоткрыла дверцу и прислонилась к нижней раме окна.

Он вышел из машины.

— Что на сей раз? — спросил он, повышая голос, чтобы перекричать ветер.

— А вы как думаете? — Кэрол подошла чуть ближе. — Я бы хотела получить всё, что у вас есть обо мне, — диктофонные плёнки и что там ещё.

Брови детектива едва приподнялись над бледными точками глаз. Он прислонился к переднему крылу автомобиля, ухмыляясь длинными тонкими губами, бросил короткий взгляд на Терез, затем снова на Кэрол.

— Всё отослано. У меня нет ничего, кроме нескольких заметок. О времени и местах.

— Хорошо, я хотела бы их получить.

— В смысле вы хотите их купить?

— Я этого не сказала, я сказала, что хотела бы их получить. Вы предпочитаете их продать?

— Вам от меня не откупиться, — сказал он.

— А ради чего, собственно, вы этим занимае-

тесь, если не ради денег? — нетерпеливо спросила Кэрол. — Почему бы не подзаработать чуть больше? Сколько вы возьмёте за то, что у вас есть?

Он сложил на груди руки.

— Я же сказал — всё отослано. Вы зря потратите деньги.

— Не думаю, что вы уже отправили диктофонные записи из Колорадо-Спрингс, — сказала Кэрол.

— Нет? — саркастически отозвался он.

— Нет. Я дам вам за них сколько скажете.

Он смерил Кэрол взглядом, скользнул глазами по Терез, и его губы снова расползлись в ухмылке.

— Доставайте — плёнки, записи или что там у вас, — сказала Кэрол, и детектив тронулся с места.

Он обогнул свой автомобиль, подошёл к багажнику, и Терез услышала звяканье ключей, когда он стал его отпирать. Терез вышла из машины, больше не в состоянии там находиться. Она прошла вперёд и остановилась в нескольких футах от Кэрол. Детектив что-то доставал из большого чемодана. Выпрямляясь, он зацепился за открытую крышку багажника шляпой, и она слетела с его головы. Он наступил на краешек шляпы, что-

бы её не унесло ветром. Теперь он что-то держал в руке — совсем мелкое, не разглядеть.

— Здесь две, — сказал он. — Цена им, я думаю, пять сотен. Они бы стоили больше, если бы остальные не были уже в Нью-Йорке.

— Вы отменный продавец. Я вам не верю, — ответила Кэрол.

— Почему? В Нью-Йорке их ждут не дождутся. — Он поднял шляпу с земли и закрыл багажник. — Но теперь у них есть достаточно. Я же сказал, вам лучше вернуться в Нью-Йорк, миссис Эрд. — Он погасил окурок на земле, раздавив его носком башмака. — Ну что, теперь вернётесь в Нью-Йорк?

— Я не меняю своих решений, — сказала Кэрол.

Детектив пожал плечами.

— Я ни на чьей стороне. Чем скорее вы поедете обратно в Нью-Йорк, тем скорее мы будем квиты.

— Мы можем быть квиты уже сейчас. Отдадите их мне и можете сниматься с места и двигаться дальше, не сворачивая.

Детектив медленно вытянул вперёд сжатую в кулак руку — будто играл в «угадайку», и его кулак мог оказаться пустым.

— Вы готовы отдать мне за них пять сотен? — спросил он.

Кэрол посмотрела на его руку, затем раскрыла висящую на плече сумку. Она вытащила бумажник и после — чековую книжку.

— Я предпочитаю наличные, — сказал он.

— У меня их нет.

Он снова пожал плечами.

— Ладно, я возьму чек.

Кэрол выписала чек, прижав его к крылу сыщикова автомобиля.

Сейчас, когда он склонился, наблюдая за Кэрол, Терез сумела разглядеть у него в руке маленький чёрный предмет. Она подошла ближе. Детектив по буквам диктовал своё имя. Когда Кэрол отдала ему чек, он опустил в ее ладонь две коробочки.

— Как долго вы их собирали? — спросила Кэрол.

— Послушайте и узнаете.

— Я здесь не для того, чтобы шутить! — воскликнула Кэрол, и её голос надломился.

Он улыбнулся, складывая чек.

— Не говорите, что я вас не предупреждал. То, что вы от меня получили, — это не всё. В Нью-Йорке их множество.

Кэрол застегнула сумку и развернулась к сво-

ей машине, даже не взглянув на Терез. Потом она остановилась и снова посмотрела в лицо детективу.

— Если у них есть всё, что им нужно, вы ведь теперь можете сворачивать лавочку? Обещаете это сделать?

Он стоял, положив руку на дверь автомобиля, и наблюдал за Кэрол.

— Я всё ещё на работе, миссис Эрд, — всё ещё выполняю задание для своей конторы. Разве что вы захотите сейчас поспеть на самолёт домой. Или в какое-нибудь другое место. Улизните от меня. Я должен что-то сказать в конторе — без последних дней в Колорадо-Спрингс, — что-то более захватывающее, чем вот это.

— О, пусть они сами изобретут что-нибудь захватывающее!

Детектив слегка обнажил в улыбке зубы. Он снова сел в машину, рывком переключил передачу, высунул голову в окно, чтобы посмотреть, что там сзади, и проворно развернул автомобиль. Он уехал по направлению к шоссе.

Шум его мотора быстро угас. Кэрол медленно пошла к машине и села в неё, уставив взгляд сквозь ветровое стекло на сухое возвышение земли в нескольких ярдах впереди. Лицо её на-

столько ничего не выражало, как будто она была в обмороке.

Терез сидела рядом. Она обняла Кэрол за плечи. Она сжимала пальцами матерчатый рукав пальто и чувствовала себя никчемной, как какой-нибудь незнакомец.

— О, я думаю, это большей частью блеф, — неожиданно сказала Кэрол.

Но лицо её было серым, голос лишён энергии.

Кэрол раскрыла ладонь и посмотрела на две маленькие круглые коробочки.

— Это место ничем не хуже любого другого. — Она вышла из машины, и Терез последовала за ней. Кэрол открыла коробочку и вытащила катушку с лентой, которая была похожа на киноплёнку. — Какая крошечная, а? Я полагаю, она горит. Давай её сожжём.

Терез зажгла спичку, укрывшись в автомобиле. Плёнка горела быстро, Терез бросила её на землю, и огонь тут же задуло ветром. Кэрол сказала, не стоит беспокоиться — можно обе плёнки выбросить в реку.

— Который час? — спросила Кэрол.

— Без двадцати двенадцать. — Она села обратно в машину, и Кэрол немедленно тронулась с места — обратно по дороге, в сторону шоссе.

— Я из Омахи позвоню Абби, а потом своему адвокату.

Терез посмотрела на карту дорог. Омаха была ближайшим крупным городом, если взять чуть на юг. У Кэрол был усталый вид, и Терез чувствовала всё ещё не улегшийся гнев в хранимом ею молчании. Машину тряхнуло на ухабе, послышался глухой удар и звяканье закатившейся куда-то под переднее сиденье банки пива — пива, которое они не сумели открыть в тот первый день. Терез была голодна, голодна до дурноты уже много часов подряд.

— Давай я поведу?

— Хорошо, — устало отозвалась Кэрол и расслабилась, будто сдавшись. Она быстро сбросила скорость.

Терез скользнула через неё, под рулём.

— А позавтракать остановимся?

— Я не смогу есть.

— Или выпить.

— Давай в Омахе.

Терез довела стрелку на спидометре до шестидесяти пяти и удерживала её чуть ниже семидесяти. Это было Тридцатое шоссе. А потом — Двести семьдесят пятое, ведущее в Омаху, и дорога та была не первого класса.

— Ты ведь не веришь в то, что он сказал, да? Про диктофонные записи в Нью-Йорке.

— Не говори об этом!.. Меня от этого тошнит!

Терез сжала руль, потом заставила себя расслабиться. Она чувствовала огромное горе, нависшее над ними, впереди них, только-только своим краешком начавшее им приоткрываться; горе, в которое они въезжали. Она вспомнила лицо детектива и едва прочитываемое на нём выражение — теперь она понимала, что это была злонамеренность. Именно злонамеренность она видела в его улыбке, даже когда он сказал, что он ни на чьей стороне, и она чувствовала, что у него было желание, личное желание, их разлучить, потому что он знал, что они вместе. Только сейчас она ясно увидела то, что лишь смутно ощущала прежде, — что целый мир готов стать их врагом, и то, что связывало их с Кэрол, вдруг предстало не любовью и не чем-то счастливым, а чудовищем между ними, и каждая из них была поймана им в кулак.

— Я думаю о том чеке, — сказала Кэрол.

Слова упали, как ещё один камень, у неё внутри.

— Думаешь, они обыскивают дом? — спросила Терез.

— Возможно. Всего лишь возможно.

— Вряд ли они его найдут. Он далеко под скатертью. — Но было ещё письмо в книге. Странная гордость на мгновение заставила её дух воспарить и тут же пропала. Это было прекрасное письмо, и она бы предпочла, чтобы нашли его, а не чек, хотя в смысле изобличения и то, и другое, вероятно, имело бы одинаковый вес и выставлено было бы одинаково грязным. Письмо, которое она так и не отдала, и чек, который так и не обналичила. С большей вероятностью, конечно, они найдут письмо. Терез не могла собраться с духом и сказать Кэрол о письме, то ли просто из трусости, то ли из желания уберечь её сейчас от дополнительных переживаний, она не знала. Она увидела впереди мост.

— Вон река, — сказала она. — Давай здесь?

— Сойдёт. — Кэрол передала ей коробочки. Полусожжённую плёнку она тоже вложила обратно в коробку.

Терез выбралась наружу и швырнула их через металлические перила, не глядя. Она увидела всходящего на мост с другой стороны юношу в комбинезоне, и ей страшно не понравилась бессмысленная враждебность, которую она к нему почувствовала.

Кэрол позвонила Абби из гостиницы в Омахе. Той не оказалось дома, и Кэрол оставила сообщение, сказав, что перезвонит в шесть вечера, когда Абби предположительно будет на месте. Кэрол сказала, что адвокату сейчас звонить бесполезно, потому что он на обеде и вернётся только после двух по их времени. Кэрол хотела умыться, а затем — выпить.

Они пили «Олд-фешен» в баре гостиницы, в полной тишине. Когда Кэрол заказала себе второй бокал, Терез попросила и для себя тоже, но Кэрол сказала, что ей лучше что-нибудь съесть. Официант ответил, что в баре еду не подают.

— Она хочет что-нибудь поесть, — твёрдо сказала Кэрол.

— Обеденный зал — с другой стороны холла, мадам, и ещё есть буфет…

— Кэрол, я могу подождать, — сказала Терез.

— Будьте добры, принесите мне, пожалуйста, меню. Она предпочитает есть тут, — сказала Кэрол, бросив взгляд на официанта.

Официант помялся в нерешительности, затем сказал:

— Да, мадам, — и пошёл за меню.

Пока Терез ела яичницу с сосиской, Кэрол заказала себе третий бокал коктейля. В конце концов

безнадёжным тоном она произнесла:

— Дорогая, могу я просить тебя о прощении?

Тон ранил Терез больше, чем сам вопрос.

— Я тебя люблю, Кэрол.

— Но ты видишь, что это значит?

— Да. — Однако тот момент поражения в машине, подумала она, это был всего лишь момент, так же как то, что происходит сейчас, — всего лишь ситуация. — Я не вижу причин думать, что так будет всегда. Не понимаю, как это может что-либо разрушить, — с горячей убеждённостью сказала она.

Кэрол отняла руку от лица и откинулась на спинку стула, и теперь, вопреки усталости, она выглядела так, как Терез всегда представляла её в уме: глаза, одновременно нежные и суровые, когда она вот так испытующе смотрит на неё; умные красные губы — сильные и мягкие, хотя верхняя губа сейчас самую чуточку дрожала.

— А ты? — спросила Терез и вдруг поняла, что вопрос этот так же велик, как и тот, что Кэрол задала ей без слов в комнате в Ватерлоо. Собственно, тот же вопрос.

— Нет. Я думаю, ты права, — ответила Кэрол. — Я это сейчас поняла благодаря тебе.

Кэрол пошла звонить. Было три часа. Терез

оплатила счёт, потом села и стала ждать, гадая, когда же всё это закончится, услышат ли они обнадёживающие слова от адвоката Кэрол или от Абби, или всё станет ещё хуже, прежде чем ситуация выправится. Кэрол не было около получаса.

— Мой адвокат ничего не слышал, — сказала она. — И я ничего ему не сказала. Я не могу. Придётся ему написать.

— Я так и думала.

— О, в самом деле, — произнесла Кэрол, впервые за весь день улыбнувшись. — Что скажешь, если мы здесь снимем номер? Мне больше не хочется колесить.

Кэрол заказала себе обед в комнату. Они обе прилегли поспать, но когда Терез без четверти пять проснулась, Кэрол не было. Терез оглядела комнату — взгляд отметил чёрные перчатки Кэрол на туалетном столике и мокасины, бок о бок стоящие у кресла. Терез судорожно вздохнула — сон её не освежил. Она открыла окно и посмотрела вниз. Этаж был не то седьмой, не то восьмой, она не могла вспомнить. Мимо гостиницы полз трамвай, по тротуару во всех направлениях двигались люди — ноги по бокам, и у неё мелькнула мысль прыгнуть. Она посмотрела вдаль на унылые очертания кучки серых зданий и закрыла

глаза. Потом она повернулась и увидела Кэрол — та стояла в комнате у двери и наблюдала за ней.

— Где ты была? — спросила Терез.

— Писала это чёртово письмо.

Кэрол прошла через комнату и поймала Терез в объятия. Терез почувствовала её ногти сквозь ткань жакета у себя на спине.

Когда Кэрол пошла к телефону, Терез вышла из комнаты и побрела по коридору к лифтам. Она спустилась в холл, села там и стала читать статью о жуках-долгоносиках в «Вестнике кукурузовода». Ей стало интересно, знает ли Абби всё это про кукурузных долгоносиков. Она следила за часами и спустя двадцать пять минут поднялась обратно в комнату.

Кэрол лежала на кровати и курила. Терез ждала, когда она заговорит.

— Дорогая, я должна ехать в Нью-Йорк, — сказала Кэрол.

Терез была уверена, что так и будет. Она подошла к изножью кровати.

— Что ещё сказала Абби?

— Она опять встречалась с этим малым по имени Боб Хавершэм. — Кэрол приподнялась на локте. — Но он знает явно меньше меня на данный момент. Никому, похоже, ничего неиз-

вестно, кроме того, что назревают неприятности. Ничего особенного не может произойти, пока я не приеду. Но я должна там быть.

— Разумеется. — Боб Хавершэм был приятелем Абби, который работал в фирме Харджа в Ньюарке. Ни Абби, ни Харджу он не был близким другом — просто связующее звено, хрупкое звено между ними, тот человек, который сможет хотя бы отчасти понять, что у Харджа на уме, если распознает детектива или услышит обрывок какого-нибудь телефонного разговора. Терез чувствовала, что пользы от этого — почти никакой.

— Абби заберёт чек, — сказала Кэрол, сев на кровати и потянувшись за мокасинами.

— У неё есть ключ?

— Если бы. Ей придётся взять его у Флоренс. Но это ничего. Она скажет Флоренс, что я попросила её выслать мне пару вещей.

— Можешь ей сказать, чтобы она забрала и письмо тоже? Я оставила письмо к тебе в книге, в моей комнате. Прости, что не сказала об этом раньше. Я не знала, что ты пошлёшь туда Абби.

Кэрол взглянула на неё, нахмурившись.

— Что-нибудь ещё?

— Нет. Прости, что не сказала раньше.

Кэрол вздохнула и встала с кровати.

— Ох, давай больше не мучить себя. Сомневаюсь, что они озаботятся домом, но я в любом случае скажу Абби о письме. Где оно?

— В «Оксфордской книге английского стиха». Кажется, я оставила её на бюро. — Она смотрела, как Кэрол обводит взглядом комнату, глядя куда угодно, только не на неё.

— Я всё же не хочу оставаться здесь на ночь, — проговорила Кэрол.

ПОЛЧАСА СПУСТЯ они были в машине и ехали на восток. Кэрол хотела в тот вечер добраться до Де-Мойна. Промолчав больше часа, она вдруг остановила машину у края дороги, склонила голову и сказала:

— Чёрт!

В слепящем свете проезжающих автомобилей Терез видела темноватые провалы под глазами Кэрол. Накануне ночью Кэрол совсем не спала.

— Давай вернёмся в тот последний городок, — сказала Терез. — До Де-Мойна ещё миль семьдесят пять.

— Хочешь в Аризону? — спросила Кэрол так, словно им всего-то и нужно было для этого, что развернуться.

— О, Кэрол… Зачем об этом говорить? — Ею вдруг овладело отчаяние. Руки дрожали, когда

она прикуривала. Она отдала сигарету Кэрол.

— Потому что я хочу об этом говорить. Ты можешь не возвращаться ещё три недели?

— Разумеется. — Разумеется, разумеется. Что ещё может иметь значение, кроме того, чтобы быть с Кэрол, где угодно, как угодно? В марте ожидалась постановка Гаркеви. Гаркеви мог порекомендовать её для работы где-то ещё, но с работами всё было сомнительно, а с Кэрол — нет.

— Вряд ли мне понадобится оставаться в Нью-Йорке дольше недели, и это самое большее — с разводом всё решено. Фред, мой адвокат, сегодня мне сказал. Так отчего бы нам не провести ещё несколько недель в Аризоне? Или в Нью-Мехико? Я не хочу болтаться в Нью-Йорке весь остаток зимы. — Кэрол вела машину медленно. Глаза её теперь были другими. Они ожили, так же как и её голос.

— Конечно, я бы этого хотела. Где угодно.

— Хорошо. Выше нос. Едем в Де-Мойн. Поведёшь немного?

Они поменялись местами. Незадолго до полуночи они въехали в Де-Мойн и нашли номер в гостинице.

— А зачем тебе вообще возвращаться в Нью-

Йорк? — спросила Кэрол. — Я могу оставить тебе машину, ты подождёшь меня где-нибудь в Тусоне или Санта-Фе, и я к тебе прилечу.

— И оставить тебя? — Терез обернулась от зеркала, перед которым расчёсывалась.

Кэрол улыбнулась.

— В каком смысле оставить меня?

Терез всем этим была застигнута врасплох, и теперь она увидела выражение лица Кэрол, и при том что Кэрол пристально на неё смотрела, она почувствовала себя изолированной, словно Кэрол вытолкнула её в дальний угол сознания, чтобы освободить место для более важного.

— В смысле, вот сейчас тебя оставить, — сказала Терез, снова поворачиваясь к зеркалу. — Нет, может быть, это и хорошо. Так ты быстрее обернёшься.

— Я подумала, что ты можешь предпочесть остаться где-нибудь на западе. Если, конечно, ты не хочешь заняться чем-нибудь в Нью-Йорке в эти несколько дней. — Голос Кэрол звучал непринуждённо.

— Не хочу. — Мысль о холодных днях в Манхэттене, когда Кэрол будет не до встреч с ней, вызвала у неё тоскливый ужас. И ещё она подумала о детективе. Если Кэрол полетит самолётом,

она избавится от его навязчивого преследования. Терез тут же попыталась себе представить, как Кэрол прибывает на восток одна, чтобы лицом к лицу встретиться с тем, чего ещё не знает, с тем, к чему невозможно подготовиться. Она представила себя в Санта-Фе, в ожидании телефонного звонка, в ожидании письма от Кэрол. Но представить себя на расстоянии в две тысячи миль от Кэрол было не так легко.

— Только неделя, Кэрол? — спросила она, снова проводя гребешком по пробору, перебрасывая длинные, тонкие волосы на одну сторону. Она пополнела, но сейчас вдруг заметила, что лицо у неё стало худее, и ей это понравилось. Она выглядела повзрослевшей.

В зеркале она увидела, как Кэрол подходит к ней сзади, и ответа не последовало, а последовало наслаждение от скользящих по телу рук Кэрол. Это лишало возможности думать, и Терез вывернулась из объятий резче, чем хотела, и встала у угла туалетного столика, глядя на Кэрол, на мгновение сбитая с толку ускользающим смыслом того, о чём они говорили, временем и пространством, четырьмя футами, разделявшими их сейчас — и двумя тысячами миль. Она ещё раз провела расчёской по волосам.

— Только около недели?

— Я же сказала, — отозвалась Кэрол с улыбкой в глазах, но Терез услышала в реплике ту же жёсткость, что и в собственном вопросе, словно они бросали друг другу вызов. — Если ты против того, чтобы машина оставалась с тобой, я могу договориться, и её перегонят на восток.

— Я не против того, чтобы она осталась со мной.

— И не волнуйся из-за детектива. Я дам Харджу телеграмму, что уже еду.

— Не буду из-за этого волноваться. — Как Кэрол может так холодно к этому относиться, недоумевала Терез, думать обо всём, кроме их расставания? Она опустила расчёску на туалетный столик.

— Терез, ты полагаешь, мне всё это в радость?

И Терез подумала о сыщиках, о разводе, о враждебности, обо всём, с чем Кэрол вынуждена иметь дело. Кэрол дотронулась до её щеки, потом сильно сжала обе щеки ладонями, так, что рот у Терез раскрылся, как у рыбы, и ей пришлось улыбнуться. Она стояла у туалетного столика и наблюдала за Кэрол, следила за каждым движением её рук, ног, пока Кэрол стягивала с себя чулки и снова вставляла ноги в мокасины. С этого момента

больше не будет слов, подумала она. Что ещё объяснять, или спрашивать, или обещать словами? Им даже не надо было видеть глаза друг друга. Терез посмотрела, как Кэрол снимает телефонную трубку, потом легла лицом на кровать и так лежала, пока Кэрол бронировала место в самолёте на завтра, один билет, в один конец, завтра в одиннадцать утра.

— Куда ты думаешь поехать? — спросила Кэрол.

— Не знаю. Может быть, вернусь в Су-Фолс.

— В Южную Дакоту? — Кэрол улыбнулась. — В Санта-Фе не хочешь? Там теплее.

— Я дождусь тебя, и мы поедем туда вместе.

— И в Колорадо-Спрингс не хочешь?

— Нет! — Терез рассмеялась и встала. Она взяла зубную щётку и пошла с ней в ванную. — Может быть, я даже где-нибудь найду работу на неделю.

— Какую работу?

— Любую. Просто чтобы не думать о тебе, знаешь ли.

— Я хочу, чтобы ты думала обо мне. Только не работу в универмаге.

— Нет. — Терез стояла у двери в ванную, глядя, как Кэрол снимает с себя комбинацию и надевает халат.

— Ты ведь не беспокоишься опять о деньгах, а?

Терез сунула руки в карманы халата и скрестила ступни.

— Если я и останусь без денег, мне всё равно. Начну беспокоиться, когда они закончатся.

— Я завтра дам тебе пару сотен на машину. — Кэрол потянула Терез за нос, проходя мимо. — И не вздумай на этой машине подбирать незнакомцев. — Кэрол вошла в ванную и пустила воду в душе.

Терез зашла за ней.

— Мне казалось, этой уборной сейчас пользуюсь я.

— Ею пользуюсь я, но я позволю тебе войти.

— О, спасибо. — Терез сняла халат одновременно с Кэрол.

— Ну? — сказала Кэрол.

— Ну? — Терез встала под душ.

— И хватает же совести. — Кэрол тоже встала под душ и заломила руку Терез за спину, но Терез лишь хихикнула.

Терез хотела её обнять, поцеловать, но свободная рука судорожно вытянулась, увлекая голову Кэрол под поток воды, и раздался жуткий звук скользящей ступни.

— Прекрати, мы упадём! — вскричала Кэрол. —

Господи боже мой, неужели два человека не могут спокойно принять душ?

20

В Су-Фолсе Терез заглушила мотор перед отелем, в котором они останавливались раньше, — отелем «Воитель». Было полдесятого вечера. Кэрол уже примерно час как дома, подумала Терез. Она должна была звонить Кэрол в полночь.

Терез сняла номер, ей туда занесли чемоданы, и она отправилась гулять по главной улице. Она набрела на кинотеатр и вдруг поняла, что никогда не была в кино с Кэрол. Она вошла внутрь. Но у неё не было настроения следить за сюжетом, хотя голос одной из героинь чуточку напоминал голос Кэрол — совсем непохожий на монотонные гнусавые голоса повсюду вокруг. Она думала о Кэрол — теперь в тысяче с лишним миль от неё, — о том, как сегодня будет спать одна. Она встала и снова вышла на улицу. Дошла до аптеки, где как-то утром Кэрол купила бумажные салфетки и зубную пасту. И до угла, на котором Кэрол посмотрела вверх и прочла названия улиц — Пятая и Небраска. Она купила пачку сигарет в той же аптеке, вернулась в отель, села в холле и закурила, смакуя первую после отлёта Кэрол сигарету,

смакуя забытое состояние одиночества. Это было всего лишь физическое состояние. На самом деле она совсем не чувствовала себя одинокой. Она немного почитала газеты, затем вынула из сумки письма от Дэнни и Фила, которые получила в последние дни в Колорадо-Спрингс, и пробежала их глазами:

«…Я встретил Ричарда позавчера вечером в «Палермо». Он там был совсем один, — говорилось в письме Фила. — Я спросил о тебе, и он сказал, что с тобой не переписывается. Насколько я понимаю, у вас произошёл небольшой разлад, но я не выпытывал. У него совсем не было настроения разговаривать. Да и не такие уж мы закадычные друзья в последнее время, как тебе известно… Расхвалил тут тебя одному «ангелу»[20] по имени Фрэнсис Пукетт — он готов выложить пятьдесят тысяч, если некая пьеса прибудет в апреле из Франции. Буду держать тебя в курсе, так как

---

[20] notes: 20

Бизнес-ангел (*англ.* angel, business angel, angel investor и др.) — частный инвестор, обеспечивающий финансовую и экспертную поддержку компании на ранних этапах развития. Понятие «ангел» возникло в театральной среде Нью-Йорка в начале XX века. На Бродвее *«ангелами»* называли обеспеченных поклонников театра, инвестировавших в новые постановки. Их привлекало покровительство искусству и близкое знакомство с именитыми актёрами и режиссёрами. Инвестиции были рискованными, *«ангел»* получал прибыль только в случае успеха постановки.

пока ещё нет даже продюсера… Дэнни шлёт тебе большой привет, само собой. Он, наверное, скоро куда-нибудь отправится, — по нему видно — и мне придётся рыскать в поисках зимовья или подселять кого-то в квартиру… Ты получила вырезки с рецензиями на «Дождик», которые я тебе посылал?

Всего!

Фил»

А потом было коротенькое письмо от Дэнни:

«Дорогая Терез!

Есть вероятность, что я отправлюсь на Западное побережье в конце месяца — устраиваться на работу в Калифорнии. Я должен выбрать между нею (лабораторная работа) и предложением от промышленной химической компании в Мериленде. Но если я смогу встретиться с тобой на некоторое время в Колорадо или где-нибудь ещё, я выеду пораньше. Наверное, соглашусь на работу в Калифорнии — думаю, там перспективы лучше. Так сообщишь, где ты будешь? Неважно где. В Калифорнию можно попасть множеством разных путей. Если твоя подруга не будет возражать, я был бы рад где-нибудь провести с тобой несколько дней. В любом случае я в Нью-Йорке

до двадцать восьмого февраля.

С сердечным приветом,

Дэнни»

Терез пока не ответила. Она решила, что пошлёт ему адрес завтра, как только найдёт комнату где-нибудь в городе. Что же касается следующего пункта назначения, она должна будет об этом поговорить с Кэрол. А когда Кэрол сможет дать ответ? Она подумала о том, с чем Кэрол, возможно, уже столкнулась сегодня в Нью-Джерси, и мужество её мрачно пошло ко дну. Она потянулась за газетой и взглянула на дату. Пятнадцатое февраля. Двадцать девять дней с тех пор, как они с Кэрол уехали из Нью-Йорка. Неужели прошло так мало дней?

Наверху, в номере, она заказала разговор с Кэрол, искупалась и надела пижаму. После чего зазвонил телефон.

— Ал-*лё*! — произнесла Кэрол так, будто совсем уж заждалась. — Как называется эта гостиница?

— «Воитель». Но я здесь не останусь.

— Ты ведь не подобрала на дороге никаких незнакомцев, а?

Терез рассмеялась. Медленный голос Кэрол прошёл сквозь неё так, будто Кэрол коснулась её рукой.

— Какие новости? — спросила Терез.

— За сегодняшний вечер? Никаких. В доме дикий холод, а Флоренс сможет приехать только послезавтра. Абби здесь. Хочешь с ней поздороваться?

— Но не прямо рядом с тобой?

— Не-ет. Наверху, в зелёной комнате, за плотно закрытой дверью.

— Вообще-то я *не хочу* с ней сейчас разговаривать.

Кэрол хотела знать всё: чем она занималась, как дороги и какая на ней пижама — жёлтая или голубая.

— Мне будет тяжело сегодня засыпать без тебя.

— Да. — Тут же, откуда ни возьмись, подступили и стали давить слёзы.

— Ты не можешь ничего сказать, кроме «да»?

— Я тебя люблю.

Кэрол присвистнула. Потом — тишина.

— Абби забрала чек, дорогая, но не письмо. Она пропустила мою телеграмму, но письма никакого нет в любом случае.

— А книгу вы нашли?

— Книгу мы нашли, но в ней ничего нет.

Может быть, письмо всё-таки осталось в её квартире, подумала Терез. Но у неё перед гла-

зами стояла картина — письмо в книге, вместо закладки.

— Думаешь, кто-то обыскивал дом?

— Нет, я сужу по разным признакам. Не переживай об этом. Ладно?

Минуту спустя Терез скользнула в постель и выключила свет. Кэрол попросила её позвонить завтра вечером тоже. Ещё некоторое время голос Кэрол звучал у неё в ушах. Затем внутрь начала просачиваться меланхолия. Она лежала на спине с вытянутыми вдоль тела руками, ощущая вокруг себя пустоту, словно её положили сюда, чтобы опустить в могилу. Потом она уснула.

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО Терез нашла комнату, которая ей понравилась, в доме на одной из идущих в гору улиц — это была большая гостиная с эркером, заставленным растениями и занавешенным белыми шторами. В комнате была кровать с балдахином и овальный вышитый ковёр на полу. Женщина назвала цену — семь долларов в неделю, но Терез не знала, пробудет ли она здесь неделю, и потому предложила платить подённо.

— Это будет то же самое, — сказала женщина. — Откуда вы?

— Из Нью-Йорка.

— Собираетесь здесь жить?

— Нет. Просто жду одного человека.

— Мужчину или женщину?

Терез улыбнулась.

— Женщину, — сказала она. — В тех гаражах за домом есть свободное место? У меня с собой машина.

Женщина ответила, что два гаража пустуют, и она не берёт денег за гаражи с постояльцев. Она была нестарой, но слегка сутулой, тщедушного сложения. Её звали миссис Элизабет Купер. Она сказала, что уже пятнадцать лет сдаёт комнаты внаём, и двое из первых её трёх жильцов до сих пор здесь.

В тот же день Терез познакомилась с Датчем Хубером и его женой, которые держали дайнер неподалёку от публичной библиотеки. Датч был тощий мужчина лет пятидесяти, с маленькими любопытными голубыми глазками. Его жена Эдна была толстой, занималась готовкой и разговаривала куда меньше, чем её муж. Датч какое-то время работал в Нью-Йорке, много лет назад. Он расспрашивал её о районах города, которые ей были совершенно незнакомы, в то время как она упоминала места, о которых Датч либо никогда не слышал, либо забыл, и каким-то образом неповоротливый, тягучий разговор рассмешил их обоих.

Датч спросил, не хочет ли она съездить с ним и его женой на мотоциклетные гонки, которые должны были состояться в субботу в нескольких милях от города, и Терез ответила «да».

Она купила картон с клеем и принялась за первый из макетов, которые хотела показать Гаркеви по возвращении в Нью-Йорк. Макет был почти закончен, когда она вышла из дома в половине двенадцатого, чтобы позвонить Кэрол из «Воителя».

Кэрол не оказалось на месте, и на звонок никто не ответил. Терез повторяла попытки до часу ночи, потом вернулась в дом миссис Купер.

Она дозвонилась на следующее утро, около половины одиннадцатого. Кэрол сказала, что обсудила всё со своим адвокатом накануне, но ни она, ни он ничего не смогут предпринять, пока не узнают, каким будет следующий шаг Харджа. Кэрол немного торопилась закончить разговор, потому что ей предстоял деловой обед в Нью-Йорке, а до этого нужно было ещё написать письмо. Кажется, она впервые была встревожена действиями Харджа. Она звонила ему дважды и не дозванивалась. Но больше всего Терез смутил её резкий, отрывистый тон.

— У тебя ведь ничего в планах не измени-

лось? — спросила она.

— Нет, конечно, дорогая. Завтра вечером я собираю гостей. Мне будет тебя не хватать.

Выходя из отеля, Терез споткнулась о порог и почувствовала, как её окатило первой гулкой волной одиночества. Что она будет делать завтра вечером? Читать в библиотеке до закрытия в девять? Мастерить следующую декорацию? Она перебирала в памяти имена людей, которых Кэрол ждала завтра в гости: Макс и Клара Тиббетт — пара, держащая оранжерею на каком-то шоссе недалеко от дома Кэрол и с которыми Терез один раз встречалась, подруга Кэрол Тесси, которую она никогда не видела, и Стэнли Мак-Вей — человек, с которым Кэрол была в тот вечер, когда они поехали в Чайнатаун. Кэрол не назвала Абби.

И Кэрол не сказала позвонить завтра.

Она пошла дальше, и последний момент, когда она видела Кэрол, вернулся к ней так живо, будто всё это снова происходило у неё перед глазами. Кэрол, машущая ей рукой от двери самолёта в аэропорту Де-Мойна, Кэрол, уже маленькая и далёкая, потому что Терез пришлось остаться за проволочным ограждением на другом конце поля. Трап убрали, но Терез подумала, есть ещё несколько секунд времени до того, как закроют

дверь, и тут Кэрол снова появилась, успев лишь на секунду застыть в дверном проёме, заново отыскать её глазами и послать воздушный поцелуй. Но для Терез это было безумно важно — то, что она вернулась.

В СУББОТУ Терез поехала на мотоциклетные гонки с Датчем и Эдной на машине Кэрол, потому что машина Кэрол была более вместительной. По окончании они пригласили её к себе на ужин, но она отказалась. Письма от Кэрол в тот день не было, а она ждала хотя бы записки. Воскресенье повергло её в тоску, и даже поездка вдоль реки Биг-Су, навстречу течению, в Делл-Рапидс после обеда не изменила картины у неё в голове.

В понедельник с утра она сидела в библиотеке и читала пьесы. Потом, часа в два, когда полуденное столпотворение в дайнере Датча стало рассеиваться, она пошла туда, попила чаю и поговорила с Датчем, одновременно запуская в музыкальном автомате песни, которые они с Кэрол, бывало, слушали. Она сказала Датчу, что машина принадлежит подруге, которую она ждёт. И мало-помалу, отвечая на его ненавязчивые вопросы, Терез рассказала, что Кэрол живёт в Нью-Джерси, что, вероятно, прилетит сюда самолётом, что Кэрол хочет поехать с ней

в Нью-Мехико.

— Кэрол хочет? — переспросил Датч и повернулся к ней, протирая стакан.

И тут странное возмущение поднялось в Терез, потому что он произнёс имя Кэрол, и она дала себе слово больше вообще не говорить о Кэрол, ни с кем в этом городе.

Во вторник от Кэрол пришло письмо, совсем короткая записочка, в которой, однако, говорилось, что Фред настроен более оптимистично по поводу всего, и кроме развода, похоже, беспокоиться не о чем, и что, вероятно, она сможет уехать из Нью-Йорка двадцать четвёртого февраля. Читая, Терез начала улыбаться. Она хотела пойти и с кем-нибудь отпраздновать, но никого не было, поэтому всё, что ей оставалось, — это прогуляться, одиноко выпить в баре «Воителя» и думать о Кэрол, в пяти днях от неё. Она ни с кем и не хотела бы быть, за исключением, возможно, Дэнни. Или Стеллы Овертон. Стелла была весёлая, и хотя она ничего не могла бы рассказать Стелле о Кэрол — а кому могла бы? — она рада была бы сейчас её увидеть. Она собиралась написать Стелле открытку ещё несколько дней назад, но до сих пор этого не сделала.

Поздней ночью она написала Кэрол.

«Новости — чудесные. Я отпраздновала бокалом «Дайкири» в «Воителе». Не то чтобы я была консервативна, но знаешь ли ты, что один бокал валит с ног, как три, когда пьёшь в одиночестве?.. Я люблю этот городок, потому что всё в нём напоминает мне о тебе. Я знаю, что он тебе нравится не больше, чем любой другой, но не в этом дело. Я имею в виду, что ты здесь присутствуешь настолько, насколько я могу это вынести при том, что тебя здесь нет…»

Кэрол написала:

«Мне никогда не нравилась Флоренс. Я говорю это в качестве прелюдии. Похоже, Флоренс нашла записку, которую ты адресовала мне, и продала её Харджу — за определённую сумму. На её же совести и то, что Хардж знал, куда мы (или, по крайней мере, я) направляемся — я в этом не сомневаюсь. Не знаю, что я оставила на виду в доме или что она могла подслушать — мне казалось, я довольно хорошо храню молчание, — но если Хардж взял на себя труд её подкупить, а я уверена, что он это сделал, ничего нельзя сказать наверняка. Так или иначе, они перехватили нас в Чикаго. Дорогая, я понятия не имела о том, насколько далеко всё это зашло. Чтобы ты представила атмосферу — никто мне ни о чём не говорит, всё

просто вдруг обнаруживается. Если кто и владеет фактами, так это Хардж. Я разговаривала с ним по телефону — он отказывается что-либо мне говорить, и это, разумеется, рассчитано на то, чтобы затерроризировать меня и заставить сдать все позиции ещё до начала драки. Они меня не знают, никто из них, если думают, что я это сделаю. Драка, разумеется, за Ринди, и да, дорогая, я боюсь, что она мне предстоит, и я не смогу уехать двадцать четвёртого. По крайней мере, об этом Хардж сказал, когда сегодня утром по телефону выпалил в меня письмом. Я думаю, что письмо — возможно, его самое мощное оружие (история с диктофоном случилась только в Колорадо-С., насколько я вообще могу судить), потому он мне о нём и сообщил. Но я могу себе представить, что это за письмо — написанное ещё до нашего отъезда, — и есть предел тому, что даже Хардж может в нём домыслить. Он просто-напросто пытается добиться своего угрозами — в свойственной ему форме молчания, — надеясь, что я полностью пойду на попятный в том, что касается Ринди. Я этого не сделаю, так что будет некое противоборство, надеюсь, не в суде. Однако Фред готов ко всему. Он чудесный, единственный человек, кто говорит со мной прямо, но, к сожалению, он

и знает меньше всех.

Ты спрашиваешь, скучаю ли я по тебе. Я думаю о твоём голосе, твоих руках, твоих глазах, когда они смотрят прямо в мои. Я вспоминаю твоё мужество, которого я в тебе не подозревала, и это придаёт мужества мне. Ты позвонишь, дорогая? Я не хочу тебе звонить, если у тебя телефон в общем коридоре. Позвони за мой счёт, лучше часов в семь вечера, то есть в шесть по твоему времени».

И в тот день Терез уже собиралась было ей позвонить, когда пришла телеграмма:

ПОКА НЕ ЗВОНИ. ОБЪЯСНЮ ПОТОМ. СО ВСЕЙ ЛЮБОВЬЮ, ДОРОГАЯ. КЭРОЛ.

Миссис Купер наблюдала за ней, пока она читала телеграмму в коридоре.

— От вашей подруги? — спросила она.

— Да.

— Надеюсь, ничего не случилось. — У миссис Купер была манера сверлить человека взглядом, и Терез небыстро, просчитанным движением, подняла голову.

— Нет, она приезжает, — сказала Терез. — Просто задерживается.

21

Альберт Кеннеди, или Берт для тех, кто ему был симпатичен, снимал комнату в глубине дома и был одним из тех первых квартирантов миссис Купер. Ему было сорок пять лет, он был уроженцем Сан-Франциско и больше похож на нью-йоркца, чем кто-либо, кого Терез повстречала в этом городе, и уже одно это побуждало её к тому, чтобы его избегать. Часто он звал Терез с собой в кино, но она пошла лишь однажды. Она не находила себе места и предпочитала бродить по городу в одиночестве, в основном, просто глядя по сторонам и размышляя, поскольку дни стояли слишком холодные и ветреные, чтобы делать зарисовки на улице. И сцены, поначалу ей нравившиеся, утрачивали свежесть от слишком долгого вглядывания, слишком долгого выжидания, и их уже не хотелось рисовать. Почти каждый вечер Терез шла в библиотеку, садилась за один из длинных столов, пролистывала с полдюжины книг и затем извилистым курсом отправлялась домой.

Она возвращалась туда лишь затем, чтобы через некоторое время снова уйти бродить — напряжённо застывая в противостоянии шальному

ветру или поддаваясь ему, позволяя увести себя на улицы, на какие иначе не свернула бы. В освещённых окнах она видела то девочку за роялем, то смеющегося мужчину, то женщину с шитьём. Потом она вспоминала, что не может даже позвонить Кэрол, признавала, что и не знает, чем Кэрол занимается в этот самый момент, и чувствовала себя пустее ветра. Она чувствовала, что Кэрол чего-то недоговаривает в письмах, не пишет о самом плохом.

В библиотеке она разглядывала книги с фотографиями Европы — мраморные фонтаны в Сицилии, освещённые солнцем греческие руины — и задавалась вопросом, на самом ли деле они с Кэрол когда-нибудь туда поедут. Они столько всего ещё не успели. Скажем, первый вояж через Атлантику. Или просто утра, утра где угодно, когда можно приподнять голову от подушки и увидеть лицо Кэрол, и знать, что этот день — их и ничто их не разлучит.

И тут явилось нечто прекрасное, мгновенно приковавшее к себе и сердце, и взгляд, в тёмной витрине антикварной лавки, на улице, где она прежде не бывала. Терез смотрела на это нечто во все глаза, чувствуя, как внутри утоляется некая забытая и безымянная жажда. Почти по всей сво-

ей фарфоровой поверхности оно было расписано маленькими яркими ромбами цветной глазури — васильковыми, густо-красными с зелёным — окаймлёнными монетным золотом, блестящим, словно шёлковая вышивка, даже под слоем пыли. На ободке красовалось золотое кольцо для пальца. Это был крошечный подсвечник. Интересно, кто его сделал, подумала она, и для кого?

Она вернулась на следующее утро и купила его в подарок Кэрол.

В то же утро пришло письмо от Ричарда, пересланное из Колорадо-Спрингс. Терез села на каменную скамью на улице, где находилась библиотека, и вскрыла письмо. Оно было написано на фирменном почтовом бланке: «Газобаллонная компания Семко. Готовка — обогрев — производство льда». Вверху стояло имя Ричарда как главного управляющего отделением в Порт-Джефферсоне.

«Дорогая Терез!

Спасибо Дэнни — это он сказал мне, где ты находишься. Ты можешь счесть это письмо ненужным, и, возможно, тебе оно и в самом деле не нужно. Возможно, ты до сих пор пребываешь в этом тумане, как в тот вечер, когда мы разговаривали в кафетерии. Но я считаю необходимым

кое-что пояснить — я больше не чувствую того, что чувствовал ещё две недели назад, и письмо, которое я написал тебе в прошлый раз, было не чем иным, как последним спазматическим усилием, и я знал, что это безнадёжно, когда писал его, и знал, что ты не ответишь, да и не нужен мне был твой ответ. Я знаю, что тогда тебя разлюбил, и сейчас моё главное чувство к тебе — то же, что присутствовало с самого начала, — отвращение. То, что ты держишься за эту женщину до такой степени, что исключила всех остальных, эти отношения, которые, я уверен, теперь уже стали непристойными и патологичными, — вот что вызывает у меня отвращение. Я знаю, что это долго не продлится, — как с самого начала и говорил. Прискорбно лишь то, что тебе самой потом будет гадко — соразмерно тому, сколько своей жизни ты впустую тратишь на это сейчас. Это всё ни на чём не основано и инфантильно, так же как питаться цветками лотоса и какими-нибудь тошнотворными карамельками вместо хлеба и мяса жизни. Я часто думаю о вопросах, которые ты задавала мне в день, когда мы запускали змея. Мне надо было действовать прямо тогда, пока ещё не было поздно, потому что тогда я любил тебя достаточно для того, чтобы попытаться спа-

сти. Теперь — нет.

Меня до сих пор спрашивают о тебе. Что я, по-твоему, должен говорить? Я намерен сказать правду. Только так я смогу избавиться от этого — а я больше не в состоянии носить всё это в себе. Несколько твоих вещей, которые оставались у меня, я выслал на адрес твоей квартиры. Малейшее воспоминание или контакт с тобой действуют на меня угнетающе, и я не хочу прикасаться ни к тебе, ни к чему-либо, с тобой связанному. Но я говорю здравые вещи, а ты, весьма вероятно, не понимаешь ни слова. За исключением, возможно, этого: я не хочу иметь с тобой ничего общего.

Ричард».

Она увидела сжатые в прямую линию тонкие мягкие губы Ричарда — так, как они, должно быть, выглядели, когда он писал это письмо, — линию, в которой, тем не менее, просматривался крошечный, тугой изгиб верхней губы. На секунду она ясно увидела его лицо, и потом оно исчезло с лёгким толчком, таким же невнятным и отдалённым, как исходящий от его письма шум. Она встала, вложила письмо обратно в конверт и пошла дальше. Она надеялась, что он успешно очистится от неё. Но она могла себе только представить, как он рассказывает о ней другим

людям в этой своеобразной манере жаркой причастности, которую она наблюдала в Нью-Йорке перед отъездом. Она представила, как Ричард рассказывает о ней Филу каким- нибудь вечером за стойкой бара в «Палермо», представила, как рассказывает обоим Келли. Ей было абсолютно всё равно, что он скажет.

Интересно, подумала она, чем сейчас, в десять часов, то есть в одиннадцать по нью-джерсийскому времени, занимается Кэрол? Выслушивает обвинения какого-нибудь незнакомца? Думает о ней? А есть ли у неё на это время?

День стоял погожий, холодный и почти безветренный, ярко залитый солнцем. Она могла взять машину и куда-нибудь поехать. Она уже три дня не садилась за руль. Неожиданно она поняла, что и не хочет. День, когда она, ликующая после письма Кэрол, села в машину и разогнала её до девяноста миль на прямой дороге в Делл-Рапидс, казался очень далеко в прошлом.

Вернувшись к дому миссис Купер, она обнаружила на парадном крыльце мистера Боуэна — ещё одного постояльца. Он сидел на солнце с укутанными пледом ногами, в надвинутой на глаза кепке, и казалось, что он спит, но он окликнул её:

— Эй, привет! Как там моя девочка?

Она остановилась и немного с ним поболтала, справилась об его артрите — она старалась быть такой же любезной, какой Кэрол всегда была с миссис Френч. Что-то их рассмешило, и Терез всё ещё улыбалась, входя в комнату. Потом она увидела герань, и улыбка с её лица сошла.

Она полила герань и поставила её в конец подоконника, где солнце держалось дольше всего. Кончики самых мелких листьев наверху равномерно пожухли. Кэрол купила эту герань для неё в Де-Мойне, перед самой посадкой на самолёт. У них до этого уже погиб плющ в горшке — продавец предупреждал, что это растение прихотливое, но Кэрол всё равно его захотела, — и Терез сомневалась, что герань выживет. Вместе с тем пёстрая коллекция растений миссис Купер пышно произрастала в эркере.

«Я хожу и хожу по городу, — писала она Кэрол, — но если бы только я могла идти всё время в одном направлении — на восток — и в конце концов прийти к тебе. Когда ты сможешь приехать, Кэрол? Или мне приехать к тебе? Я совершенно не в состоянии так долго оставаться без тебя…»

Она получила ответ на следующее утро. Чек выпорхнул из письма Кэрол на пол в коридоре

миссис Купер. Чек был на двести пятьдесят долларов. В письме — длинные петли выведены более размашисто и с меньшим нажимом, поперечная черта в «т» протянута во всю длину слова — говорилось, что Кэрол никак не сможет прилететь в ближайшие две недели, да и неизвестно, сможет ли вообще. Чек был для её перелёта обратно в Нью-Йорк и переправки машины на восток.

«Мне будет спокойнее, если ты полетишь самолётом. Возвращайся прямо сейчас и не жди», — говорилось в последнем абзаце.

Кэрол писала письмо в спешке, урвав для этого, вероятно, минутку, но в нём ещё была холодность, которая потрясла Терез. Она вышла на улицу, добрела, как во сне, до угла и всё-таки бросила написанное накануне вечером письмо в почтовый ящик — увесистый конверт с тремя марками авиапочты. Возможно, она увидит Кэрол уже в ближайшие двенадцать часов. Мысль эта никак её не ободрила. Вылететь сегодня же утром? Или после обеда? Что они сделали с Кэрол? Придёт ли Кэрол в бешенство, если она ей позвонит? Спровоцирует ли этот звонок превращение некой кризисной ситуации в полное поражение?

Она сидела в каком-то заведении за столом, перед ней был кофе и стакан апельсинового со-

ка, и только сейчас она взглянула на зажатое в руке второе письмо. Она едва разобрала корявый почерк в левом верхнем углу. Письмо было от миссис Р. Робичек.

«Дорогая Терез!

Большое спасибо за вкуснейшую колбасу, которая пришла в прошлом месяце. Вы хорошая милая девушка, и я рада возможности поблагодарить Вас много раз. С Вашей стороны любезно было подумать обо мне, совершая такую долгую поездку. Я получаю удовольствие от открыток, особо от большой, из Су-Фолса. Как есть в Южной Дакоте? Есть горы и ковбои? Я никогда не имела возможность путешествовать, кроме Пенсильвании. Вы счастливая девушка, такая молодая, и хорошенькая, и добрая. Сама я по-прежнему работаю. Магазин всё такой же. Всё то же самое, только холоднее. Пожалуйста, навестите меня, когда вернётесь. Я готовлю для Вас хороший ужин, не из кулинарии. Спасибо за колбасу ещё раз. Я от неё жила много дней, в самом деле нечто особенное и милое. С наилучшими пожеланиями и искренне Ваша.

Руби Робичек».

Терез соскользнула с табуретки, оставила на

стойке какие-то деньги и выбежала прочь. Она бежала до самого отеля «Воитель», там набрала оператора и стала ждать с трубкой у уха, пока телефон не зазвонил в доме Кэрол. Никто не ответил. Было двадцать гудков, и никто не ответил. У неё возникла мысль позвонить адвокату Кэрол, Фреду Хеймсу, но она решила, что этого делать не следует. Абби она тоже не хотела звонить.

В тот день шёл дождь, и Терез лежала на кровати в своей комнате, уставясь в потолок, дожидаясь трёх часов, чтобы позвонить снова. Около полудня миссис Купер принесла ей поднос с обедом. Миссис Купер подумала, что она больна. Но есть Терез не могла и что делать с едой, не знала.

В пять часов она всё ещё пыталась дозвониться Кэрол. Наконец гудки прекратились, на линии произошло замешательство, двое операторов стали задавать друг другу вопросы по поводу звонка, и первые слова, которые Терез услышала от Кэрол, были:

— Да, чёрт подери!

Терез заулыбалась, и из рук ушла ноющая боль.

— Аллё? — резким тоном сказала Кэрол.

— Аллё? — Связь была плохая. — Я получила письмо. То, что с чеком. Что случилось, Кэрол?..

Что?

Измотанным голосом Кэрол повторяла сквозь треск помех:

– *Эта линия, я думаю, прослушивается, Терез…* У тебя всё хорошо? Ты возвращаешься домой? Я сейчас не могу долго говорить.

Терез нахмурилась, у неё не было слов.

— Да, думаю, я смогу сегодня уехать. — Потом выпалила: — Что происходит, Кэрол? Это совершенно невыносимо — вся эта неизвестность.

– *Терез!* — Кэрол протянула это слово через все слова, которые произнесла Терез, будто перечёркивая их. — Пожалуйста, приедь домой, чтобы я могла с тобой поговорить, хорошо?

Ей послышался нетерпеливый вздох.

— Но я должна знать сейчас. Ты вообще сможешь со мной видеться, когда я вернусь?

— Держи себя в руках, Терез.

Это так они разговаривают друг с другом? Такими словами?

— Но ты сможешь?

— Не знаю, — сказала Кэрол.

Холодок пробежал вверх по руке, к сжимающим трубку пальцам. Она чувствовала, что Кэрол её ненавидит. Потому что это была её вина, её дурацкая оплошность с письмом, которое на-

шла Флоренс. Что-то случилось, и теперь Кэрол, возможно, не сможет, да и не захочет её больше видеть.

— Суд ещё не начался?

— Он закончился. Я тебе об этом написала. Я больше не могу говорить. До свидания, Терез. — Кэрол помедлила в ожидании ответа. — Я должна попрощаться.

Терез медленно опустила трубку на рычаг.

Она стояла в холле гостиницы, направив неподвижный взгляд на размытые фигуры вокруг регистрационной стойки. Она достала из кармана письмо Кэрол и перечитала его, но голос Кэрол был ближе и говорил нетерпеливо: «Пожалуйста, приедь домой, чтобы я могла с тобой поговорить, хорошо?» Она вынула чек, снова на него посмотрела, вверх ногами, и медленно разорвала. Она бросила обрывки в латунную плевательницу.

Но слёзы не приходили, пока она не вернулась домой и не увидела снова свою комнату, не увидела просевшую в середине двуспальную кровать, стопку писем от Кэрол на столе. Она не могла здесь оставаться ещё на одну ночь.

Она переночует в гостинице, и если письмо, о котором говорила Кэрол, завтра утром не придёт, она улетит в любом случае.

Терез выволокла из стенного шкафа чемодан и раскрыла его на кровати. Из кармана торчал белый уголок сложенного носового платка. Терез вытащила его и поднесла к носу, вспоминая утро в Де-Мойне, когда Кэрол его туда положила, чуть спрыснув духами, и ироническое замечание Кэрол о том, что она его туда кладёт, над которым Терез посмеялась. Терез стояла, положив руку на спинку стула; другая была сжата в кулак, который поднимался и падал бесцельно, и то, что Терез чувствовала, было так же расплывчато, как стол и письма, на которых остановился её хмурый взгляд. Потом её рука вдруг потянулась к письму, которое было прислонено к книгам в глубине стола. Она раньше не видела этого письма, хотя оно было прямо перед глазами. Она разорвала конверт. Это было то самое письмо, о котором говорила Кэрол. Оно было длинным, и чернила на одних страницах были бледно-голубые, на других — тёмные, и какие-то слова были зачёркнуты. Она прочла первую страницу, потом вернулась и перечитала её.

«Понедельник

Моя дорогая,

я даже не иду в суд. Сегодня утром мне в приватном порядке продемонстрировали то, что Хардж

намеревался против меня предъявить. Да, у них есть записи нескольких разговоров, а именно — Ватерлоо, и было бы бесполезно пытаться с этим противостоять суду. Мне было бы стыдно, не перед собой, как ни странно, а перед моим собственным ребёнком, не говоря уж о том, что я не хотела, чтобы тебе пришлось предстать перед ними. Всё было очень просто этим утром — я просто сдалась. Сейчас важно то, что я намерена делать в будущем, сказали адвокаты. От этого зависит, увижу ли я когда-нибудь ещё своего ребёнка, потому что Хардж сейчас с лёгкостью получил полную опеку над ней. Вопрос был в том, перестану ли я встречаться с тобой (и другими такими же, сказали они!). Это было не так явно сформулировано. Дюжина находившихся там лиц раскрывала рты и вещала, как судьи Судного дня, — напоминая мне о моих обязанностях, моём положении и моём будущем. (Какое будущее они мне состряпали? Заглянут ли они в него через полгода?)…Я сказала, что перестану с тобой встречаться. Не знаю, поймёшь ли ты, Терез, ты ведь так молода, да у тебя и не было никогда матери, которая бы отчаянно тобою дорожила. За это обещание они одарили меня своим чудесным вознаграждением — правом видеть моего ребён-

ка пару недель в году.

Спустя несколько часов…

Пришла Абби. Мы говорим о тебе — она шлёт нежный привет, так же, как и я. Абби напоминает мне о том, что я и так знаю, — что ты очень молода и обожаешь меня. Абби считает, что я должна не слать тебе это письмо, а всё сказать, когда ты приедешь. У нас только что был большущий спор на эту тему. Я ей говорю, что она не знает тебя настолько, насколько знаю я, и теперь мне кажется, что и меня она в чём-то не знает настолько, насколько знаешь ты, и это что-то — чувства. Я не очень сегодня счастлива, моя милая. Я пью виски, и ты скажешь, что он вгоняет меня в депрессию, я знаю. Но я не была готова к этим дням после тех недель с тобой. Это были счастливые недели — ты понимала это лучше меня. Хотя всё, что нам досталось, — лишь начало. Я хотела в этом письме попытаться объяснить тебе, что ты ведь и не знаешь остального — того, что было бы дальше, — и, возможно, никогда не узнаешь и не должна узнать, то есть тебе не суждено. Мы никогда не ссорились, никогда не возвращались друг к другу со знанием, что хоть в раю, хоть в аду всё, чего мы хотим, — это быть вместе. Дорожила ли

ты мною в принципе настолько, я не знаю. Но всё это — часть одного целого, а нам досталось лишь начало. И у нас было так мало времени. Именно поэтому корни, которые оно пустит в тебе, будут не так глубоки. Ты говоришь, что любишь меня любую, и когда я сквернословлю, тоже. Я говорю, что люблю тебя всегда — ту, какая ты есть, и ту, какой станешь. Я бы сказала это и в суде, если бы для этих людей это хоть что-нибудь значило или могло бы что-то изменить, потому что это не те слова, которых я боюсь. Всё это к тому, дорогая, что я пошлю тебе это письмо, и думаю, ты поймёшь, почему я это делаю, почему я сказала вчера адвокатам, что больше не буду с тобой встречаться, и почему мне пришлось так сказать. И я бы недооценила тебя, если бы решила, что ты не сможешь понять и предпочтёшь отсрочку».

Она прервала чтение, встала и медленно пошла к письменному столу. Да, она поняла, почему Кэрол послала это письмо. Потому что своего ребёнка Кэрол любит больше, чем её. И поэтому адвокатам удалось её сломать, заставить делать в точности то, что они хотели. Терез не представляла себе, чтобы Кэрол можно было заставить. И между тем вот оно — написанное рукой Кэрол. Эту капитуляцию из Кэрол было бы не вырвать ни

при каких обстоятельствах, Терез это знала, будь на кону она. На миг явилась дикая мысль, что Кэрол отдала ей лишь частицу себя, и внезапно целый мир последнего месяца, как исполинская ложь, дал трещину и едва не обрушился. Но уже в следующий миг Терез в это не верила. Тем не менее факт оставался фактом — она выбрала ребёнка. Взгляд Терез остановился на лежащем на столе конверте от Ричарда, и она почувствовала, как в ней лавиной поднимаются все те слова, которые она хотела ему сказать, но так и не сказала. Какое право имел он рассуждать о том, кого она любит и как? Что он о ней знает? Что вообще когда-либо знал?

«…преувеличено и вместе с тем крайне преуменьшено, — читала она на очередной странице письма Кэрол. — Но между удовольствием от поцелуя и тем, что мужчина и женщина делают в постели, мне видится всего лишь градация. Нельзя, например, преуменьшать значимость поцелуя, и никто другой не должен судить об его ценности. Интересно, эти мужчины ранжируют своё удовольствие в зависимости от того, получается ли в результате их действий ребёнок? И считают ли они эти действия более приятными, если получается? В конце концов,

это вопрос удовольствия, и какой смысл сравнивать удовольствие, получаемое от мороженого в стаканчике, с тем, что мы получаем от футбольного матча… или от квартета Бетховена в сравнении с «Моной Лизой». Я оставлю это на суд философов. Но эти люди вели себя так, будто я какая-то слабоумная или слепая (плюс, как мне показалось, с неким сожалением — оттого, что достаточно привлекательная женщина, по-видимому, недоступна для мужчин). Кто-то привёл «эстетику» в качестве аргумента, то есть против меня, разумеется. Я спросила, действительно ли они хотят это обсуждать, — это вызвало смех, единственный раз за весь спектакль. Но главное, о чём я не упомянула и что никому не пришло в голову, — это что гармония и согласие между двумя мужчинами или двумя женщинами могут быть абсолютными и идеальными, такими, какими они никогда не будут между мужчиной и женщиной, и, возможно, кому-то хочется именно этого, в то время как другим — того более изменчивого и неопределённого, что происходит между мужчиной и женщиной. Вчера было сказано, ну или, во всяком случае, подразумевалось, что моё нынешнее поведение приведёт меня к глубинам человеческого порока и деградации. Да,

я ощутимо пала с тех пор, как они отняли у меня тебя. Это верно — если продолжать в том же духе, подвергаться слежке, нападениям, никогда не обладать другим человеком достаточно долго, в результате чего знание человека остаётся поверхностным, — это деградация. Или жить против своей души — это деградация по определению.

Дорогая, я всё это на тебя изливаю [следующие строчки были зачёркнуты]. Ты вне сомнений распорядишься своим будущим лучше меня. Пусть я буду для тебя дурным примером. Если тебе сейчас больно настолько, что кажется, ты не сможешь этого вынести, и если из-за этого ты — сейчас или когда-нибудь — возненавидишь меня (и я сказала об этом Абби), тогда мне не о чем жалеть. Возможно, я — тот самый человек, которого тебе предопределено было, как ты говоришь, встретить, и единственный, и ты сможешь всё это оставить в прошлом. Если же нет, при всём нынешнем фиаско и удручающих обстоятельствах, я знаю, ты тогда была права — всё это не обязательно должно быть вот так. Я очень хочу поговорить с тобой один раз, когда ты вернёшься, если у тебя будет желание, если не сочтёшь это невозможным.

Твои растения так и растут вовсю на заднем

крыльце. Я поливаю их каждый день…»

Терез больше не могла читать. За дверью она услышала шаги — кто-то медленно спускался по лестнице, а потом более уверенно пошёл через коридор. Когда шаги стихли, Терез открыла дверь и постояла там минуту, борясь с искушением всё оставить и просто уйти отсюда. Затем она прошла по коридору к двери миссис Купер в глубине дома.

Миссис Купер вышла на её стук, и Терез произнесла заранее подготовленные слова о том, что она съезжает сегодня вечером. Она наблюдала за лицом миссис Купер — та не слушала её, а лишь реагировала на выражение её лица, и внезапно лицо миссис Купер показалось ей её собственным отражением, от которого она не могла отвести взгляда.

— Что ж, мне жаль, мисс Беливет. Мне жаль, если ваши планы расстроились, — сказала она, в то время как на её лице запечатлены были лишь шок и любопытство.

Потом Терез вернулась в свою комнату и начала собираться: она уложила плашмя на дно чемодана картонные макеты и затем — книги. Через минуту она услышала, как к двери приближается миссис Купер — медленно, как будто

что-то несёт в руках, — и Терез подумала, что если это снова поднос с едой, она закричит. Миссис Купер постучала.

— Куда мне пересылать вашу почту, голубушка, если ещё будут письма? — спросила миссис Купер.

— Пока не знаю. Я вам потом напишу. — Распрямившись, Терез почувствовала головокружение и слабость, будто вот-вот упадёт в обморок.

— Вы ведь не собираетесь пускаться в дорогу на Нью-Йорк так поздно ночью? — Миссис Купер называла ночью всё, что было после шести.

— Нет, — ответила Терез. — Тут недалеко отъеду. — Ей не терпелось остаться одной. Она посмотрела на засунутую под пояс серого клетчатого фартука и оттопыривавшую его руку миссис Купер; на растрескавшиеся мягкие домашние туфли, с подошвами, истёртыми на этих полах до состояния папиросной бумаги, — подошвами, которые ходили по этим полам много лет до того, как Терез здесь появилась, и будут ходить тем же курсом ещё много лет после того, как она исчезнет.

— Ну что ж, обязательно мне сообщите, как добрались, — сказала миссис Купер.

— Да.

Она поехала в отель — другой, не тот, из которого она всегда звонила Кэрол. Потом вышла прогуляться и бродила неприкаянно, избегая улиц, на которых они с Кэрол бывали вместе. Можно было бы уехать в другой город, подумала она и остановилась, почти готовая вернуться к машине. Потом пошла дальше, не разбирая толком дороги. Она ходила, пока не замёрзла, и библиотека оказалась ближайшим местом, куда можно было зайти погреться. Проходя дайнер, она заглянула через окно внутрь. Датч заметил её и, знакомым движением пригнув голову, как будто ему требовалось посмотреть из-под чего-то, чтобы разглядеть её в окне, улыбнулся и помахал ей. Её рука автоматически поднялась в ответном прощальном взмахе, и она вдруг подумала о своей нью-йоркской комнате, с платьем, по-прежнему лежащим на раскладном диване, с загнутым углом ковра. Если бы только она могла сейчас протянуть руку и расправить угол ковра, подумала она. Она стояла, вглядываясь в узковатый, добротного вида проспект с круглыми уличными фонарями. По тротуару к ней приближалась одинокая фигура. Терез поднялась по ступенькам библиотеки.

Мисс Грэм, библиотекарь, поздоровалась с ней,

как обычно, но в главный читальный зал Терез не зашла. Сейчас там было два-три человека, один из них — лысый мужчина в очках с чёрной оправой, которого часто можно было видеть за столом в центре. А сколько раз она сама сидела в этом зале с письмом от Кэрол в кармане… С Кэрол рядом. Она поднялась по лестнице — мимо зала истории и искусства на втором этаже, дальше, на третий этаж, где прежде никогда не была. Там размещался единственный зал — большой, пыльный, с застеклёнными книжными шкафами вдоль стен, парой живописных полотен и мраморными бюстами на пьедесталах.

Терез села за стол, и её тело заныло, расслабляясь. Она опустила голову на руки на столе, внезапно обмякшая и сонная, но уже в следующую секунду она отодвинула стул и встала. Ужас мелкими иголками впивался в корни волос. Каким-то образом до этого самого момента ей удавалось делать вид, что Кэрол никуда не делась, что когда она вернётся в Нью-Йорк, они увидятся, и всё будет, непременно должно быть как прежде. Она нервно окинула взглядом зал, словно ища какого-нибудь опровержения, какой-нибудь возможности всё поправить. На мгновение ей показалось, что её тело может само по себе раз-

лететься вдребезги или броситься через весь зал в высокое оконное стекло. Её взгляд остановился на бледном бюсте Гомера, на едва очерченных пылью, пытливо вздёрнутых бровях. Она повернулась к двери и впервые заметила картину над притолокой.

Она просто похожа, подумала Терез, не совсем та же, не та же, но узнавание потрясло её до самой глубины и всё росло, пока она смотрела на картину, и она знала, что картина — в точности та же, только гораздо большего размера, и она видела её много раз в коридоре, ведущем в музыкальную комнату, пока картину не убрали оттуда, когда Терез была ещё маленькой: улыбающаяся женщина в изысканно украшенном платье какого-то королевского двора, ладонь чуть ниже горла, надменная голова повёрнута вполоборота, словно живописец каким-то образом поймал её на ходу, так что даже висевшие в ушах жемчужины, казалось, были в движении. Она узнала эти невысокие, чётко вылепленные скулы, полные, улыбающиеся одним лишь уголком, кораллового цвета губы, насмешливо суженные веки, сильный, не слишком высокий лоб, слегка выдающийся — это было видно даже на картине — над живыми глазами, заранее всё знающими, и

сочувствующими, и смеющимися одновременно. Это была Кэрол. И теперь, в это долгое мгновение, пока Терез не могла отвести взгляда от картины, губы улыбались и глаза разглядывали её с насмешкой, и ничем больше; последний покров сошёл, обнаружив за собой лишь насмешку и злорадство, восхитительную удовлетворённость удавшимся предательством.

Судорожно ахнув, Терез пробежала под картиной и ринулась вниз по ступенькам. В коридоре на первом этаже мисс Грэм обратилась к ней с какими-то словами, о чём-то встревоженно спросила, и Терез услышала собственный ответ, прозвучавший, как невнятный лепет идиота, потому что она всё ещё ловила ртом воздух, отчаянно пытаясь восстановить дыхание. Она пронеслась мимо мисс Грэм и выскочила на улицу.

22

В середине квартала она открыла дверь кофейни, но оттуда зазвучала песня, которую они с Кэрол слышали повсюду, и Терез отпустила дверь и пошла дальше. Музыка продолжала жить, но мир был мёртв. И эта песня однажды умрёт, подумала она, но как мир вернётся к жизни? Как

вернётся его соль?

Она пошла к отелю. У себя в номере она смочила холодной водой полотенце для лица, чтобы положить на глаза. В комнате было зябко, поэтому она сняла платье, разулась и легла в постель.

Снаружи пронзительный, но приглушённый пустым пространством голос выкрикнул:

— Эй, «Чикаго Сан-Таймс»!

Потом была тишина, и пока она размышляла, стоит ли попытаться уснуть, усталость уже начала неприятно её укачивать, как хмель. Теперь раздались голоса из коридора — они обсуждали пропавший чемодан, — и Терез, лежащую с мокрым, пахнущим лекарствами полотенцем на опухших глазах, захлестнуло чувство тщетности. Голоса ожесточённо пререкались, и она почувствовала, как истощается её мужество, а затем и воля, и в панике она попыталась думать о внешнем мире — о Дэнни и миссис Робичек, о Франсес Коттер из «Пеликан-Пресс», о миссис Осборн и своей квартире, которые, как и прежде, были в Нью-Йорке, но её ум отказывался критически оценивать или отрекаться, и её ум сейчас был одним целым с сердцем и отказывался отрекаться от Кэрол. Лица плыли вперемешку, как и голоса снаружи. Среди них в том числе были лица

сестры Алисии и матери. И последняя комната, в которой она спала школьницей. И утро, когда она украдкой в очень ранний час пробралась из общежития и побежала через поляну, как молодое, обезумевшее от весны животное, и увидела сестру Алисию, которая сама, как безумная, бежала по полю, лишь белые туфли мелькали, словно утки, в высокой траве, и прошло добрых несколько минут, пока она сообразила, что сестра Алисия гонится за сбежавшей курицей. И эпизод в доме у какой-то из подруг матери, когда она потянулась за куском торта и опрокинула тарелку на пол, и мать дала ей пощёчину. Она увидела картину в школьном коридоре — картина сейчас дышала и двигалась, как Кэрол, насмешливая, и жестокая, и покончившая с ней, словно в осуществление злого и давно предначертанного замысла. Тело Терез сжалось в ужасе, а разговор в коридоре всё продолжался и продолжался как ни в чём не бывало, отдаваясь в ушах резким, тревожным звуком трескающегося где-то на пруду льда.

— Что значит вы это сделали?

— Нет…

— Если бы вы это сделали, чемодан был бы внизу, в камере хранения…

— Ох, я же вам сказал…

— Но вы хотите убедить меня, что это я потерял чемодан, чтобы вы не потеряли работу!

Её ум привязывал смысл к фразам, одной за другой, по отдельности, как какой-нибудь медлительный переводчик, который всё отставал и отставал и в конце концов совсем потерялся.

Она села на кровати с обрывком дурного сна в голове. В комнате почти стемнело, по углам лежали глубокие, сплошные тени. Она потянулась к выключателю и сощурилась от света. Она бросила двадцатипятицентовую монету в радиоприёмник на стене и при первом же донесшемся оттуда звуке изрядно прибавила громкость. Сначала это был мужской голос, а потом заиграла музыка — живая, в восточном стиле, пьеса, которая была в одной из подборок курса музыкального воспитания в школе. «На персидском рынке», машинально вспомнила она, и волнообразный ритм, всегда вызывавший у неё в воображении идущего верблюда, вернул её в Дом, в небольшую комнату, где по стенам, над высокими панелями, были развешены иллюстрации к операм Верди. Ей иногда доводилось слышать эту пьесу в Нью-Йорке, но вместе с Кэрол она её не слышала никогда, не слышала и не вспоминала о ней за всё время знакомства с Кэрол, и теперь

эта музыка была как мост, парящий во времени, не соприкасающийся ни с чем. Она взяла с прикроватной тумбочки принадлежавшее Кэрол приспособление для вскрытия конвертов — деревянный нож, который каким-то образом попал к ней в чемодан, когда они паковали вещи. Она сжала рукоятку и стала водить большим пальцем по острию, но вещественность ножа, казалось, отрицала Кэрол вместо того, чтобы утверждать её, не вызывала Кэрол в сознании настолько явственно, насколько это сделала музыка, которой они никогда не слышали вместе. Терез подумала о Кэрол с тенью возмущения, как о далёкой точке безмолвия и недвижности.

Она пошла к раковине умыть лицо холодной водой. Надо бы устроиться на работу, завтра же, если получится. Ведь ради этого она здесь и осталась — поработать недели две, а не лить слёзы в гостиничных номерах. Следует послать миссис Купер название гостиницы в качестве адреса, просто из любезности. Это тоже нужно сделать, хоть и не хочется. И стоит ли ещё раз написать Гаркеви, подумала она, после его вежливой, но невнятной записки, которая пришла ей в Су-Фолс. «…Буду рад снова с Вами встретиться, когда Вы окажетесь в Нью-Йорке, но никак не

могу что-либо обещать на эту весну. Хорошо бы Вам повидаться с мистером Недом Бернштейном, сопродюсером, когда вернётесь. Он больше меня сможет Вам рассказать о том, что происходит в сценографических студиях…» Нет, она не станет снова насчёт этого писать.

Внизу она купила открытку с видом на озеро Мичиган и старательно вывела на ней бодрое послание для миссис Робичек. Оно казалось фальшивым, пока она писала, но идя от почтового ящика, в который она бросила открытку, Терез вдруг ощутила энергию в теле, упругость в шаге, молодость в крови, которая согрела её щёки, когда она пошла быстрее, и она осознала, что свободна и сказочно одарена по сравнению с миссис Робичек, и что написанное ею не фальшиво уже хотя бы потому, что она так вот запросто может себе это позволить. Она не была скрючена недугом или полуслепа, у неё ничего не болело. Она встала перед витриной магазина, чтобы быстро подкрасить губы. Порыв ветра помешал ей — пришлось прерваться, чтобы поймать равновесие. Но в холоде ветра чувствовалась его весенняя сущность — словно сердце внутри, тёплое и юное. Завтра утром она начнёт искать работу. На жизнь ей должно хватить тех денег, что ещё оставались, а

то, что заработает, она прибережёт на обратный путь в Нью-Йорк. Разумеется, она могла бы дать телеграмму в банк и запросить остаток денег со своего счёта, но она не хотела этого делать. Она хотела поработать две недели среди тех, кого не знает, делая то, что делают миллионы других людей. Примерить на себя чужую судьбу.

Она откликнулась на объявление о должности секретаря-делопроизводителя. В объявлении говорилось, что печатать требуется совсем немного и просят прийти лично. Вроде бы они решили, что она их устраивает, и она провела всё утро за изучением документов. А после обеда пришёл один из начальников и сказал, что ему нужна девушка, в той или иной мере владеющая стенографией. Терез ею не владела. В школе её научили печатать на машинке, но не стенографировать, так что она осталась не у дел.

Во второй половине дня она снова просматривала колонки «на работу требуются». И тут ей вспомнилось объявление на заборе склада пиломатериалов недалеко от отеля. «Требуется девушка для повседневной работы в конторе и с товаром. 40 долларов в неделю». Если там не нужно стенографировать, она может им подойти. Было около трёх, когда она свернула на ветре-

ную улицу, где располагался склад. Она подняла голову и дала ветру сдуть волосы с лица. И вспомнила слова Кэрол: «Мне нравится смотреть, как ты идёшь. Когда я вижу тебя издалека, у меня чувство, что ты идёшь по моей ладони, и росту в тебе — дюймов пять». Она услышала тихий голос Кэрол в бормотании ветра и сжалась от горечи и страха. Она пошла быстрее, пробежала несколько шагов, как будто можно было убежать из этой трясины любви, и ненависти, и негодования, в которой вдруг увяз её разум, из которой пытался выбраться.

Контора располагалась в деревянной лачуге, сбоку во дворе. Терез вошла внутрь и заговорила с неким мистером Замбровским, медлительным лысым человеком с туго натянутой на животе золотой цепочкой для часов. Ещё до того, как она успела спросить мистера Замбровского о стенографии, он сам сообщил, что ему это не нужно. Он сказал, что даёт ей испытательный срок на остаток сегодняшнего дня и на завтра. Следующим утром пришли ещё две девушки насчёт этого места, и мистер Замбровский записал их имена, но перед полуднем сказал Терез, что она принята на работу.

— Если вы не против начинать в восемь утра, —

добавил он.

— Я не против. — В то утро она пришла в девять. Но она бы явилась и в четыре утра, если бы он попросил.

Её рабочий день длился с восьми до половины пятого, а обязанности состояли просто в сверке доставляемой на склад с лесопилки древесины с полученными заказами и написании писем-подтверждений. Леса из-за своего стола в конторе она видела мало, но запах его стоял в воздухе — свежий, будто пилы только что обнажили поверхность белых сосновых досок; и ей слышно было, как они пружинисто подпрыгивают и гремят при въезде грузовиков в центр двора. Ей нравилась её работа, нравился мистер Замбровский, нравились лесорубы и водители грузовиков, которые заходили в контору погреть у огня руки. Один лесоруб по имени Стив, симпатичный молодой человек с золотистой щетиной на лице, пару раз пригласил её пообедать с ним в кафетерии на той же улице. Он предложил ей встретиться в субботу вечером, но у Терез пока не было желания проводить целый вечер ни с ним, ни с кем-либо ещё.

КАК-ТО ПОЗДНО НОЧЬЮ позвонила Абби.

— Ты знаешь, что мне пришлось дважды зво-

нить в Южную Дакоту, чтобы найти тебя? — сказала Абби раздражённо. — Что ты там делаешь? Когда ты возвращаешься?

Голос Абби настолько приблизил Кэрол, как если бы это её она сейчас слышала. Горло снова сдавило пустотой, и какое-то время она не могла ничего отвечать.

— Терез?

— Кэрол с тобой?

— Она в Вермонте. Она больна, — хрипло проговорила Абби, и теперь в её голосе не было улыбки. — Она отдыхает.

— Настолько больна, что не может мне позвонить? Почему ты не говоришь, Абби? Ей становится лучше или хуже?

— Лучше. Почему ты сама не попробовала позвонить и узнать?

Терез с силой сжала телефонную трубку. Да, почему? Потому что она думала о картине, а не о Кэрол.

— Что с ней? Она…

— Прелестный вопрос. Кэрол написала тебе о том, что произошло, нет?

— Да.

— И что же, ты ожидаешь, что она будет скакать, как резиновый мячик? Или гоняться за

тобой по всей Америке? Это что, по-твоему, игра в прятки?

Весь тот разговор за обедом с Абби обрушился на Терез. По мнению Абби, во всём виновата она. Найденное Флоренс письмо было всего лишь последней промашкой.

— Когда ты возвращаешься? — спросила Абби.

— Дней через десять. Если только Кэрол не хочет получить машину раньше.

— Она не хочет. Её не будет дома через десять дней.

Терез выдавила из себя:

— То письмо — то, что я написала, — ты не знаешь, они обнаружили его до или после?

— До или после чего?

— После того, как сыщики начали нас преследовать.

— Они обнаружили его после, — сказала Абби со вздохом.

Терез стиснула зубы. Но неважно, что о ней думает Абби, важно лишь то, что думает Кэрол.

— Где именно в Вермонте она находится?

— Я бы на твоём месте ей не звонила.

— Но ты не на моём месте, и я хочу ей позвонить.

— Не надо. Это всё, что я могу тебе сказать. Я

передам любое сообщение — если оно важное. — И последовала холодная тишина. — Кэрол хочет знать, нужны ли тебе деньги и что с машиной.

— Мне не нужны деньги. Машина в порядке. — Она должна была задать ещё один вопрос. — Что Ринди знает об этом?

— Она знает, что значит слово «*развод*». И она хотела остаться с Кэрол. От этого Кэрол тоже не легче.

Хорошо, хорошо, хотелось сказать Терез. Она не побеспокоит Кэрол ни звонком, ни письмом, никакими сообщениями, разве что это будет связано с машиной. Её трясло, когда она положила трубку. И тут же она сняла её снова.

— Это комната шесть-одиннадцать, — сказала она. — Я больше не хочу принимать междугородние звонки — никакие.

Почтовый нож Кэрол лежал на прикроватной тумбочке, и теперь он означал Кэрол — человека из плоти и крови, Кэрол с веснушками и обломанным уголком одного зуба. Должна ли она что-нибудь Кэрол, Кэрол-человеку? Разве Кэрол с ней не играла, как сказал Ричард? Терез вспомнила её слова: «Когда у тебя муж и ребёнок, всё немного иначе». Она хмуро посмотрела на нож, не понимая, почему он вдруг стал просто

ножом, почему ей стало всё равно, хранить его или выбросить.

Два дня спустя пришло письмо от Абби с вложенным в него персональным чеком на сто пятьдесят долларов, о котором Абби велела ей «не беспокоиться». Также Абби написала, что она поговорила с Кэрол, и та хотела бы, чтобы Терез с ней связалась, и Абби дала ей адрес Кэрол. Письмо было довольно холодное, но жест с чеком холодным не был. Идея чека принадлежала не Кэрол, Терез знала.

«Спасибо за чек, — написала Терез в ответ. — Это ужасно мило с твоей стороны, но я им не воспользуюсь, и он мне не нужен. Ты просишь, чтобы я написала Кэрол. Вряд ли я смогу, да и не следует мне этого делать».

В ОДИН ПРЕКРАСНЫЙ ДЕНЬ, когда Терез вернулась домой с работы, в холле гостиницы сидел Дэнни. Она не могла до конца поверить в то, что это был он — темноглазый молодой человек, который, улыбаясь, встал со стула и медленно пошёл к ней. Затем вид его растрёпанных чёрных волос, ещё слегка более взъерошенных поднятым воротником пальто, симметричная широкая улыбка, показались такими привычными, будто она только вчера с ним виделась.

— Здравствуй, Терез, — сказал он. — Удивлена?

— Вообще-то с ума сойти как! Я уже махнула на тебя рукой. Ни словечка — за две недели. — Она вспомнила, что двадцать восьмого он собирался вылететь из Нью-Йорка, и в этот же день она приехала в Чикаго.

— Это я сейчас уже чуть не махнул на тебя рукой, — сказал Дэнни со смехом. — Мне пришлось задержаться в Нью-Йорке. Похоже, это было кстати, потому что я попытался тебе звонить, и домовладелица дала мне твой адрес. — Дэнни крепко держал пальцами её локоть. Они медленно шли к лифтам. — Ты чудесно выглядишь, Терез.

— Да? Я ужасно рада тебя видеть. — Перед ними был открытый лифт. — Хочешь подняться?

— Пойдём чего-нибудь поедим. Или ещё рано? Я сегодня не обедал.

— В таком случае точно не рано.

Они пошли в одно известное Терез заведение, специализирующееся на стейках. Дэнни даже заказал коктейли, хотя обычно он никогда не пил.

— Ты здесь одна? — спросил он. — Твоя домовладелица в Су-Фолсе сказала, что ты уехала одна.

— Кэрол в результате не смогла прилететь.

— А-а. И ты решила ещё побыть здесь?

— Да.

— До каких пор?

— Примерно до этих самых. Я еду обратно на следующей неделе.

Дэнни слушал, не сводя с неё тёплых, тёмных глаз, безо всякого удивления.

— А что, если тебе взять да поехать на Запад вместо Востока и провести немного времени в Калифорнии? Я получил работу в Окленде. Должен там быть послезавтра.

— Какую работу?

— Исследовательскую — как раз то, чего хотел. Я сдал экзамены лучше, чем ожидал.

— Ты первый на курсе?

— Не знаю. Сомневаюсь. Оценки выставлялись иначе. Ты не ответила на мой вопрос.

— Я хочу вернуться в Нью-Йорк, Дэнни.

— А-а. — Он улыбнулся, глядя на её волосы, на губы, и ей вдруг пришло в голову, что Дэнни никогда прежде не видел её с таким количеством косметики на лице. — Ты выглядишь неожиданно взрослой, — сказал он. — Ты изменила причёску, да?

— Немного.

— Ты больше не кажешься испуганной. Или

даже такой уж серьёзной.

— Мне это приятно. — Рядом с ним она чувствовала застенчивость, но при этом и странную близость, заряженную чем-то, чего у неё никогда не было с Ричардом. Некой интригой, и ей это нравилось. «Чуточка соли», — подумала она. Она посмотрела на лежащую на столе ладонь Дэнни, на выпуклую крепкую мышцу под большим пальцем. Она вспомнила его руки у себя на плечах в тот день в его комнате. Это было приятное воспоминание.

— Ты ведь немножечко по мне скучала, а, Терри?

— Конечно.

— А ты никогда не думала, что я могу быть тебе в какой-то мере небезразличен? Как Ричард, например? — спросил он с ноткой удивления в голосе, словно эта мысль ему самому показалась фантастичной.

— Не знаю, — поспешно ответила она.

— Но ты ведь больше не думаешь о Ричарде, правда?

— Ты и сам знаешь, что нет.

— А о ком тогда? О Кэрол?

Она вдруг почувствовала, как будто сидит перед ним голая.

— Да. Думала.

— А сейчас нет?

Терез была поражена тем, что он произносит эти слова без всякого удивления, не выказывая какого-либо отношения вообще.

— Нет. Это… Я не могу об этом ни с кем говорить, Дэнни, — закончила она, и голос прозвучал в её ушах низко и тихо, как чужой.

— Разве тебе не хочется об этом забыть, если всё уже в прошлом?

— Не знаю. Я не понимаю, что именно ты имеешь в виду.

— Я имею в виду, ты сожалеешь?

— Нет. Повторила ли бы я всё снова? Да.

— В смысле с кем-нибудь другим или с ней?

— С ней, — ответила Терез. Улыбка тронула уголок её рта.

— Но всё окончилось фиаско.

— Да. То есть я бы заново пережила и конец тоже.

— И ты сейчас ещё его переживаешь.

Терез промолчала.

— Ты ещё будешь с ней встречаться? Ничего, что я задаю все эти вопросы?

— Ничего, — ответила она. — Нет, я не буду с ней больше встречаться. Не хочу.

— А с кем-нибудь ещё?

— С другой женщиной? — Терез покачала головой. — Нет.

Дэнни посмотрел на неё и медленно начал улыбаться.

— Вот что важно. Или, скорее, вот почему это неважно.

— В каком смысле?

— В том смысле, что ты так молода, Терез. Ты изменишься. Ты забудешь.

Она не чувствовала себя молодой.

— Ричард тебе что-то рассказал? — спросила она.

— Нет. Как-то вечером, мне показалось, он хотел было, но я оборвал его до того, как он начал.

На губах Терез появилась язвительная ухмылка, она в последний раз затянулась почти догоревшей сигаретой и загасила её.

— Надеюсь, он найдёт кого-нибудь, кто станет его слушать. Он нуждается в аудитории.

— Он чувствует себя брошенным. Его самолюбие страдает. Ты только не думай, что я — как Ричард. Я считаю, что жизнь человека — это его личное дело.

Неожиданно ей на ум пришло когда-то сказанное Кэрол: у всех взрослых есть секреты.

Сказанное походя, как и всё, что говорила Кэрол, и отпечатавшееся у неё в мозгу нестираемо, как адрес, который она записала на товарном чеке во «Франкенберге». У неё возникло желание рассказать Дэнни всё — о картине в библиотеке, картине в школе. И о Кэрол — не картине, а женщине с ребёнком и мужем, с веснушками на руках, обыкновением сквернословить и впадать в меланхолию в самые неожиданные моменты, с дурной привычкой потакать её желаниям. О женщине, которая гораздо больше перенесла в Нью-Йорке, чем она — в Южной Дакоте. Она посмотрела на глаза Дэнни, на его подбородок с едва заметной ямочкой. Она поняла, что до этого самого момента находилась под чарами, которые не давали ей видеть никого в мире, кроме Кэрол.

— Ну и о чём ты сейчас думаешь? — спросил он.

— О том, что ты когда-то сказал в Нью-Йорке, о пользовании вещами и выбрасывании их.

— Она так поступила с тобой?

Терез улыбнулась:

— Я так поступлю.

— Так найди того, кого тебе никогда не захочется выбросить.

— Кто не износится, — сказала Терез.

— Ты мне напишешь?

— Конечно.

— Напиши через три месяца.

— Через три месяца? — Но она вдруг поняла, что он имеет в виду. — И не раньше?

— Нет. — Он смотрел на неё прямо, не отводя взгляда. — Это ведь достаточный срок, да?

— Да. Хорошо. Обещаю.

— Пообещай мне кое-что ещё — возьми завтра отгул, чтобы побыть со мной. У меня будет времени до девяти вечера.

— Не могу, Дэнни. Меня ждёт работа, и к тому же я в любом случае должна ему сказать, что через неделю ухожу. — Но настоящая причина была не совсем в этом, она знала. И, возможно, Дэнни, глядя на нее, тоже знал. Она не хотела проводить завтрашний день с ним; это было бы чересчур, он бы слишком напоминал ей о ней самой, а она ещё не была к этому готова.

Дэнни зашёл на склад на следующий день в полдень. Они собирались вместе пообедать, но вместо этого целый час проходили по Лейк-Шор Драйву и проговорили. В девять вечера Дэнни улетел на Запад.

Восемь дней спустя она отправилась в Нью-Йорк. Она задумала перебраться от миссис Осборн

при первой же возможности. Она хотела разыскать кое-кого из тех, от кого сбежала прошлой осенью. И будут ещё другие люди, новые люди. Этой весной она пойдёт учиться на вечерние курсы. И надо будет полностью поменять гардероб. Всё, что у неё было сейчас, вещи, какие она могла припомнить, оставшиеся в стенном шкафу в Нью-Йорке, казались детскими — будто она носила эту одежду много лет назад. В Чикаго она походила по магазинам, заглядываясь на вещи, которые пока ей были не по карману. Всё, что она сейчас смогла себе позволить, — это новую стрижку.

23

Терез вошла в свою старую комнату, и первое, что она заметила, был расправленный угол ковра. И ещё — насколько маленькой и трагичной выглядела комната. И всё же это была её комната — крохотное радио на книжной полке, подушки на раскладной тахте — такие же личные, как подпись, давно поставленная и забытая. Как эти два-три висящих на стене макета, которых она старательно избегала взглядом.

Она пошла в банк, сняла со счёта сто долларов из остававшихся двухсот и купила себе чёрное

платье и пару туфель.

Завтра, подумала она, она позвонит Абби и как-то договорится насчёт машины Кэрол, но не сегодня.

На тот же день у неё была назначена встреча с Недом Бернштейном, сопродюсером английского спектакля, для которого Гаркеви должен был ставить декорации. Она взяла с собой три сделанных на Западе макета, а также фотографии «Дождика», чтобы ему показать. Работой подмастерья у Гаркеви — если она вообще её получит — не прокормиться, но есть и другие источники заработка, помимо универмагов уж во всяком случае. Например, телевидение.

Мистер Бернштейн равнодушно посмотрел на её работы. Терез сказала, что ещё не разговаривала с мистером Гаркеви, и спросила, не знает ли Бернштейн, набирает ли тот помощников. Бернштейн ответил, что это решать самому Гаркеви, но насколько ему известно, в ассистентах он больше не нуждается. Ни о каких других сценографических мастерских, где сейчас нанимают людей, Бернштейн тоже не слышал. И Терез подумала о шестидесятидолларовом платье. И об оставшихся в банке ста долларах. И она сказала миссис Осборн, что квартиру можно показывать

когда угодно, потому что она съезжает. Терез пока понятия не имела куда. Она встала, чтобы уходить, и поблагодарила мистера Бернштейна за то, что тот всё-таки взглянул на её работы. Она сделала это с улыбкой.

— А как насчёт телевидения? — спросил Бернштейн. — Вы не пытались начать с него? Туда легче прорваться.

— Я сегодня встречаюсь с одним человеком в «ДуМонте»[21]. — Мистер Донохью снабдил её в январе парой имён. Бернштейн дал ещё несколько.

Потом она позвонила в студию Гаркеви. Гаркеви сказал, что прямо сейчас уходит, но она может сегодня закинуть ему макеты, и он посмотрит их завтра утром.

— Кстати, завтра часов в пять в Сен-Режи намечается коктейль в честь Женевьевы Кранелл. Если у вас будет желание туда заглянуть, — сказал Гаркеви в своей стаккатной манере, которая сообщала его тихому голосу математическую точность, — по крайней мере, тогда мы точно завтра увидимся. Сможете?

— Да. С большим удовольствием. Где именно

---

[21] notes: 21

DuMont Television Network — одна из первых в мире коммерческих телевизионных сетей.

в Сен-Режи?

Он зачитал из приглашения: люкс «Д», с пяти до семи.

— Я сам буду там к шести.

Она вышла из телефонной будки такая радостная, будто Гаркеви только что предложил ей партнёрство. Она пешком прошла двенадцать кварталов до его студии и там отдала макеты молодому человеку — другому, не тому, которого она видела в январе. Гаркеви часто менял ассистентов. Она окинула мастерскую благоговейным взглядом перед тем, как закрыть дверь. Возможно, он скоро возьмёт её к себе. Возможно, завтра она и узнает.

Она зашла в аптеку на Бродвее и позвонила Абби в Нью-Джерси. Голос Абби звучал совершенно иначе, чем в Чикаго. Кэрол, должно быть, гораздо лучше, подумала Терез. Но она не спросила про Кэрол. Она звонила, чтобы договориться о машине.

— Я могу приехать и забрать её, если хочешь, — сказала Абби. — Но почему бы тебе не позвонить и не поговорить об этом с Кэрол? Я знаю, что она была бы рада тебя слышать. — Абби фактически лезла из кожи вон.

— Ну… — Терез не хотела ей звонить. Но чего

она боялась? Голоса Кэрол? Самой Кэрол? — Хорошо. Я пригоню машину к ней, если она не будет возражать. Если будет, я тебе перезвоню.

— Когда? Сегодня?

— Да. Через несколько минут.

Терез прошла к выходу из аптеки и остановилась там на пару минут, разглядывая рекламу «Кэмела» с гигантским лицом, выпускающим кольца дыма, как гигантские пончики; низкопосаженные, угрюмого вида такси, лавирующие, словно акулы, в этот суматошный час, когда народ возвращается с дневных спектаклей и киносеансов; знакомую солянку из вывесок ресторанов и баров, навесов, парадных крылечек и витрин, эту рыжевато-коричневую мешанину боковой улицы, такой же, как сотни других в Нью-Йорке. Она вспомнила, как шла однажды по улице в районе Вест-Восьмидесятых — фасады домов из песчаника, с бессчётными наслоениями человеческого рода, человеческих жизней, одни из которых начинались, другие заканчивались там, — и она вспомнила ощущение придавленности всем этим, и как она торопилась поскорее выбраться оттуда на ближайший проспект. Каких-нибудь два-три месяца назад. Теперь такая же улица наполнила её напряжённым и радостным волне-

нием, желанием броситься туда с головой, вниз по тротуару со всеми его вывесками и козырьками театров, со спешащими и наталкивающимися друг на друга людьми. Она повернулась и пошла обратно к телефонным кабинкам.

Минуту спустя она услышала голос Кэрол.

— Когда ты приехала, Терез?

Сердце коротко трепыхнулось в потрясении при первом звуке голоса, и после — ничего.

— Вчера.

— Как ты? Выглядишь так же? — Кэрол говорила скованно, как если бы с ней рядом кто-то находился, хотя Терез была уверена, что там никого нет.

— Не совсем. А ты?

Кэрол помедлила.

— Ты говоришь по-другому.

— Я другая.

— Я тебя увижу? Или не хочешь? Один раз. — Это был голос Кэрол, но слова были не её. Слова были осторожные и неуверенные. — Может быть, сегодня? Ты на машине?

— Сегодня я должна встретиться с парой людей. Не будет времени. — Когда это она отказывала Кэрол, если Кэрол хотела её видеть? — Хочешь, я завтра перегоню к тебе машину?

— Нет, я могу сама за ней приехать. Я не инвалид. Она хорошо себя вела?

— Она в хорошей форме, — сказала Терез. — Нигде никаких царапин.

— А ты? — спросила Кэрол, но Терез ничего не ответила. — Я увижу тебя завтра? У тебя будет хоть сколько-нибудь времени во второй половине дня?

Они договорились встретиться в баре «Ритц-Тауэра» на Пятьдесят седьмой улице в половине пятого и затем попрощались.

КЭРОЛ ОПОЗДАЛА НА четверть часа. Терез ждала её за столиком, откуда видны были ведущие в бар стеклянные двери, и наконец она увидела, как Кэрол толчком открывает одну из них. Тело слабо заныло, и напряжение отпустило её. Кэрол была в той же шубе, в тех же чёрных замшевых туфлях, что и в день, когда Терез впервые её увидела, но сейчас красный шарф оттенял белокурую приподнятую голову. Лицо у неё было похудевшее, удивление и лёгкая улыбка преобразили его, когда она увидела Терез.

— Здравствуй, — сказала Терез.

— Я тебя сразу даже не узнала. — И Кэрол на секунду остановилась у столика, глядя на неё перед тем, как сесть. — Очень любезно с твоей

стороны, что согласилась со мной встретиться.

— Не говори так.

Подошёл официант, и Кэрол заказала чай. Терез машинально тоже.

— Ты меня ненавидишь, Терез? — спросила Кэрол.

— Нет. — До неё едва уловимо донёсся аромат духов Кэрол, эта знакомая сладость, которая теперь странным образом была незнакома, потому что не пробудила в ней того, что пробудила когда-то. Терез опустила на стол облатку со спичками, которую всё это время мяла в руке. — Как я могу тебя ненавидеть, Кэрол?

— Думаю, можешь. Какое-то время ты же меня ненавидела, правда? — произнесла Кэрол так, словно констатировала факт.

— Ненавидела? Нет. — Не совсем, можно было бы сказать. Но она знала, что Кэрол и так читает это у неё на лице.

— А теперь… ты совсем взрослая… со взрослой причёской и во взрослой одежде.

Терез посмотрела в её серые глаза — сейчас более обычного серьёзные и какие-то тоскливые, вопреки уверению гордой головы — и опустила взгляд, не в состоянии их постичь. Она по-прежнему прекрасна, подумала Терез с внезапно

пронзившей её болью утраты.

— Я кое-что уяснила, — сказала Терез.

— Что?

— Что я… — Терез замолчала — её мысли неожиданно перебило воспоминание о портрете в Су-Фолсе.

— Знаешь, ты выглядишь очень изысканно, — сказала Кэрол. — Ты вдруг вышла наружу. К этому приводит избавление от меня?

— Нет, — быстро ответила Терез. Она нахмурилась, опустив глаза на чай, которого не хотела. Фраза «вышла наружу» вызвала мысль о рождении и смутила её. Да, она родилась после расставания с Кэрол. Она родилась в миг, когда увидела картину в библиотеке, и её сдавленный крик тогда был как первый крик младенца, которого вытаскивают на свет божий против его воли. Она посмотрела на Кэрол.

— Там была картина, в библиотеке в Су-Фолсе, — проговорила она. И рассказала Кэрол о картине, просто и без эмоций, как историю, случившуюся с кем-то другим.

И Кэрол слушала, не сводя с неё глаз. Кэрол наблюдала за ней так, как могла бы наблюдать издалека за кем-то, кому она не может помочь.

— Странно, — сказала Кэрол. — И жутко.

— Да. — Терез знала, что Кэрол понимает. Она также увидела в глазах Кэрол сочувствие и улыбнулась, но Кэрол не улыбнулась в ответ. Кэрол по-прежнему неотрывно на неё смотрела.

— О чём ты думаешь? — спросила Терез.

Кэрол взяла сигарету.

— А как по-твоему? О том дне в магазине.

Терез снова улыбнулась.

— Это было так чудесно, когда ты подошла ко мне. Почему ты подошла именно ко мне?

Кэрол помедлила.

— По такой заурядной причине. Ты была единственная, кто не так адски был загружен работой. И ещё, я помню, на тебе не было рабочего халата.

Терез расхохоталась. Кэрол всего лишь улыбнулась, но вдруг стала самой собой, такой, какой была в Колорадо-Спрингс, ещё до всего. В то же мгновение Терез вспомнила о подсвечнике в сумке.

— Я купила тебе это, — сказала она, протягивая подсвечник Кэрол. — Наткнулась на него в Су-Фолсе.

Собираясь сюда, Терез просто завернула его в тонкую белую бумагу. Кэрол развернула подсвечник на столе.

— По-моему, он очарователен, — сказала

Кэрол. — Совершенно в твоём духе.

— Спасибо. Мне показалось, что он в твоём духе. — Терез посмотрела на руку Кэрол — большой палец и кончик среднего лежали на тонком ободке подсвечника, так же, как когда-то — на блюдцах кофейных чашек в Колорадо, Чикаго и местах, названия которых она успела забыть. Терез закрыла глаза.

— Я тебя люблю, — сказала Кэрол.

Терез открыла глаза, но не подняла взгляда.

— Я знаю, ты не чувствуешь того же. Да?

Первое её побуждение было — отрицать, но могла ли она? Она не чувствовала того же.

— Я не знаю, Кэрол.

— Это то же самое. — Голос Кэрол был тихим, выжидающим, она ждала либо подтверждения, либо опровержения.

Терез не сводила глаз с треугольных ломтиков поджаренного хлеба на тарелке между ними. Она подумала о Ринди. До сих пор она откладывала этот вопрос.

— Ты виделась с Ринди?

Кэрол вздохнула. Её рука отстранилась от подсвечника.

— Да, в прошлое воскресенье, в течение часа примерно. Видимо, она сможет приезжать ко

мне пару раз в год на полдня. Раз в сто лет. Я полностью проиграла.

— Ты ведь вроде говорила, несколько недель в году.

— Ну да, но кое-что ещё произошло — приватно между мной и Харджем. Я отказалась давать многие из тех обещаний, о которых он просил. Его семья тоже внесла лепту. Я отказалась жить по списку дурацких обещаний, который они составили как список проступков — даже под страхом, что они запрут Ринди от меня, как от какого-то людоеда. Именно это они и сделали. Хардж рассказал адвокатам всё — всё, что им ещё не было известно.

— Боже, — прошептала Терез. Она представила себе, что это значит: Ринди приезжает в сопровождении глазеющей гувернантки, которую заранее предостерегли насчёт Кэрол, велели, вероятно, не сводить глаз с ребёнка, и ведь Ринди скоро всё это поймёт. Какая радость вообще от такого визита? Хардж… Терез не хотела произносить его имя. — Даже суд был добрее, — сказала она.

— Собственно, в суде я тоже мало что пообещала, отказалась и там.

Терез невольно и едва заметно улыбнулась —

она была рада, что Кэрол отказалась, что вопреки всему она осталась такой гордой.

— Но это был не суд, на самом деле, просто обсуждение за круглым столом. Знаешь, как они сделали запись в Ватерлоо? Вбили в стену гвоздь — вероятно, сразу по нашем приезде.

– *Гвоздь*?

— Я помню, слышала, как кто-то стучит молотком. По-моему, это было тогда, когда мы только закончили принимать душ. Помнишь?

— Нет.

Кэрол улыбнулась.

— Гвоздь, который ловит звук, как диктофон. Этот человек снял соседний с нами номер.

Терез не помнила стука молотка, но ощущение насилия, надругательства вернулось, сокрушительное, разрушающее…

— Это всё позади, — сказала Кэрол. — Ты знаешь, я бы едва ли не предпочла совсем больше не видеть Ринди. Я никогда не буду требовать встреч с ней, если она больше не захочет со мной видеться. Я просто предоставлю это решать ей.

— Не представляю, чтобы она когда-нибудь не захотела тебя видеть.

Кэрол приподняла брови.

— Разве можно предсказать, что способен с ней

сделать Харджа?

Терез промолчала. Она отвела взгляд от Кэрол и увидела часы. Было тридцать пять шестого. Хорошо бы попасть на коктейль до шести, подумала она, если уж вообще туда идти. Она специально оделась для вечеринки — новое чёрное платье с белым шарфиком, новые туфли, новые чёрные перчатки. Но насколько же сейчас вся эта одежда казалась неважной. Она вдруг подумала о зелёных шерстяных перчатках, которые подарила ей сестра Алисия. Они так и лежат в этой древней обёртке на дне сундука? Ей захотелось их выбросить.

— Ко всему привыкаешь, — сказала Кэрол.

— Да.

— Мы с Харджем продаём дом, и я сняла квартиру на Мэдисон-авеню. И устроилась на работу, представь себе. Я буду работать в мебельном магазине на Четвёртой авеню закупщицей. У меня в предках явно были плотники. — Она взглянула на Терез. — В любом случае это кусок хлеба, и я буду ему рада. Квартира хорошая, большая — вполне годная для двоих. Я надеялась, что, может быть, ты захочешь там жить со мной, но, видимо, не захочешь.

Сердце Терез метнулось, точно как тогда, когда

она услышала голос Кэрол по телефону в аптеке. Что-то в ней невольно отозвалось, вмиг наполнило счастьем. И гордостью. Она была горда тем, что у Кэрол хватает мужества совершать такие поступки, произносить такие слова, что у Кэрол всегда будет хватать мужества. Она вспомнила, как мужественно Кэрол смотрела в глаза детективу на просёлочной дороге. Терез сглотнула, пытаясь проглотить биение своего сердца. Кэрол даже не смотрела на неё. Кэрол водила кончиком сигареты взад-вперёд по пепельнице. Жить с Кэрол? Когда-то это было невозможно, и этого она хотела больше всего на свете. Жить с ней и делить всё, зиму и лето, вместе гулять и читать, вместе путешествовать. И она вспомнила дни возмущённой обиды на Кэрол, когда она представляла, как Кэрол ей это предлагает и она отвечает «нет».

— Хочешь? — Кэрол посмотрела на неё.

Терез чувствовала, что балансирует на тонкой грани. Возмущения больше не было. Всё, что осталось, — это решение, натянутая в воздухе тонкая проволока, и ни с одной, ни с другой стороны ничто её не толкало и не тянуло. Но с одной стороны была Кэрол, а с другой — пустой вопросительный знак. С одной стороны — Кэрол, и теперь это будет по-другому, потому что они обе другие. Это будет

мир настолько же незнакомый, каким был мир только что ушедший, когда она впервые в него вступила. Только теперь не будет препятствий. Терез подумала о духах Кэрол, которые сегодня ничего для неё не значили. Чистый лист, который предстоит заполнить, сказала бы Кэрол.

— Так что? — произнесла Кэрол с улыбкой, нетерпеливо.

— Нет, — ответила Терез. — Нет, не думаю. — «Потому что ты меня снова предашь». Так она размышляла в Су-Фолсе, это намеревалась написать или сказать ей. Но Кэрол её не предавала. Кэрол любила её больше, чем своего ребёнка. И отчасти поэтому она не стала давать обещаний. Она сейчас испытывала судьбу, как испытывала её в тот день на дороге с детективом, когда пыталась получить от него всё — и тогда тоже проиграла. Теперь же Терез видела, как меняется лицо Кэрол, как на нём появляются едва видные признаки изумления и шока, настолько неявные, что, возможно, она одна во всём мире и могла их заметить, и в какой-то момент Терез не в состоянии была думать.

— Это твоё решение, — сказала Кэрол.

— Да.

Взгляд Кэрол застыл на лежащей на столе за-

жигалке.

— Вот и всё.

Терез посмотрела на неё, и вопреки всему ей захотелось протянуть руки, коснуться волос Кэрол и сжать их крепко всеми пальцами. Неужели в её голосе Кэрол не услышала нерешительности? У неё вдруг возникло желание бежать, быстро выскочить в дверь и помчаться по тротуару. Было без четверти шесть.

— Я должна идти на коктейль. Это важно, потому что связано с возможной работой. Там будет Гаркеви. — Гаркеви даст ей какую-нибудь работу, она была в этом уверена. Она звонила ему сегодня в полдень по поводу оставленных в его студии макетов. Они все ему понравились. — И ещё я вчера получила задание на телевидении.

Кэрол с улыбкой подняла голову.

— Моя маленькая большая шишка. Теперь по тебе видно, что ты можешь сделать что-то хорошее. Ты знаешь, что у тебя даже голос изменился?

— Да? — Терез замялась — ей всё труднее было там усидеть. — Кэрол, ты можешь пойти со мной, если хочешь. Это большая вечеринка на пару комнат в гостинице в честь актрисы, которая играет ведущую роль в спектакле Гаркеви. Я знаю,

что они не будут возражать, если я кого-нибудь с собой приведу. — И она не понимала точно, зачем её зовёт, с чего бы вдруг Кэрол захотела сейчас идти на коктейль, когда ей и самой-то не очень хотелось.

Кэрол покачала головой.

— Нет, спасибо, дорогая. Беги одна. У меня, собственно, встреча в «Элизе» через минуту.

Терез сгребла на коленях перчатки и сумку. Она посмотрела на руки Кэрол, на бледные, рассыпанные по тыльной стороне веснушки — обручального кольца теперь не было — и на её глаза. Терез чувствовала, что больше никогда её не увидит. Через две минуты, меньше, они расстанутся на тротуаре.

— Машина снаружи. Перед входом налево. И вот ключи.

— Знаю, я её видела.

— Ты ещё останешься? — спросила Терез. — Я оплачу счёт.

— Я оплачу счёт, — ответила Кэрол. — Иди, раз тебе надо.

Терез встала. Она не могла оставить Кэрол за столом, с их двумя чашками из-под чая, с пеплом от их сигарет перед глазами.

— Не оставайся. Выйди со мной.

Кэрол вскинула на неё взгляд с выражением некоего вопрошающего удивления.

— Хорошо, — сказала она. — У меня дома осталась пара твоих вещей. Мне…

— Это не имеет значения, — перебила её Терез.

— И твои цветы. Твои растения. — Кэрол расплачивалась по принесённому официантом счёту. — А что с цветами, которые я тебе подарила?

— Цветы, которые ты мне подарила… они погибли.

Их взгляды на секунду встретились, и Терез отвела глаза.

Они расстались на тротуаре, на углу Парк-авеню и Пятьдесят седьмой улицы. Терез перебежала проспект за секунду до того, как включился зелёный свет и выпустил у неё за спиной стаю машин, которые загородили от неё Кэрол, и Терез не могла её ясно разглядеть, когда обернулась на противоположном тротуаре. Кэрол медленно удалялась от неё, мимо входа в «Ритц-Тауэр» и дальше. Так и должно быть, подумала Терез, без долгих рукопожатий, без оглядки назад. И тут, увидев, как Кэрол взялась за ручку на двери автомобиля, она вспомнила о банке пива, которая так и осталась под передним сиденьем; вспомнила, как банка

позвякивала, когда она въезжала в Нью-Йорк, выруливая вверх из тоннеля Линкольна. Она подумала тогда, что надо бы эту банку вытащить, прежде чем возвращать машину Кэрол, но забыла. Терез поспешила дальше, к отелю.

НАРОД УЖЕ вовсю сыпался в холл через две входные двери, и официанту, который пытался вкатить уставленный вёдрами льда столик в комнату, приходилось нелегко. В комнатах стоял шум, и ни Бернштейна, ни Гаркеви нигде не было видно. Она никого там не узнавала, ни души. Кроме одного лица — с этим человеком она несколько месяцев назад где-то говорила о работе, так и не материализовавшейся. Терез огляделась вокруг. Какой-то мужчина сунул ей в руку высокий стакан.

— Мадемуазель, — напыщенно произнёс он. — Не этого ли вы ищете?

— Спасибо. — Она с ним не задержалась. Ей показалось, что в дальнем углу она видит мистера Бернштейна. Путь к нему преграждали несколько женщин в больших шляпах.

— Вы актриса? — спросил всё тот же мужчина, проталкиваясь за ней сквозь толпу.

— Нет. Сценограф.

Это и в самом деле оказался мистер Бернштейн,

и Терез, бочком протискиваясь между какими-то группами людей, добралась до него. Мистер Бернштейн протянул ей пухлую, приветливую руку и встал со скамьи-радиатора.

— Мисс Беливет! — воскликнул он. — Миссис Крофорд, консультант по гриму…

— Давайте не говорить о работе! — визгливо выкрикнула миссис Крофорд.

— Мистер Стивенс, мистер Фенелон, — продолжал Бернштейн ещё, и ещё, и ещё, пока она не стала кивать дюжине людей и повторять примерно половине из них: «Очень приятно».

— И Айвор… Айвор! — позвал мистер Бернштейн.

И тут появился Гаркеви — изящная фигура, изящное лицо, маленькие усики. Он улыбался ей, протягивая руку для пожатия.

— Здравствуйте, — сказал он. — Рад вас снова видеть. Да, мне понравились ваши работы. Я вижу ваше нетерпение. — Он коротко рассмеялся.

— Настолько, что для меня найдётся местечко? — спросила она.

— Вы хотите знать, — ответил он с улыбкой. — Да, найдётся. Зайдите ко мне в студию завтра часов в одиннадцать. Сможете?

— Да.

— Давайте потом ещё поговорим. Я должен попрощаться с этими людьми, которые уходят. — И он удалился.

Терез поставила стакан на край стола и потянулась в сумку за сигаретой. Дело сделано. Она бросила взгляд на дверь. Женщина с забранными наверх светлыми волосами и блестящими ярко-голубыми глазами только что вошла в комнату, произведя лёгкий фурор и радостное оживление вокруг себя. Она двигалась быстро и уверенно, поворачиваясь в разные стороны для приветствий, для рукопожатий, и Терез вдруг поняла, что это Женевьева Кранелл, та самая английская актриса на заглавную роль. Она выглядела иначе, чем на тех нескольких фото, которые видела Терез. У неё было одно из тех лиц, которые выглядят привлекательно, только если наблюдаешь их в динамике.

— Здравствуйте, здравствуйте! — в конце концов обратилась она ко всем, окидывая взором комнату, и Терез увидела, как на миг взгляд женщины задержался на ней, в то время как в самой Терез случилось потрясение, немного похожее на то, что она пережила, впервые увидев Кэрол, и в голубых глазах женщины вспыхнул тот же интерес, что был в её собственных — она знала —

при взгляде на Кэрол. И теперь Терез продолжала смотреть, а та, другая, отвела взгляд и повернулась к ней спиной.

Терез опустила глаза на стакан в своей руке и вдруг почувствовала жар в лице и кончиках пальцев, стремительное движение внутри, не совсем одной только крови или одних только мыслей. Ещё до того, как их представили друг другу, Терез знала, что эта женщина — как Кэрол. И она была прекрасна. И непохожа на картину в библиотеке. Терез улыбнулась, отпивая коктейль. Она сделала длинный глоток, чтобы привести себя в равновесие.

— Цветок, мадам? — официант протянул к ней поднос, полный белых орхидей.

— Большое спасибо. — Терез взяла одну. Она завозилась с булавкой, и кто-то — не то мистер Фенелон, не то мистер Стивенс — подошёл и помог. — Спасибо, — сказала она.

Женевьева Кранелл направлялась к ней, следом шёл мистер Бернштейн. Актриса поприветствовала стоявшего рядом с Терез мужчину так, будто очень хорошо его знала.

— Вы знакомы с мисс Кранелл? — обратился к Терез мистер Бернштейн.

Терез посмотрела на неё.

— Меня зовут Терез Беливет. — Она пожала протянутую ей руку.

— Очень приятно. Так это вы — сценографический цех?

— Нет. Только его часть. — Терез всё ещё чувствовала рукопожатие после того, как Женевьева отпустила её руку. Она пребывала в радостном волнении, бешеном и глупом волнении.

— Кто-нибудь принесёт мне выпить? — обратилась мисс Кранелл к кому-нибудь.

Мистер Бернштейн поспешил услужить. Мистер Бернштейн перезнакомил мисс Кранелл со всеми вокруг, с кем она ещё не была знакома. Терез услышала, как она кому-то говорит, что она только что с самолёта, и её багаж кучей свален в холле, и разговаривая — Терез это видела — мисс Кранелл пару раз бросила на неё взгляд поверх мужских плеч. Волнующая притягательность была в её аккуратном затылке, в забавном, беспечно вздёрнутом кончике носа — единственной беспечной черте этого узкого, классического лица. У нее были довольно тонкие губы. Она производила впечатление человека, предельно чутко всё воспринимающего и невозмутимо уравновешенного. И вместе с тем у Терез было ощущение, что Женевьева Кранелл может и не заговорить

с ней больше на этой вечеринке по той простой причине, что ей, вероятно, этого хочется.

Терез пробралась к висящему на стене зеркалу и глянула в него, чтобы проверить, в порядке ли волосы и помада.

— Терез, — произнёс голос рядом. — Вы любите шампанское?

Терез обернулась и увидела Женевьеву Кранелл.

— Разумеется.

— Разумеется. Ну что ж, подтягивайтесь наверх, в шестьсот девятнадцатый, через несколько минут. Это мой люкс. У нас позже будет вечеринка для своих.

— Весьма польщена, — сказала Терез.

— Вот и не разменивайте жажду на коктейли. Откуда у вас это прелестное платье?

— «Бонвит» — безумная экстравагантность.

Женевьева Кранелл рассмеялась. На ней был голубой шерстяной костюм, который действительно выглядел безумно экстравагантно.

— У вас такой юный вид. Думаю, вы не будете возражать, если я спрошу, сколько вам лет.

— Мне двадцать один.

Она закатила глаза.

— Потрясающе. Неужели кому-то ещё бывает

всего двадцать один?

Народ наблюдал за актрисой. Терез всё это льстило, ужасно льстило, и эта польщённость заградила то, что она чувствовала или могла бы почувствовать к Женевьеве Кранелл.

Мисс Кранелл протянула ей портсигар.

— Некоторое время мне казалось, что вы, возможно, несовершеннолетняя.

— Это преступление?

Актриса лишь взглянула на неё — голубые глаза улыбались — поверх пламени своей зажигалки. Потом она повернула голову, чтобы прикурить собственную сигарету, и Терез вдруг поняла, что Женевьева Кранелл никогда не будет для неё ничего значить, ничего за пределами этого получаса на вечеринке; что волнение, которое она испытывает сейчас, не продлится и не возникнет снова ни в какое другое время и ни в каком другом месте.

Откуда пришла подсказка? Терез пристально смотрела на тугую светлую линию брови, в то время как от сигареты поднялся первый дым, но там ответа не было. И внезапно чувство трагедии, почти сожаления, наполнило Терез.

— Вы из Нью-Йорка? — спросила её мисс Кранелл.

– Вивиː!

Новые люди, которые только что вошли в дверь, окружили Женевьеву Кранелл и увлекли за собой. Терез снова улыбнулась, допила коктейль и почувствовала, как по телу расходится первое успокаивающее тепло скотча. Она заговорила с человеком, которого вчера мельком встретила у мистера Бернштейна, и ещё с одним, которого не знала вовсе. Она посмотрела на дверной проём в другом конце комнаты, проём, который в этот момент был пустым прямоугольником, и подумала о Кэрол. Это было бы в духе Кэрол — всё-таки прийти, спросить её ещё раз. Или, скорее, в духе прежней Кэрол, не теперешней. Сейчас Кэрол, видимо, на этой своей встрече в баре «Элизе». С Абби? Со Стэнли Мак-Веем? Терез отвела взгляд от двери, словно боялась, что Кэрол и впрямь может там появиться, и ей снова придётся сказать: «Нет». Терез взяла ещё один предложенный ей коктейль и почувствовала, как пустота внутри медленно наполняется осознанием, что она могла бы очень часто видеться с Женевьевой Кранелл, если бы того захотела, и хоть никогда в неё не влюбится, сама может быть любима.

Кто-то из мужчин рядом спросил:

— Кто делал декорации для «Пропавшего мес-

сии», Терез? Не помните?

— Бланшар? — назвала она первое попавшееся имя, потому что продолжала думать о Женевьеве Кранелл, с чувством брезгливости, стыда за то, что ей сейчас пришло в голову, и она поняла, что этому не быть никогда. Она слушала беседу о Бланшаре и о ком-то ещё, даже участвовала в ней, но её сознание замерло в клубке, где спутались и переплелись с десяток нитей. Одна из них была Дэнни. Другая — Кэрол. Ещё одна — Женевьева Кранелл. Одна нить всё тянулась и тянулась наружу, но ум Терез застрял на пересечении. Она наклонилась прикурить и почувствовала, что проваливается в это хитросплетение ещё немного глубже, и тогда она ухватилась за Дэнни. Но крепкая чёрная нить никуда не вела. Ей стало ясно — словно сейчас говорил некий прогностический голос, — что с Дэнни она никуда дальше не двинется. И её опять захлестнуло одиночество, словно порыв ветра, таинственное, как внезапно набежавшая на глаза тонкая пелена слёз — настолько тонкая, Терез знала, что её нельзя было заметить, — когда она подняла голову и снова взглянула на дверной проём.

— Не забудьте. — Рядом с ней была Женевьева Кранелл. Потрепав Терез по руке, она быстро

проговорила: — Шесть-девятнадцать. Мы переходим туда. — Она двинулась было от Терез, но вернулась. — Вы ведь идёте? Гаркеви тоже идёт.

Терез покачала головой.

— Спасибо, я… я думала, что смогу, но сейчас вспомнила, что мне нужно быть в другом месте.

Женевьева посмотрела на неё озадаченно.

— Что случилось, Терез? Что-то пошло не так?

— Нет. — Она улыбнулась, направляясь к двери. — Спасибо за приглашение. Мы несомненно ещё увидимся.

— Несомненно, — сказала актриса.

Терез прошла в комнату, смежную с большой, и вытащила своё пальто из сваленной на кровати груды. Она поспешила по коридору к лестнице, мимо ждущих у лифта людей, среди которых была и Женевьева Кранелл, и ей было всё равно, видит её Женевьева или нет, когда она бросилась вниз по широким ступеням, словно бежала от чего-то. Терез улыбалась про себя. Воздух был прохладен и ласков на её лбу, с лёгким звуком крыльев он проносился в ушах, и ей казалось, что она летит через улицы, взлетает на бордюры. К Кэрол. И, возможно, Кэрол в этот момент уже знала, потому что раньше Кэрол знала о таких вещах. Терез пересекла ещё одну улицу, и перед

ней возник навес «Элизе».

Метрдотель в фойе что-то ей сказал, и она ответила: «Я кое-кого ищу», и пошла дальше, ко входу.

Она остановилась в дверях, оглядывая людей за столиками в зале, где играл рояль. Свет был неяркий, и сначала Терез её не заметила — она была наполовину скрыта тенью у дальней стены и сидела лицом к Терез. Кэрол её тоже не видела. Напротив сидел мужчина, Терез не знала, кто это. Кэрол медленно подняла руку и провела ею по волосам, откидывая их назад, по разу с каждой стороны, и Терез заулыбалась, потому что этот жест был Кэрол, и это её, Кэрол, Терез любила и всегда будет любить. О, теперь по-другому, потому что и она теперь другой человек, и это было как заново знакомиться с Кэрол, но всё равно это была Кэрол и никто другой. Это будет Кэрол, в тысяче городов, в тысяче домов, в чужих землях, куда они отправятся вместе, в раю и в аду. Терез помедлила. И тут, когда она уже готова была идти к Кэрол, Кэрол увидела её. Какое-то мгновение она как будто не веря вглядывалась в Терез, и Терез наблюдала, как медленно на её лице появляется улыбка, и затем рука Кэрол вдруг поднялась, и она взмахнула ладонью — в

коротком, пылком приветствии, какого Терез прежде никогда не видела. Терез пошла к ней.

Послесловие

Вдохновение для этой книги пришло ко мне в конце 1948 года, когда я жила в Нью-Йорке. Я только что закончила «Незнакомцев в поезде», но публикация их должна была состояться лишь в 1949 году. Приближалось Рождество, я пребывала в смутно подавленном расположении духа, к тому же без денег, и чтобы немного заработать, устроилась продавщицей в большой универмаг в Манхэттене на время так называемой рождественской гонки, которая длится примерно месяц. Кажется, я протянула там две с половиной недели.

В магазине меня прикрепили к секции игрушек, а конкретно — к кукольному прилавку. Там было много разного рода кукол — дорогих и не очень, с натуральными волосами и искусственными, также чрезвычайно важны были размер и одежда. Дети, а среди них были такие, что едва доставали носом до стеклянной крышки витрины, вместе с мамами, папами или обоими сразу, проталкивались вперёд, ошеломлённые экспозицией новеньких кукол, которые плакали,

открывали и закрывали глаза, иногда стояли на своих ногах и, разумеется, обожали менять одёжки. Это и впрямь была гонка, и мы с ещё четырьмя-пятью молодыми женщинами, работавшими за тем же длинным прилавком, не могли ни на секунду присесть с половины девятого утра и до обеденного перерыва. Да и после… Вторая половина дня была такой же.

Как-то утром светловолосая женщина в шубе ступила в этот шумный коммерческий хаос. Медленно и с неуверенным видом подалась она к кукольному прилавку — купить куклу или что-нибудь другое? — и, кажется, при этом рассеянно шлёпала о ладонь парой перчаток. Возможно, я обратила на неё внимание потому, что она была одна, или потому что норковая шуба была редкостью, и ещё потому, что у неё были светлые волосы, и казалось, она излучает свет. С тем же задумчивым видом она купила куклу, одну из двух-трёх, которые я ей показала, и я записала на квитанции её имя и адрес, потому что куклу надо было доставить в соседний штат. Это была рутинная операция, женщина заплатила и отбыла. Но я чувствовала себя как-то странно, голова плыла, я была близка к обмороку и в то же время испытывала душевный подъём, словно мне было

видение.

Как обычно, после работы я пошла домой, в свою квартиру, где жила одна. В тот вечер я записала идею, сюжет, историю светловолосой элегантной женщины в шубе. Я исписала страниц восемь тогдашней своей записной книжки, или cahier, от руки. Это была вся фабула «Цены соли». Она стекла с моего пера, словно ниоткуда — начало, середина, конец. У меня ушло на неё часа два, возможно, меньше.

Наутро я почувствовала себя ещё более странно и поняла, что у меня температура. Это должно было быть воскресенье, потому что я помню, как утром ехала на метро (в подземке), и в те времена людям приходилось работать и по субботним утрам тоже, а во время рождественской гонки — целый день. Помню, я чуть не упала в обморок, держась за поручень в поезде. У подруги, на встречу с которой я ехала, были кое-какие познания в медицине, я сказала ей, что мне нездоровится и что я обнаружила у себя на животе волдырь, когда принимала в то утро душ. Подруга лишь глянула на волдырь и сказала: «Ветрянка». К сожалению, у меня никогда прежде не было этой детской болезни, хотя я переболела едва ли не всем остальным. Недуг этот неприятен для взрос-

лого человека — температура поднимается до 40° по Цельсию и держится несколько дней, но что ещё хуже, лицо, туловище, руки от локтя до плеч, даже уши и ноздри, на коже и под кожей обсыпает гнойными пузырьками, которые зудят и лопаются. Их нельзя расчёсывать во сне, иначе останутся шрамы и оспины. Месяц ходишь с кровоточащими болячками, которые на лице видны всем и выглядят так, будто в тебя пальнули дробью из пневматического ружья.

В понедельник мне пришлось известить универмаг о том, что я не смогу вернуться на работу. Кто-то из сопливых детишек в магазине, должно быть, передал мне этот вирус, но заодно в каком-то смысле — и вирус книги: жар стимулирует воображение. Книгу я начала писать не сразу. Я предпочитаю, чтобы идеи варились во мне потихоньку неделями. К тому же, когда «Незнакомцы в поезде» были опубликованы и вскоре после этого проданы Хичкоку, пожелавшему сделать из них фильм, мои издатели, да и агент, стали говорить: «Напиши ещё одну книгу того же типа, чтобы укрепить репутацию в качестве…» В качестве кого? «Незнакомцы» вышли в серии «Приключенческий роман Харпера» в Harper&Bros., как тогда называлось издательство, так что я проснулась

«приключенческим» писателем, хотя «Незнакомцев» я у себя в голове никак не классифицировала и просто считала романом с интересной фабулой. А если я напишу роман о лесбийских отношениях, на меня навесят ярлык лесбийского писателя? Такая вероятность существовала, притом что я могла бы в жизни больше никогда не вдохновиться на написание подобной книги. Поэтому я решила предложить книгу под другим именем. К 1951 году я её закончила. Я не могла задвинуть её подальше на десять месяцев и взяться за что-то другое лишь потому, что из коммерческих соображений было бы разумно написать ещё одну «приключенческую» книгу.

Harper&Bros. отказались от «Цены соли», поэтому я была вынуждена искать другого американского издателя — к моему сожалению, так как я очень не люблю менять издателей. «Цена соли» получила ряд серьёзных и солидных рецензий, когда вышла в 1952 году в твёрдой обложке. Но настоящий успех пришёл год спустя, с выходом книги в мягкой обложке. Было продано около миллиона экземпляров этого тиража, а прочло книгу, вне всякого сомнения, ещё больше народу. Письма от почитателей приходили на имя Клэр Морган в издательство, выпустившее тираж

в мягкой обложке. Я помню, как получала по десять-пятнадцать конвертов с письмами, пару раз в неделю, на протяжении многих месяцев подряд. Я отвечала на многие из них, но на все ответить не могла без стандартного письма с заготовленным текстом, до которого у меня руки так никогда и не дошли.

Юная героиня моего романа Терез может показаться в книге эдакой тихоней, но то были дни, когда гей-бары ютились за какой-нибудь неприметной дверью где-то в Манхэттене, и если человек хотел попасть в определённый бар, он выходил из метро на одну станцию раньше или позже той, которая ему была удобна, дабы не быть заподозренным в гомосексуальности. Привлекательность «Цены соли» состояла в том, что там всё оканчивалось счастливо для двух главных героинь, или по крайней мере они собирались попробовать выстроить совместное будущее. До этой книги гомосексуалам — мужчинам и женщинам — в американских романах приходилось расплачиваться за свою девиацию тем, что они резали себе вены, топились в бассейне или меняли ориентацию на гетеросексуальную (так утверждалось), либо же проваливались — одинокие, несчастные и отверженные — в депрессию,

равную аду. Многие полученные мною письма содержали высказывания, подобные этому: «Ваша книга — первая такого рода со счастливым концом! Мы не все кончаем самоубийством, и многие из нас живут нормальной жизнью». В других говорилось: «Спасибо, что написали такую историю. Она немного похожа на мою собственную…» Или ещё: «Мне восемнадцать лет, и я живу в маленьком городке. Мне одиноко, потому что я ни с кем не могу поговорить…» Иногда авторам таких писем я советовала переехать в более крупный город, где будет возможность встретить больше людей. Насколько я помню, писем было поровну от мужчин и от женщин, что я сочла добрым знаком для своей книги. Так и оказалось. Поток писем не иссякал годами, и даже сейчас ещё нет-нет, да и придёт одно-два письма в год от читателя. Я так больше никогда и не написала книгу, подобную этой. Следующей моей книгой был «Недотёпа». Я стараюсь избегать ярлыков. А вот американские издатели их любят.

24 мая 1989